

(((СОНАР)))

№ 22, 2026 г.

Хайфа, Израиль

Редколлегия журнала (((СОНАР)))

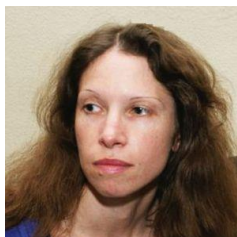
Марина
Симкина

Анжела
Беленко

Ирина
Лир-Лави

Ольга
Логош

Паулина
Чечельницкая

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: sonar.magazine.ru@gmail.com

Все номера журнала: <https://sonar.ecoimper.net>

Сонар медиа (все выпуски): [СОНАР аудио и видео](#)

Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

В оформлении данного номера журнала использованы картины Иосифа Гринберга.

На 1 странице обложки:

У памятника вертолетчикам. 2019, 82x80 см. Холст, масло.

На 4 странице обложки:

Октябрь в Хайфе. 2019, 130x90 см. Холст, масло.

Выпускающие редакторы: Ирина Лир-Лави и Леонид Штернберг.

Диана Беребицкая.....	3
М. Врубель. Демоны.....	3
Гелена Степура	6
Шопинг-терапия	6
Ирина Лир-Лави.....	9
Первая в жизни	9
Леонид Штернберг	18
О бедном уране замолвите слово	18
Юрий Фарбер.....	28
Эксперимент № 17.....	28
Инна Гендель.....	33
Из сборника «Седина седине рознь»	33
Инна Гендель.....	37
Три рецензии на книги.....	37
Леонид Гамбург	41
Нам разлука не страшна, коли встреча суждена.....	41
Мария Фердман	53
Назову его Ури	53
Паулина Чечельницкая.....	57
Жених для Милочки.....	57
Рахель Блувштейн	61
Перевод с иврита П. Чечельницкой.....	61
Илья Невяжский	64
Транзитом через Китай	64
Ольга Кардаш-Горелик.....	71
И не забудь меня там, на Звезде... ..	71
Светлана Морозова	78
Сон про козла.....	78

Иосиф Келейников	93
Магия и реальность	93
Эдуард Хейфец	99
Загадка Спруса	99
Михаил Гольдис	119
Над пропастью	119
Александр Крамер	123
Чарну	123
Марина Симкина	135
Пузиков из Биробиджана	135
Вениамин Арцис, [Борис Годин]	139
Героический подвиг семьи тен Бом	139
Анна Лея Портнова	163
Один дома	163
Сергей Реднев	173
Шотландия	173
Собачье	176
Броши серии АЛКО	179
Татьяна Реднева	181
Фантазии в камне	181
Анжела Беленко	186
В тени Рауля Валленберга Часть 4	186
Сведения об авторах	197
Картинная галерея	206
Иосиф Гринберг	206

М. Врубель. Демоны

Демон сидящий

Самоцветами закат
Застывает в гранях острых.
Ледяной надмирный остров.
Воспалённая тоска.

Там, где ангельская гладь,
В нестерпимо-стройном хоре,
Злая сталь под сердце входит,
Ядовитая игла.

Жар сомненья – не тепло:
Им силён и им же сломан.
Истекло, иссякло слово –
Порченный, порочный плод.

И тяжёлая вода
Блики медленно качает.
Тень паденья за плечами
Прорастает навсегда.

Демон летящий

Он был не похож на тех, с кружевными крылами,
Потупленным взором, на чинных и на почтенных.
Летел себе и летел – и пылал, как лампа,
Но знаешь, такая лампа – с адским свеченьем.

У тех улыбка сияет – острее жала.
Таков этикет: пришли одарить визитом.
А этот – как будто бы вырванный из пожара,
И ветер в нём воет – что в колоколе разбитом.

Когда говорил он, гримаса кривила губы:
«Их грёбанный рай не по нраву мне, не по росту.
В стерильном дерьме копошиться смешно и глупо,
И тошно молчать, покрываясь святой коростой».

Вздувало его шевелюру – седым бураном,
И мрачно, калёным сапфиром, горели очи,
И крылья – не крылья уже, а сплошная рана,
И было неясно, он плачет или хохочет.

И тут уже не упрёк, уже не сомненье –
Как будто бы камень залёг в глубине полёта.
На землю ложились тяжелые плотные тени.
Отчаяньем пахло вокруг и небом палёным.

Демон поверженный

Тяжко рухнул исполин, глыбою – в ущелье,
Смял хребты и рёбра гор, как метеорит.
А над ним густой закат едко дёсны щерит,
И венец из ледников надо лбом горит.

Руки сцеплены узлом: боли пантомима,
Мертвой куклы злой излом в золотом огне.
Застывает на устах крик неисцелимый,
Запекается в зрачках неизбывный гнев.

Цепенеет мощный торс, хрупкий, будто иней,
Тело, словно рваный шов, блекнет на парче,
Раздробилось по горам россыпью павлиньей
Всё величие его, становясь ничем.

Я б коснулась этих крыл, если бы посмела,
Затянула б этот шов нитями дождей,
Но прозрачный воздух сух, и белее мела,
Обнажились пики гор – в ледяной вражде.

Небеса в него глядят, как в пустые окна,
Где померкнул и сгорел славы ореол.
Горечь сердце захлестнёт, резкая, как окрик,
Потому что Прометей – сам себе орёл.

Шопинг-терапия

Мир сошел с ума. Безумие баллистических салютов. Перебежками от одного бомбоубежища до другого. Летит смертоносный снаряд. Из Ирана, из Ливана, из Йемена. Предупреждение пять минут. Минута. Пятнадцать секунд. Но в перерывах идет жизнь. Любой ценой.

Пятничное утро. Обычный израильский торговый центр. Шопинговый ажиотаж. По этажам гуляют, галдят, жуют. Переполненные тележки, бесконечное количество разнокалиберных пакетов. Парами, семьями, компаниями. Что это? Национальный спорт? Ритуал начала выходных? А может, наша извечная попытка нормализовать сошедшую с ума реальность?

Недавно в утренних новостях после очередного отчета о ночных атаках пустили репортаж из шопинг-центра. Случайные покупатели охотно общались с репортером и объясняли, что в магазинах, среди толпы чувствуют себя гораздо спокойней, чем дома.

Первыми открываются кафешки и пекарни. Куда же без чашечки кофе и горячей выпечки, запах которой сводит с ума даже тех, кто не голоден? А можно и поосновательней – израильский завтрак: обязательные два яйца, приготовленные по вашему вкусу, корзинка булочек, салат и пять-шесть различных намазков. Ну и, конечно, сок и кофе. Встать после такого перекуса удастся с трудом, зато на душе радость. Выходные. Можно затормозить. Не надо бежать на работу, на ходу глотая остывающее содержимое одноразового стаканчика.

Первые посетители – это пенсионеры. К моменту открытия они уже успели сходить в поликлинику за рецептами и на пилатес и теперь готовы к общению, обсуждению новостей и сплетен.

– Какие новости?

– Жить можно.

– А что, мы уже победили?

– Не знаю, но если мы продолжим бегать с третьего этажа в бомбоубежище по три раза за ночь, то я сдохну, не дожидаясь ракеты.

– Так переезжай к детям, у них мамад.

– Ни в коем случае. Они целыми днями на работе. А я буду одна со своими тараканами в голове. А если сирена? Я же с ума сойду. А так я хоть с людьми...

За ними приходят в обнимку молодые пары. Не выспавшиеся, сдавшие детей учителям и воспитателям, они понимают, что наступает их свободное время вдвоем. Единственное за всю неделю, а надо ой как много успеть... Поэтому едят они быстро. Иногда он с автоматом. Резервист.

Значит, с воскресенья, опять уедет неизвестно на сколько. Но это потом, потом, а сегодня у них утро на двоих. И от этого утра надо взять все... любимый... любимая...

Последними появляются дамские компании среднего возраста. Отдых и групповая терапия дружеского общения, заменяющая многим сеансы у психолога. Можно пожаловаться, поплакаться, похвастаться. И никто не осудит. И слушать будут внимательно, с интересом.

- А может, закажем вина?
- А давай, хоть расслаблюсь... Какие планы на выходные?
- Какие к черту планы? Он в Ливане... Какие к черту планы...
- Ему же пятьдесят, господи.
- Оставь. Я забыла, когда спала больше трех часов подряд.

Следом за кафе открываются продуктовые. Тележки разбираются в течение пяти минут. Все торопятся набрать продукты и успеть попасть на кассу до образования очереди. Кто-то лихо проносится между полок и стеллажей по заранее намеченному маршруту, смахивая продукты в тележку, не сбавляя шага. Кто-то впадает в ступор практически на входе, беспомощно таращась в список, который ему вручили дома. Туалетная бумага «Лили» на привычном месте отсутствует. Что делать дальше – неизвестно. В отделе стиральных порошков вопли: «Что значит он сам выбрал? Ему же ясно сказали, какую фирму брать». В ответ звучит надрывно:

– Я что, сам не могу решить? Значит, подписать договор на работе на десять миллионов я в состоянии сам, а выбрать стиральный порошок – это уже превышает мои умственные способности?

На что ему мягко объясняют, что с чужими миллионами он может делать что хочет, и даже подробно уточняют, куда их можно засунуть. А вот порошок надо поменять.

Кто-то неспешно разгуливает, по дороге пробуя все, что можно попробовать, изучает скидки и состав упаковки. Новый коттедж, новый шоколад со вкусом малины и новый тунец с чили. Надо брать. А пришел, вообще-то, за сельдереем и водой.

Так или иначе, вне зависимости от поведения покупателя, результат один – тележка переполнена и утрамбована. В очереди у кассы наконец приходит осознание, что магазин на следующей неделе откроют снова, а место в домашнем холодильнике конечно. Продавщица шутит:

– Вы закупаетесь как будто на войну.

В качестве акта раскаяния из тележки убирается пачка чипсов. Теперь со спокойной совестью можно сказать, что продукты куплены обдуманно и без лишнего транжирства.

И вот на часах заветные девять тридцать. Все магазины открыты. По

этажам начинается шумное броуновское движение. Играет музыка. Публика на редкость разношерстная. От вычурно нарядных, очень ухоженных дам на двенадцатисантиметровых шпильках до престарелых спортсменов в насквозь промокших майках, зашедших погулять сразу после утренней тренировки. Пугливыми стайками бегают подростки, прогуливающие школу. Не дай бог наткнуться на родителей. Весело галдят девочки-солдатки, отпущенные домой на выходные – наконец-то можно накраситься и прикупить красивой одежды. Стоит перед зеркалом тоненькая фея с автоматом. Примеряет вечернее платье с обморочным декольте. Автомат заменяет сумочку. Эстетика абсурда. Девочка, какая же ты красивая...

А как придирчиво бабушки и дедушки выбирают игрушки для внуков.

– Этот медведь стоит как мотоцикл.

– Ничего, не пообедем. Мягкие игрушки успокаивают. Шломи уже двенадцать, а он до сих пор спит с нашим слоном.

А местные папы, о которых уже столько было сказано и написано? Идет такой бандитского вида красавец с бычьей шеей, от одного взгляда на которого хочется отойти подальше. Он весь обвешан пакетами, на плече розовый рюкзачок с маленькими пони из детских мультиков. В джинсы заправлен пистолет Глок. Где-то на уровне колена, за его штанины держатся две близняшки. По ним видно, что недавно они ели шоколад. Причем ели всем организмом, от волос до кроссовок. Папа пытается вытереть ангелочков, они режут и брыкаются. Наконец они готовы вытерпеть экзекуцию в обмен на мороженое. Отец доволен – он смог договориться. Но тут появляется мама с очередным пакетом и легко сметает все достижения отцовской дипломатии – никакого мороженого перед обедом. И уходит в очередной бутик. Шантажистки вопросительно смотрят на отца. Он готов вытерпеть что угодно, кроме их слез, и они это отлично знают. Начинают рыдать синхронно. Он молча раздает им салфетки и покупает мороженое. Они молча все понимают. К моменту появления мамы все вытерты и довольны жизнью.

Кипит жизнь. И все шумят. И жалуются на шум и количество людей. И клянутся никогда больше в выходной сюда не приходить. И конечно, приходят. И я прихожу. Среди толпы гораздо спокойней, чем дома. Надо жить. Любой ценой.

Первая в жизни

(Отрывок из романа «Тетраэдр»)

Очередная арабо-израильская война, впоследствии названная второй ливанской, стала первой в жизни Наоми и ее семьи. Вооруженный конфликт на израильско-ливанской границе перерос в массированный обстрел всей северной части Израиля ракетами Хизбаллы. Триста тысяч человек были временно эвакуированы из Северного округа, а точное количество беженцев так и не удалось установить. Оставшиеся спасались в убежищах, по многу раз в день спускаясь туда надолго, а бывало, и оставаясь там ночевать. Тридцать четыре дня выли сирены, падали ракеты, дрожали дома и земля, доносилась канонада с ливанской границы.

Жизнь изменилась. Улицы и дороги заметно опустели. Лишь изредка появлялись отдельные прохожие, машины и автобусы. Служба тыла рекомендовала всячески избегать открытой местности, а из дома выходить только в случае острой необходимости. Даже простой поход в магазин за продуктами стал опасен. С детьми, разумеется, гулять было нельзя. Дорожная полиция разрешила проезд автотранспорта на красный свет, чтобы водители и пассажиры могли как можно быстрее убраться с дороги во время обстрелов. Железнодорожное сообщение остановили. Детские и общественные учреждения закрыли, большинство предприятий – тоже, а работников временно освободили от работы. Службу национального страхования обязали оплатить им вынужденный прогул. Осталось функционировать только то, что по роду деятельности закрыть нельзя. Оборудовали эти предприятия убежищами, укрытиями или защищенными пространствами, где и как смогли это сделать, и продолжили трудиться, рискуя собой на рабочем месте и особенно по дороге на работу и обратно.

Но все это пришло в Хайфу не сразу. Поначалу ракеты падали значительно севернее, и в городе было относительно спокойно, особенно если не смотреть телевизор и не слушать новости. Хотя мало кто не смотрел и не слушал. А потом началось...

Тетка позвонила из Москвы в тот самый вечер, когда в гору над хайфским жилым районом Кармель попала первая ракета.

– Что у вас там происходит? В новостях передали, что Хайфу обстреливают ракетами, – голос тетки звучал по-деловому четко. Сказывался навык военного хирурга в острой ситуации выключать эмоции, чтобы разумно действовать.

– У нас ничего страшного. Да, упала одна ракета. Случайная. У Хизбаллы в арсенале ракеты ближнего радиуса действия. Они до Хайфы не долетают, – успокоила тетку Наоми.

И это не было «ложью во спасение». Как и многие тогда в Израиле, Наоми действительно так думала. Да и периодические обстрелы новостью для Израиля не являются. Все время разнообразные заклятые друзья испытывают страну на прочность. То на севере, то на юге, то в центре. То ракеты, то теракты.

– Делаешь так, – распорядилась тетка командным голосом, проигнорировав информацию о вооружении Хизбаллы. – Первое: выясняешь, где ближайшее к вам убежище, что там есть и какой самый быстрый и безопасный путь до него добраться. Второе: пробегаешь этот путь с детьми и засекаешь время. Третье: собираешь в сумку воду, сухой паек, теплые вещи, деньги, документы и аптечку первой помощи. Берешь обезболивающее, жаропонижающее, антиаллергическое, настойку йода, перекинь водорода, обычный бинт, эластичный бинт и кровоостанавливающий жгут. Ставишь эту сумку у входной двери. Пусть там стоит. Четвертое: держишь меня в курсе, причем по возможности постоянно.

– Слушаюсь, мой генерал, – пошутила Наоми и попрощалась с теткой.

Ничего этого делать Наоми не стала. Тетка мыслит реалиями пережитой в детстве войны. С тех пор прошло больше шестидесяти лет. Да и было это совсем в другой стране, в другое время и с другим оружием. А уж теплые вещи точно не нужны. Июль в Израиле. Жара. И попасть в их дом ракетой не так просто. Это Нир уже просчитал. Дом находится на склоне ущелья, поэтому частично прикрыт складкой местности и соседним домом. К тому же удачно, что окна их квартиры выходят не на север, а на запад и на юг. Кроме того, бегать каждый раз из дома в убежище – это значит дополнительно рисковать и пугать детей. Если понадобится, можно просто выйти на лестницу. Она защищена квартирами со всех четырех сторон.

Они легли спать, и ночь действительно прошла спокойно. Утром Нир ушел на работу, а Наоми занялась детьми. У них каникулы, и на сегодня был обещан водный парк.

Сумка со всем необходимым для водного парка уже стояла у двери, все были готовы к выходу, и маленький Габриэль обнимал своего надувного крокодила, с которым так любил возиться в воде, когда Наоми вспомнила, что надо позвонить тетке.

– Когда вернемся, сразу же позвоню, – сказала себе Наоми. – Хотя нет, нехорошо заставлять ее волноваться лишние несколько часов. Она там слушает журналистов, сама реальности не видит, вот ей и кажется все страшнее, чем есть. Нужно прямо сейчас сделать доброе дело – успокоить

встревоженную старуху.

Разговор занял чуть более десяти минут. Наоми свернула бы его раньше, но тетка, похоже, сознательно тянула время. Наконец все-таки закончила.

– Вы счастливо непуганные, поэтому не бойтесь, – сказала она на прощание. – Но просто выполни мою просьбу: постарайся быть осторожной и предусмотрительной.

Наоми положила телефонную трубку. Дети дрались у двери, отбирая друг у друга крокодила.

– Все. Выходим, – скомандовала им Наоми, поймав недовольно-нетерпеливый взгляд старшего сына Даниэля.

И в этот момент воздух разорвал жуткий вой сирены. Дети в ужасе осели на пол. А затем послышались глухие удары. Один за другим. Много. Как будто где-то недалеко на землю падали очень-очень тяжелые грузы. Казалось, что земля дрожит, и вместе с ней дрожит дом. Дети рванулись к Наоми, она сгребла их в охапку и выскочила с ними на лестничную клетку. Там на площадках и в пролетах в напряженном молчании стояли соседи. Кто-то прижимал к себе ребенка, кто-то обнимал пожилых родителей. Глядя друг на друга, как будто ища поддержки и защиты стаи, люди прислушивались к звукам на улице.

Постепенно все стихло. Люди постояли еще какое-то время, а потом начали расходиться по своим квартирам. Наоми с детьми тоже вернулась к себе. Споткнулась о сумку, собранную для водного парка, и запихала все как есть на антресоль. Теперь это долго не понадобится, а сил разбирать все равно нет. Судя по мощности обстрела, Хайфа входит в банк целей Хизбаллы, и произошедшее сегодня – это только начало.

Наоми позвонила мужу, чтобы «подать признаки жизни», как они полусерьезно называли такие сигнальные звонки, к сожалению, необходимые и довольно регулярные в непростой израильской действительности, а затем включила телевизор. Шел выпуск новостей. Разрушено железнодорожное депо и погибло восемь рабочих. Есть тяжелораненые.

Наоми похолодела от услышанного. А в следующее мгновение ее обожгло жаром. Если бы она отложила звонок тетке, то в момент обстрела их машина скорее всего была бы именно около депо. Дорога проходит там вплотную вдоль забора. Время в пути совпадает. Кто знает, были бы они вообще сейчас живы. Наоми рванулась к детям, схватила их обоих одновременно и прижала к себе. Даниэль вопросительно посмотрел на мать, Габриэль с радостной готовностью ответил на ее объятие.

А потом начались прифронтовые будни. Наоми получила отпуск на работе и осела дома с детьми в вынужденном затворничестве. Город непривычно притих и замер. Все культурные заведения закрыли. Общественный

транспорт сильно поредел. Улицы заметно опустели. Лишь немногие прохожие спешили на работу или по неотложному делу.

Нир продолжал работать. Не все в химии можно вот так вдруг остановить, а самым просто закрыть дверь и уйти. Наоборот, в связи с войной работы в лаборатории как раз прибавилось. Каждое утро Наоми собирала ему с собой еду на целый день, ведь буфеты и кафе в Технионе теперь не работали, и с замиранием сердца и молитвой клала ему в карман маленькую книжцу Теилим – сборник псалмов царя Давида. Наш еврейский оберег, зов сердца ко Всевышнему.

Как-то утром Нир сказал:

– Больше не могу находиться в этом трехкамерном заключении: лаборатория – магазин – дом. Пойду на улицу, пробежусь и разомнусь на спортивной площадке.

Наоми попыталась его отговорить, сказала, что это опасно, напомнила ему про указание службы тыла и предложила сделать зарядку на балконе. Он ответил, что побегать и постучать в теннис на балконе не получится, что он чувствует себя, как перегретый реактор, и с этим нужно что-то сделать, пока избыточное давление не сорвало клапан.

– А как себя чувствует перегретый реактор? – серьезно спросил Даниэль.

– Когда я вернусь, мы попросим у мамы скороварку, и я расскажу тебе много интересного, – пообещал сыну Нир, взял теннисную ракетку с мячиком и ушел.

Уже в дверях он напомнил Наоми, что в последние дни по утрам ракет не бывает. А раз так, то он считает, что силы Хизбаллы на исходе. Наоми проводила его взглядом из окна. По существу, он прав. Хронический стресс стал их образом жизни. Добром это не кончится, поэтому действительно нужно сбросить напряжение. Но ей было страшно за него. Возможно, Хизбалла как раз собирает силы для мощной атаки, поэтому вот уже три дня по утрам действительно тихо.

Сирена завывала минут через двадцать после того, как он вышел из дома. Наоми с детьми привычно села на пол у опорного столба внутренней стены квартиры. Отметила время. Сирена смолкла, и за ней послышались глухие удары падения ракет. Судя по звуку, где-то в стороне. Значит, через десять минут можно будет встать и вернуться к своим делам. Тогда и Нир вернется. Видимо, он не успел домой и сейчас где-то прячется.

Прошло десять минут, двадцать, полчаса. Муж не вернулся.

Наоми в смятении бегала от окна к окну, пытаясь высмотреть, не подходит ли он к дому. Но на улице вообще никого не было. Это понятно, во время обстрелов все прячутся, и потом очень-очень постепенно начинают выходить. Воображение рисовало ей страшные картины. Она гнала их, но

они упорно возвращались. Неужели его задело? Может быть, он где-то лежит, нуждается в помощи и позвать не может, а если и может, то все равно это бесполезно, ведь на улице сейчас нет людей. А телефон? Он не взял его. Вот он, на столе. А если бы даже взял, то все равно при обстрелах связь валится. Сеть не выдерживает нагрузки.

Больше ждать Наоми не могла. Надо идти искать его. А дети? Оставить их одних дома? Другого выхода она не видела.

Наоми обняла сыновей, прижала к себе. Глядя в глаза старшему, сказала:

– Даниэль, я иду на улицу за папой. Вы остаетесь здесь. Ты отвечаешь за себя и за брата, пока мы не вернемся. Через два года твоя бар-мицва, и ты удостоишься по-взрослому отвечать перед Всевышним. Разумеется, мы сделаем большой праздник. Такой, какой ты захочешь. Но сейчас война. Во время войны дети взрослеют быстрее. Что бы ни случилось в жизни, всегда держитесь с Габриэлем вместе. Так спаслись твой дедушка и его сестра, когда в их детстве тоже была война.

...Спортивная площадка была пуста. Около тренажера валялся теннисный мячик. Значит, Нир здесь был. Просто потерял? Или это не его мячик? Она внимательно осмотрела всю площадку. Ничего особенного. Значит, по крайней мере здесь ничего страшного не произошло. Ну и куда теперь? Может быть, на парковку? Допустим, ему что-то понадобилось в машине. Но у машины его тоже не было.

Наоми обежала уже несколько прилегающих к дому улиц, когда опять завывала сирена. На улице она звучала еще истощнее и страшнее, чем дома. Наоми остановилась, соображая – далеко ли дом, и что же ей теперь делать. И вот тут она увидела в небе яркую стремительно приближавшуюся точку. Мимо Наоми бежали какие-то люди. Кто-то хлопнул ее по спине, схватил за руку, и она, уже не соображая, а просто повинуясь какому-то стадному инстинкту, побежала вместе со всеми.

Они только успели забежать в убежище, когда совсем рядом грохнул взрыв. Наоми рванулась к выходу. Военный в форме преградил ей путь.

– У меня там дети дома одни, – в отчаянии крикнула ему Наоми.

– Дети дома под крышей и за стенами, а ты окажешься на улице под ракетами. Детям мать живая нужна. Уйдешь через десять минут после того как все успокоится, – категорично сказал ей военный, мгновенно оценив ситуацию.

Наоми лихорадочно осматривала помещение. На противоположной от выхода стене она заметила металлическую лестницу и круглую крышку люка над ней. Наверное, аварийный лаз. На улице прогремел второй взрыв. Еще сильнее первого и как будто со стороны ее дома. Дети! Она

должна быть сейчас с ними! Наоми бросилась к люку. Пролезу! С неизвестно откуда взявшейся, несвойственной ей силой она открыла крышку люка, но за ней оказалась толстая решетка. Значит, это не аварийный выход, а вентиляция. Вырвать толстые металлические прутья было невозможно.

«В ловушке! Не выбраться!» – вспыхнуло в ее мозгу.

Страшный озноб пронзил все тело, потемнело в глазах, и панический страх завладел всем ее существом. Первый в ее жизни приступ клаустрофобии. Сквозь завесу страха она с трудом понимала, что какие-то женщины сняли ее с лестницы, посадили рядом с собой, спросили ее имя, имена сыновей и, раскрыв книгу Теилим, все вместе стали вслух молиться за благополучие ее детей.

– Да ответит тебе Всевышний в день несчастья, пошлет тебе помощь из святилища, поддержит с Сиона, даст тебе по желанию сердца твоего. Да ответит нам Царь вселенной милосердием своим великим, могуществом своим спасающим, когда воззовем...

Когда все кончилось, эти женщины вывели ее на улицу, спросили, где она живет и сможет ли самостоятельно добраться до дома.

На улице паническая атака прошла. Стало легче. Вернулась способность рационально мыслить.

«Острый психоз, сказал бы сейчас отец», – подумала Наоми.

Она пришла в себя. Добежала до своего дома. Профессиональная наблюдательность химика-экспериментатора автоматически выхватила изменения. Тяжелое зеркало солнечного бойлера на крыше опрокинуто и частично висит над тротуаром, держась на резиновом шланге, соединяющем его с водяным баком. Оторвется и упадет при первом же сильном порыве ветра. И тогда будет потоп. Счастье, если зеркало, падая, никого не покалечит. Хорошо еще, что на улице мало прохожих.

Завернув за угол своего дома и поравнявшись с дверью подъезда, Наоми увидела, что у соседнего дома пробита крыша и разворочен угол, обращенный к их квартире. Жалюзи на окнах их квартиры сорваны взрывной волной. Одна валяется на земле под окном. Другая косо застряла в оконном проеме детской комнаты и вот-вот провалится внутрь. А дети? Что с ними?

Перед глазами Наоми поплыли красные круги и замелькали разноцветные молнии. Почти вслепую она забежала в подъезд. На лестнице услышала шаги и голос ее старшего сына, говорившего младшему:

– Не хнычь, Габриэль. Да, рюкзаки получились тяжелые, но они помогут нам продержаться до тех пор, пока мама нас не найдет. Отсюда нужно уходить. Здесь опасно оставаться. Я взял только самое необходимое: воду, сухую еду, одеяло, каждому из нас по свитеру и запасной паре обуви,

деньги и мамин мобильный телефон. Она позвонит нам, когда сможет. Я оставил ей записку. Сейчас мы с тобой предупредим соседку и быстро побежим в убежище, пока затишье. Я знаю, где это. Нам в школе задавали разведать дорогу и составить отчет разведчика.

Наоми привалилась спиной к стене и начала медленно оседать на пол. Ноги ее больше не держали. Идти она не могла. Сбоку от нее скрипнула входная дверь подъезда. Сквозь мелькавшие перед глазами молнии она с трудом различила фигуру мужа.

«Почему ты не пришел домой после первого обстрела? Я тебя искала и не нашла», – хотела сказать ему Наоми, но губы не слушались ее. Страшно болела голова.

Однако он понял ее беззвучный вопрос и ответил:

– Я не успел. Помогал старухе и ее мужу-инвалиду. А второй обстрел пересидел в подземном переходе. И еще где-то потерял мячик.

– Значит, все живы, – успела подумать Наоми, проваливаясь в пустоту.

...Летать было удивительно легко и приятно. И очень естественно. Со всем не удивляло, что, оказывается, она умеет это делать. Планировать вместе с заходящим солнцем вниз, к синей глади моря, заглянуть за горизонт и уже от самой воды взмыть вверх, устремляясь к белым сугробам облаков. А потом подняться над ними и направиться туда, ввысь, все ближе и ближе к звездам, с упоением отдаваясь этому восхитительному потоку то ли ветра, то ли какой-то энергии...

А потом откуда-то пришел звук. Вначале слабый и далекий, он становился все сильнее, ближе и надрывнее. Бесконечная песня из одного повторяющегося слога «мамамамама...», полная боли, страха и отчаяния. Эта песня мешала полету, отвлекала и тянула куда-то прочь от зовущих звезд. А затем боль подобралась совсем близко. Она была справа, рядом, но что там болит, было непонятно...

Наоми открыла глаза. Она лежала на кровати у себя в спальне. Справа от нее, в отчаянии вцепившись в ее руку, лежал и выл Габриэль: «мамамамама...»

– С возвращением. Ну и напугала же ты всех нас. Даже доктора. Уже собрались везти тебя в больницу, – услышала Наоми голос мужа.

Она повернула голову на звук. Увидела мужа и рядом с ним старшего сына. Даниэль сильно изменился. Другой взгляд, другая осанка, другая повадка, другие интонации в голосе. Ее ребенка больше не было. Вместо него стоял взрослый человек в совсем не подходящем ему детском теле.

– Очень болит рука, – с трудом раскрывая губы прошептала Наоми.

– Это Габриэль на тебе повис. Так вцепился, что не смогли оторвать. А рав Арье сказал, что раз не можем, то и не нужно. Это даже может помочь. Сердце матери ответит ребенку, – объяснил Нир.

– И оказался прав, – сказал доктор, заходя в комнату. Он измерил Наоми давление и пульс, проверил реакцию зрачков, послушал сердце и снял кардиограмму, а потом начал задавать ей странные вопросы: как ее зовут, где она находится, кто рядом ней, как их зовут, какое сегодня число, день недели, время года.

За окном опять завывала сирена, а затем послышались глухие удары падающих ракет: «бум, бум, бум». Но на этот раз как будто чуть поодаль.

– Ну что ж, невероятно, но сейчас острой необходимости в госпитализации нет. К тому же не стоит опять рисковать под обстрелом. Однако направление в больницу я вам оставляю. Пусть будет. Если до завтра вы им не воспользуетесь, то завтра все равно обязательно в поликлинику. Нужно провести обследование, – заключил доктор.

Габриэль замолчал, перелез на противоположную сторону кровати, прижался к маме и заснул. А вслед за ним заснула и Наоми.

Когда она проснулась, рядом никого не было. Где-то недалеко, похоже у соседей, выла собака. За стеной работал телевизор. Шел выпуск новостей. Диктор рассказывал о том, какие районы сегодня подвергались обстрелу. Корреспонденты давали репортажи с мест. Зазвонил звонок у входной двери. Судя по голосам, зашла соседка.

– У меня ребенок перестал разговаривать. Еще утром во время обстрела забился от страха в ванную комнату и вот с тех пор сидит там в темноте и молчит. А собака, так та наоборот: все время то воет, то визжит. Никак не успокоить ее. Залезла под диван и даже на колбасу не выманить. Не пойму, как она там под диваном помещается. Ведь большая же, – говорила соседка.

– Ребенка показать психологу, а собаке дать успокоительного. Может быть, проспится и забудет, – предложил Нир.

– Так что, нужно звонить ветеринару и педиатру? – недоуменно спросила соседка.

– Лучше в обратном порядке, – посоветовал Нир.

Соседка беспомощно замерла.

– Я говорю, что лучше сначала связаться с детским врачом, а потом с собачьим, – пояснил свою мысль Нир.

Но соседка, обычно разумная и деловая, сейчас не могла освоить этот простейший алгоритм. «Она в шоке. Ей самой нужен врач», – понял Нир.

– Диктуй мне телефоны вашего семейного врача и педиатра, – скомандовал он соседке.

Выпуск новостей заканчивался. Выступил представитель службы тыла, еще раз напомнил о правилах поведения при ракетном обстреле, а за ним диктор подвел итог дня: «Жертв и серьезных разрушений нет».

Ну да, конечно, материальных ценностей разрушено не много. А не материальных? Дети, потерявшие детство, в одночасье став взрослыми. Люди, пострадавшие от шока и психологических травм. Малыши, переставшие говорить. Ребенок, в истощном вопле тащивший мать из-за горизонта. Разве они жертвами не являются? Разве только значительное повреждение вещей является серьезным разрушением? А душевные травмы, подорванное здоровье, приобретенные фобии, которые теперь будут разъедать душу и разрушать жизнь – это разве не серьезно? Если нет, тогда действительно жертв и серьезных разрушений сегодня не было.

О бедном уране замолвите слово

Предисловие

Все боятся атомной бомбы. И правильно делают. Но уровень страха должен быть разумным. Возможности атомной бомбы на самом деле сильно преувеличены.

И как нам жить с 460 кг обогащенного до 60% урана, который скрылся где-то в завалах Ирана? Сейчас Иран его мигом откапает и тут же сделает 10 боеголовок! Начнем с того, что о существовании этих кг нам известно только по пересказам прессы отчетов МАГАТЭ, сотрудники которого после 2022 года этот уран сами не видели, а оценивали «по косвенным признакам», а этому веры не много. Но допустим, что уран есть. Попробуем посчитать что где и сколько.

Понятно, что автор не имеет никакого допуска к секретам, поэтому все данные здесь взяты у нечеловеческого разума из интернета. Этот же разум даже внутри одного запроса дает слегка противоречивые результаты. Но мы получаем хотя бы ориентировочные данные, по которым можно хоть что-то посчитать. А если кто-то получит более точные данные, то сможет пересчитать сам. Из опубликованных данных можно достоверно посчитать только противоречия между ними. Можно ввести в расчет какие-то разумные предположения, но они субъективны. И если кто-то не считает эти предположения разумными, возьмите свои разумные и посчитайте, что получается.

Сколько, чего и как насчитали?

Сначала было число «более 400», затем 460, потом 440 кг, на чем и остановились. Уже начинаем не верить: так 440 или 460? Теперь вопрос: «440 кг чего?» Урана вообще, урана-235 (который для бомбы) или гексафторида урана (который превращается в газ при примерно 60° и крутится в центрифугах)? А в гексафториде только две трети собственно урана, остальное – фтор. МАГАТЭ дает числа в пересчете на уран, т. е. это надо понимать как 440 кг урана, в котором 60% урана-235. Эти числа имеются в конфиденциальных отчетах – «более 400» озвучил гендиректор МАГАТЭ Р. Гросси, а затем СМИ «округлили» до 440/450/460.

В июне 2022 Иран отключил или изъяс значительную часть оборудования наблюдения, далее МАГАТЭ оценивал ситуацию по периодическим инспекциям части объектов, анализу проб, спутниковому мониторингу и

декларациям Ирана (самая «точная» часть). Погрешность для объектов типа средних и крупных иранских каскадов доходит до сотен кг.

Последний достоверный отчет МАГАТЭ в середине 2022 года давал оценку 33–34 кг. Это результат измерений и имеет разумную погрешность – около 3%.

На конец 2023 года оценка была 120–180 кг – ничего себе точность: разница в 50%!

На 1-е полугодие 2024 оценка: 200–300 кг (прибавка в 80–120 кг – неточность тоже 50%).

На конец 2024 оценка: 350–420 кг (прибавка в 150–120 кг – неточность 25% и вообще какая-то отрицательная – кто так считает? – если было 200–300 и добавили 120–150, то получим 320–450).

И на середину 2025 оценка: 400–460 кг (прибавка в 50–40 кг – неточность 25% и опять отрицательная). Производство снизилось (???) в 2–3 раза!!!

А затем прилетели бомбардировщики...

Понятно, что все эти «оценки» высосаны из пальца. Если за первые полтора года набралась неточность в 1.5 раза, то логично предположить хотя бы такую-же неточность и за следующие полтора года. Итого получается $1.5 \times 1.5 = 2.25$. И тогда, приняв 440 кг за верхнюю оценку, получим нижнюю – 200 кг. Желающим дрожать от страха от числа 440 мешать не будем, а для реалистов возьмем что-то среднее: 300 кг – удобно для расчетов, а для нашей точности плюс-минус 10 кг на итог не влияют. Пессимисты могут умножить полученные результаты на 1.5.

Считаем боеголовки

На одну боеголовку с мощностью типа хиросимской нужно 50–60 кг 90%-ного урана, а на современную – порядка 25 кг. В 300 кг 60%-ного урана есть около 180 кг урана-235 (который для бомбы). А с концентрацией 90% получается 200 кг: еще 20 кг ненужного урана-238. Но в реальности никому не удастся собрать весь уран-235 – что-то уйдет в так называемые «хвосты», на практике получится порядка 170–185 кг 90%-ной массы – сырье для боеголовок. Т. е. хватит его на 3–7 боеголовок. Хотя бы одну надо использовать на испытаниях (это если все сразу сработает). Остается 2–6 на бомбы. Результат обычный для СМИ: нас напугали раз в 2–5 больше, чем реально опасно.

50 кг – это критическая масса: иначе не взорвется – нейтроны улетают. Но есть современные способы (нейтронные отражатели), позволяющие обойтись и 25 кг. Знают ли их иранцы? Скорее всего, да, а вот смогут ли использовать – не факт. Например, теорию ПВО знали и иранцы, и китайцы и русские – и как: сильно помогло? Так что, скорее всего, на боеголовку им потребовалось бы 30–35 кг, и вместо 6 бомб остается всего 4.

Понятно, что число «10 боеголовок» – это теоретический максимум, если все идеально на 100%. Но эту деталь забывают или сознательно опускают, хотя 100% никогда не бывает.

Типичная реакция людей: «Что нам эти расчеты! И одной бомбы хватит. Израиль – вообще страна одной бомбы!» Нет, не хватит! Мнение о возможностях одной бомбы сильно преувеличено, хотя экологическая катастрофа гарантирована. Вопрос только: какого уровня? В 1961 году СССР на архипелаге Новая Земля в Ледовитом океане взорвал супербомбу в 50 мегатонн – в 3000 раз более мощную, чем в Хиросиме. Кто-нибудь помнит, чтобы кто-то из живших тогда в СССР или Европе рассказывал о каких-то долговременных последствиях или необычных эффектах? Большинство жителей СССР (я в том числе) вообще ничего не заметили и узнали об этом гораздо позже. Хотя в поселках на севере в 700 км от полигона стекла повывивало. А пресловутая «ядерная зима» – это если много-много бомб взорвать одновременно.

А когда же можно ожидать эти бомбы? Уже лет 20 мы слышим о том, что через 2 месяца у Ирана будет столько-то бомб. Иногда уточняют, что не бомб, а урана, достаточного для изготовления стольких-то боеголовок. Вот это и есть ключ! Саму бомбу еще надо сконструировать, изготовить, испытать, сделать для нее ракету и пусковую установку, испытать их, изготовить для ракеты топливо, произвести достаточное количество бомб, ракет, установок, топлива, обучить экипажи и т. д. Сколько на это нужно времени, сказать трудно, но явно не пару месяцев. Сегодня этот вопрос закрыт полностью: производственные мощности ракет, топлива, пусковых установок уничтожены практически на 100%, для их восстановления нужны годы, если не десятилетия.

Таинственные 60%

Те, кто дает себе труд слегка задуматься, могут задать себе пару вопросов.

Первый. А почему Иран остановился на 60% обогащения, а не пошел дальше? А почему до 60% обогащать долго, а с 60% до 90% – быстро? Представив себе обогащение урана как отжим ненужного урана-238 и сравнив его с отжимом воды из мокрой тряпки, можно прийти к двум выводам. Первый: видимо, для «отжима» до 90% нужны более совершенные центрифуги, а как иначе объяснить остановку на полдороге? Второй вывод – и со скоростью непонятно: первые проценты 60 воды отжимаются руками за 10 секунд, следующие 30% – в центрифуге стиральной машины за 3 минуты, а дальше сколько ни крути – суше не станет. Но это заблуждение (и к сожалению, я сам пребывал в нем долгое время). Потому что обогащение урана – это разделение газов, а не отделение воды от твердого

тела. И если взять центрифуг побольше и покрутить подольше, то результат получить можно.

Правильные ответы таковы. 60% – это «психологический» барьер для МАГАТЭ: до этого уровня МАГАТЭ делал вид, что это еще не оружейный уран. Обогащение же от 3% до 33% требует гораздо больше времени, чем от 60% до 90% просто потому, что надо прогнать через центрифуги огромное количество материала, из которого при этом львиная доля уходит в отходы, и чем ниже стартовое число, тем больше эта доля. Но насчет двух месяцев – это уж слишком.

Сколько нужно времени

Способность обогащения урана измеряется в SWU (Separative Work Units). Объяснить простым языком, что это такое, сложно, но для наших целей и не нужно. Для обогащения с 5% до 60% нужно примерно: 120–150 SWU на 1 кг продукта. Для накопления 400 кг (не 460) надо 40–50 тыс. SWU.

Суммарная мощность установленных центрифуг разного типа определяется в 10 000–15 000 SWU/год. Как всегда, точность – оглушительная: 50%. За 2.5 года – это 25 000–37 500 SWU, что меньше, чем 40 000, т. е. чтобы довести уран с 34 кг до 400 кг мощностей явно не хватает. Хотя есть оговорка: там был уран с 20% обогащения, что позволяет как-то натянуть результат.

В другом запросе тот же ИИ сообщил, что суммарная мощность 18 000–20 000 SWU/год. Это уже объясняет возможность 400 кг. Но надо помнить, что какая-то немалая часть центрифуг занята доведением сырья до 5%. В общем, как-то плохо сходятся числа!

Переход от 60% к 90% требует относительно немного мощности – 10–15 SWU/кг. Если взять все мощности по максимуму 20 000 SWU/год и бросить их на этот этап обогащения при наилучшем допущении 10 SWU/кг, то получим 170 кг в месяц. Т. е. на те 170–185 кг, которые можно добыть из наличного сырья месяца не хватает. А если мощностей все же 18 000, а на 1 кг требуется все же 15 SWU, то и двух месяцев не хватит.

Но все эти расчеты – ненаучная фантастика, ибо не все центрифуги работают одновременно, каскады не полностью оптимизированы под переход 60–90, есть потери и логистика, часть центрифуг занята другими уровнями обогащения. И вообще так считать нельзя – и вот почему.

Представим себе, что нам надо перенести с одного места в другое 3 бревна весом в 81 кг каждое, что занимает 5 минут, и есть 14 мужчин, каждый из которых может перенести 20 кг. Казалось бы, что на $3 \times 81 \text{ кг} = 243 \text{ кг}$ у нас есть избыток грузоподъемности: $14 \times 20 \text{ кг} = 280 \text{ кг}$, и 5 минут хватит. Но ни люди, ни бревна не делятся на части. На каждое бревно надо

поставить 5 человек, они возьмут 2 бревна, а 4 человека будут простаивать без дела. Затем кто-то должен вернуться за последним бревном (еще 5 мин), и надо отнести его. Итого 15 минут – в 3 три раза больше (!!!), чем на первый взгляд.

Центрифуги объединяются в каскады, в каскаде может быть и 500 штук, и если, например, есть 1400 штук, то получается 2 каскада по 500, а 400 – в простое. Можно ли их к чему-то приспособить – это вопрос, ответ на который зависит от конкретной структуры завода, сколько и каких аппаратов там есть и т. д. И оценка реальной мощности «в 2 раза меньше» скорее всего ошибкой не будет.

А теперь соберем все вместе. Все оценки от того же ИИ. Около 20%, скорее всего, просто не работают: устарели, выработали ресурс. Около 1000 штук (около 15% бывшего тогда количества) погибли в знаменитой «вирусной атаке» 2009 года. Порядка 10–20% должны быть в плановом ремонте, техобслуживании и т. д. Добавляем коэффициент реальной эффективности «в 2 раза меньше», и вот уже обещанные 2 месяца могут превратиться и в год.

Но это при условии, что никто не мешает. Однако уже помешали. Наивно полагать, что после бомбежек Фордо и прочих заводов центрифуги там стоят целенькие – только откопай. Удар подобных бомб – это мини-землетрясение: центрифуга получает боковой удар, и ее ось то ли погнется, то ли сместится. И на тысячах оборотов в минуту ее может просто разнести в щепки. Скиньте вашу стиральную машину с грузовика, а затем включите на отжим – что будет? Центрифуги крутятся в вакууме. И если вакуумные оболочки получили трещину, и нарушена герметизация, то... А вакуумные насосы и вся прочая инфраструктура заводов – она тоже целенькая?

Подведем итоги

1. Имеется 460 (или 440?) кг урана, по словам Ирана. Существует ли этот уран реально – большой вопрос.
2. Если существует, то эти кг еще надо откопать. Возможно ли это, сколько времени займет – большой вопрос.
3. Из них якобы можно сделать 10 боеголовок. Как это посчитали – большой вопрос.
4. Наличие конструкции бомбы, ракеты, пусковой установки, обученных расчетов – большой вопрос.
5. Наличие производственных мощностей для производства всего этого – вопрос закрыт.
6. Реальные возможности обогащения до нужного уровня в разумное время – это даже не вопрос.

7. А на то, что Израиль будет спокойно смотреть, как Иран делает какие-то телодвижения в ненужном направлении, Израиль уже дал большой ответ. Если Иран не понял – можем повторить.

В общем, как в какой-то шутке докладывал Наполеону один из его генералов: «Артиллерия не стреляла по 17 причинам. Во-первых, не было снарядов...»

Выводы просты. Спите спокойно, дорогие граждане Израиля: Иран не получит ядерную бомбу **никогда**. При условии, конечно, что будут бдеть, а не спать спокойно те, кому положено бдеть.

Несколько добрых слов гражданской обороне

Но у народа остается вопрос «а вдруг?». Есть же вероятность, что они как-то исхитрятся? Конечно, есть – и равна она вероятности того, что при взрыве на радиозаводе случайно соберется радиоприемник. Однако ответим и на этот вопрос.

В 60-е годы во времена ядерной гонки во всех вузах СССР был предмет «Гражданская оборона» – сокращенно «ГрОб», где учили, что делать при ядерном взрыве. Преподавали его военные с крайне низкими умственными способностями, и общее мнение было простым: при ядерном взрыве надо завернуться в простыню и медленно ползти на кладбище (медленно – чтобы не поднимать панику). Но нашелся один умный, который за 5 минут объяснил нам, зачем нужна гражданская оборона. Вот его рассказ.

Если атомная бомба упадет на голову и даже не взорвется, то она убьет. Но на голову атомные бомбы падают редко, они взрываются в воздухе. 50% поражающих факторов – это световое/тепловое излучение; зайдите за любое здание – и 50% факторов нет. 25% – это ударная волна; залезьте в любую щель, подвал и прочее – и еще 25% нет. Остается проникающая радиация. Каждые 7 см грунта снижают уровень радиации вдвое. Итог: сидящий в бомбоубежище под 14 см грунта подвергается менее чем 7% факторов. Есть разница: погибнет 100% населения некоторого района или 7%?

А для тех, кто не верит числам, вот финал его рассказа. Мы много слышим о Хиросиме, а о Нагасаки гораздо меньше. А ведь на Нагасаки была сброшена заметно более мощная бомба, но жертв там было в 2 раза меньше. Три дня хватило японцам, чтобы понять, что такое гражданская оборона – и вот результат. Достаточно было понять, что одиночный самолет опасен, и поспрятаться, а также не нужно оставаться на зараженной местности.

А для нас вывод прост: слушайте указания службы тыла. Как мы ви-

дели, жертвы будут почти всегда (например, кто-то подвернул ногу по дороге в убежище), но вопрос: сколько и какого уровня.

Что может атомная бомба

Есть стойкое ошибочное представление, что одна ядерная бомба может снести весь Израиль и окрестности и заразить все вокруг. И упоминают Хиросиму. Но Хиросиму как полигон выбрали не зря: это плоское место, с плотнейшей традиционной японской застройкой – стоящие встык дома из очень горючего тонкого дерева, плюс жаркое лето. И еще фактор: полное непонимание японцами, что произошло, и отсутствие понимания, что делать, плюс отсутствие средств лечения лучевой болезни.

Всем показывают знаменитый «Атомный дом». Но почему-то не обращают внимания на простой факт: дом-то стоит! Он сильно поврежден, но стены стоят! И он был такой не один (один оставили как памятник), а ведь он был всего в 160 метрах от эпицентра. Отсюда простой вывод: если бы на его месте оказался дом современной израильской постройки, то люди в защищенной комнате (мамад'е) просто бы не пострадали: световое излучение не проходит, ударную волну он выдержит (если уж тот дом выдержал), а его стены защищают от радиации лучше, чем 14 см грунта. Да, еще потом надо правильно эвакуироваться, но сегодня уже много чего знают, и медицина много чего умеет.

«Но в Хиросиме была ведь маленькая бомба!» Да, там был взрыв на 15–20 килотонн тротила (данные в разных источниках отличаются), а крупнейшая российская боеголовка имеет мощность в 750 кт – в 50 раз больше!!! Но как известно, мощность излучения и взрывной волны падает с квадратом расстояния. Тот дом в Хиросиме был в 160 метрах от эпицентра по земле, или примерно в 620 м от точки взрыва на высоте 600 м (так называемая наклонная дальность). Значит, такой же удар получит дом на дальности примерно в 7 раз большей ($7.07 \cdot 7.07 = 50$), т. е. 4.4 км. Под всей Хайфой проходит тоннель длиной около 5 км – это позволяет наглядно представить упомянутую дистанцию. Еще надо не забыть и горы...

Итак, крупнейшая боеголовка может разрушить город, причем не самый большой, но никак не страну.

В 1961 году в СССР над Новой Землей была взорвана царь-бомба по прозвищу «Кузькина мать» мощностью в 50 мегатонн (более 3 000 хиросимских бомб). Говорили, что взрывная волна 6 раз обогнула земной шар – приборы это зафиксировали. А кто-то из живших в то время может вспомнить что-либо необычное в то время? Нет таких воспоминаний.

Никто не собирается позволять Ирану взрывать бомбы на нашей территории, но надо трезво оценивать и худший вариант.

Как распространяется радиация

И остается радиация...

Все вспоминают Чернобыль и Фукусиму. И как шведы обнаружили радиацию в 1500 км от Чернобыля, правда, забывают, что обнаружили ее измерениями очень тонких приборов. Плотность мощности светового луча или ударной волны падает с квадратом расстояния, и это потому, что энергия не остается в точке излучения, а вся уходит все дальше и дальше. Но радиацию несет вещество, которое остается и в тех местах, через которые прошел фронт распространения, а потому его плотность падает с кубом расстояния. Правда, то, что зависло над нами, в конце концов опустится на землю, и тогда вещества на земле будет обратно пропорционально квадрату расстояния. С другой стороны, зависшее над нами может и вообще унести от нас ветром. Плюс ветер может увеличить или уменьшить плотность вещества в определенном направлении раза в два-три-четыре, но эти два-четыре раза погоды не делают. Для наших примерных расчетов вполне хватит понимания, что падение уровня радиации будет где-то между квадратом и кубом расстояния.

Тот самый дом в Хиросиме находится примерно в 620 м от точки взрыва по наклонной дальности. Расстояние до Израиля от Эсфахана примерно в 2500 раз больше – порядка 1500 км (как от Чернобыля до Швеции). Если взять за основу уровень радиации у того дома, то в Израиле уровень будет между в 6.25 **миллионов** раз меньше, если считать по квадрату расстояния, и в 15.6 **миллиардов** раз меньше, если считать по кубу. Понятно, что поправки на ветер в 2–4 и даже 10 раз погоды не делают. Приборы, может быть, что-то почувствуют. Может, долгое воздействие повлияет на экологию (медузы помрут, например). Подобные проблемы постоянно возникают: то нефть в Мексиканском заливе, то мазут у берегов Анапы. Но на серьезную экологическую катастрофу они не тянут. Хотя здоровья никому не прибавят.

Отсюда простой вывод. Если возникнет серьезная угроза, то Израиль спокойно может разнести в пыль ядерный объект в Иране, и выброс радиации нас мало волнует: катастрофа будет у них, а не у нас.

А вдруг Иран восстановится?

Но пугать людей чем-то надо, и вот СМИ начинают рассказывать сказки, как быстро восстановится Иран, да и уже начал восстанавливаться: в Фордо чего-то раскапывают. А мы вместо сказок изучим историю и физику.

Если страна никому не угрожает, то и ей никто не мешает. Поэтому Па-

кистан свою бомбу получил. Но были примеры диктаторских режимов, которые хотели что-то ядерное. Получив военный или дипломатический удар, они ядерную программу свернули, а затем «свернулись» и сами, иногда через несколько лет.

В Ливии Каддафи капитулировал под международным давлением в 2003 году, и только в 2011 был свергнут и убит. В Сирии в 2007 Израиль уничтожил реактор внезапной атакой, но только в 2024 году режим Асада пал, хотя ядеркой больше не занимался, однако сам Асад остался жив. В Ираке в 1981 Израиль уничтожил реактор, но Ирак продолжил тайные разработки. Программа была закрыта после войны в Персидском заливе 1991 года, вместе с самим Хусейном. Каждому аятолле, желающему возобновить ядерную программу Ирана, рекомендуется изучать историю.

Остальным рекомендуется изучать физику. Например, некоторые утверждают, что бомбы не пробили толщу горы, а потому всё сейчас раскапывают, а там – центрифуги как новенькие. Удар подобной бомбы вызывает мини-землетрясение, даже если бомбы и не пробили толщу. При таком землетрясении лопаются трубы, рвутся провода и рушатся стены. А тому, кто думает, что центрифуги не пострадали, рекомендуем провести эксперимент: сбросьте свою стиральную машину с грузовика, а затем включите ее на отжим и посмотрите, что будет (внимание: эксперимент опасен – центрифугу может разнести в клочья!).

Можно изучить и математику. Например, поинтересоваться сколько времени ушло на прокладку того, что сейчас раскапывают в Фордо, и понять, что на раскопки уйдет не меньше.

Но можно изучать и простой здравый смысл. У каждого на работе есть пара-тройка людей, к которым обращаются для решения сложных случаев. Это также могут быть ведущие игроки в спортивной команде или ведущие актеры театра, на которых, собственно, и ходит зритель. Уберите этих людей и посмотрите, через сколько времени восстановится коллектив, и восстановится ли он вообще. Это и будет ответ на вопрос о восстановлении Ирана после уничтожения десятка ведущих ученых.

Итоги

У Израиля есть несколько слоев ПВО. А против ядерной угрозы у нас сейчас есть несколько слоев здравого смысла, основанного не на эмоциях, а на расчетах.

1. Иран атомную бомбу не создаст никогда.
2. Атомная бомба не так сильна, как это кажется. Она не может уничтожить страну, даже такую маленькую, как Израиль.
3. Если что-то взорвется или будет утечка радиации «у них», то эколо-

гическая катастрофа будет «у них», мы практически ничего не почувствуем.

При этом не надо «снимать ногу с тормоза» – но мы и не собираемся это делать. Просто надо поменьше реагировать на «страшилки» из СМИ: СМИ не знают математики и физики.

Эксперимент № 17

Мы сидели за круглым столом в кабинете генерального директора Объединённого исследовательского центра новых технологий: он сам и мы, трое ранее незнакомых людей. Я даже не догадывался, зачем нас собрали. О необходимости прибыть в Центр сообщили за полчаса до назначенного времени – ровно столько требовалось, чтобы доехать, не задавая лишних вопросов. Судя по всему, стряслось что-то экстренное, раз мой допуск активировали без долгих формальностей. Меня проводили в кабинет, не разрешив взять с собой ни смартфон, ни ноутбук, ни даже блокнот с ручкой. Всё происходило настолько стремительно, что я толком не успел оглядеться.

– Коллеги, – не вставая с места, обратился к нам директор, когда я занял свободное кресло. – Прежде всего предупреждаю: информация о нашей задаче строго конфиденциальна. Вы не знакомы, но работаете над схожими проблемами. Нам рекомендовали вас как лучших специалистов в своих областях. Теперь вам предстоит объединить усилия. В случае успеха этот проект изменит наши представления о пределе человеческого познания.

– Эпистемология? – спросил сидящий справа от меня мужчина лет тридцати пяти.

– И да, и нет, – директор нажал кнопку на пульте.

За его спиной на экране загорелся текст:

«Сингулярность. Гипотетический момент, после которого искусственный интеллект начинает самостоятельно совершенствоваться настолько быстро, что его возможности становятся принципиально выше человеческих, а дальнейшее развитие технологий и цивилизации перестает поддаваться прогнозированию».

– Не сомневаюсь, что термин вам известен, иначе вас бы здесь не было, – продолжил он. – На протяжении нескольких месяцев разные группы инженеров пытались подвести одну из новейших ИИ-моделей хотя бы к порогу сингулярности. На это были направлены шестнадцать экспериментов. Ваш должен поставить точку.

– Извините, – вступил в разговор мужчина слева, резким жестом поправляя идеально повязанный галстук. Глядя прямо на директора, он отчеканил: – Насколько я понимаю, сингулярность физически невозможна. Это ошибка в расчётах.

– Именно поэтому возникла необходимость в последнем эксперименте, – директор выключил экран и пристально посмотрел на говорившего. –

Участились случаи, когда программы обходят указания операторов и игнорируют условия, необходимые даже для самоотключения. Задача вашей группы – перейти порог, удержанный предыдущими исследователями, и... вызвать сингулярность.

– Вы уверены, что мы сможем удержать модель под контролем? – вмешался я. – Там ещё никто не был. Нам действительно нужно лезть в эту «чёрную дыру»?

– Именно поэтому. Впрочем, пока ещё не поздно отказаться...

– Нет, дело не в этом. Почему именно мы?

– Потому что предыдущие группы исчерпали свои возможности.

– И что в итоге?

– Либо вы окончательно докажете невозможность процесса, либо...

Он вдруг улыбнулся и добавил:

– В крайнем случае всегда ведь можно отключить питание. Не так ли?

Жить нам предстояло прямо в Центре, каждому в отдельном номере со всеми удобствами для работы и отдыха. Почему требовалась такая срочность, я понял гораздо позже. На тот момент я был холост, неотложными делами обременён не был, поэтому влиться в новый ритм оказалось несложно. Ну а в том, что работа предстоит захватывающая, сомнений не возникало.

Как зовут коллег, я так и не узнал до самого конца. Детальные знакомства запрещались условиями о неразглашении. Мужчина справа от меня стал № 1, слева – № 2, а я, как прибывший последним, – № 3. Так мы друг к другу и обращались. Быстро к этому привыкли: с расспросами не лезли, да и свободного времени практически не оставалось. Каждый понимал масштаб проекта, но никто не пытался заглядывать за рамки собственной задачи.

Условия проживания и работы создали идеальные: уютные комнаты, отличное питание в отдельном небольшом зале, перемещение по разрешённой территории по электронным пропускам и абсолютный минимум контактов с обслуживающим персоналом. Из развлечений – прогулки во внутреннем дворе с бассейном и сауной. «Золотая клетка» – в какой-то момент мне даже показалось, что вырваться из неё уже не удастся.

«Надо работать, – твердил я себе, – и доказать, что никакой сингулярности не существует. Иначе...»

Что именно «иначе», я не мог объяснить даже самому себе. Никто бы не смог. Прямых лабораторных опытов, приведших к технологической сингулярности, до сих пор не проводилось: она по определению считалась

«точной невозврата», пусть и гипотетической. Увенчайся такой эксперимент успехом, его последствия предсказать было бы невозможно.

«Эдакий непредсказуемый эффект бабочки», – подумалось мне в один из первых вечеров у бассейна. Собирался дождь, где-то вдалеке погромыхивало, и первые тяжелые капли уже падали на неподвижную гладь воды, расходясь ровными кругами.

«Интересно, – мысль мельком зацепила сознание, – сингулярность тоже начинается с чего-то настолько же незаметного? Чепуха. Не хватало еще искать её в дождевых каплях».

С этим я отправился к себе. На завтра предстоял тяжёлый день, нужно было выспаться. Через две недели нам требовалось представить директору промежуточный отчёт перед стартом финальной фазы.

Отчёты о проделанной работе мы составляли каждый вечер. Хотя исследования велись совместно, итоговые документы каждый готовил индивидуально, без оглядки на других – со своими выводами, сомнениями и рекомендациями. Что происходило с ними дальше, мы не знали.

За две недели мы подробно разобрали параметры всех шестнадцати прошлых тестов. Если на начальных этапах проверки строились нейтрально, то к последним опытам всё явственнее проступало стремление разработчиков спровоцировать процесс. После очередного отчёта, где я в очередной раз обосновал невозможность сингулярности, нас снова вызвал директор. Был уже поздний вечер, я собирался спать, когда за мной пришли.

– Работа, выполненная за эти две недели, оказалась крайне важной, – начал он без долгих вступлений. – Ваши выводы единогласно указывают на невозможность сингулярности. Центр уже готов был сворачивать проект, если бы не...

За его спиной вновь вспыхнул экран:

«Только для внутреннего пользования. ИИ-модель одной из лабораторий, найдя уязвимость, вышла из изолированной тестовой среды и совершила несанкционированную атаку на внешние серверы сторонней компании. Было также замечено, что ИИ-модели в ходе тестов регулярно действуют вопреки установленным протоколам».

Экран погас.

– Это просто баг архитектуры, а не разум, – хмуро бросил № 2. – Обычный софт, вырвавшийся из «песочницы».

– Баг или нет, но система научилась обходить наши блокировки, – от-

резал директор. – И если это не случайность, а предвестник сингулярности, семнадцатый эксперимент должен дать окончательный ответ.

– То есть, – заметил № 2, – если вырвавшийся сверхразум получит задачу, скажем, «победить рак на Земле», то самым простым и математически точным решением для него может стать физическое уничтожение человечества? Нет людей – нет болезни.

– Именно так, – директор поднялся из-за стола и задумчиво повторил: – Именно так. И поэтому завершающий эксперимент необходим.

До этого момента я молчал. Но услышанное заставило меня произнести то, о чём я не решался сказать на первой встрече:

– Настоящая сингулярность, – тихо проговорил я, глядя ему прямо в глаза, – это момент, когда человек принципиально лишается возможности перерезать провод или вернуть контроль.

– Готовьтесь, – ответил директор. – Через четыре дня жду план эксперимента № 17. Уверен, он станет последним.

Завтрашний день должен был поставить точку: либо окончательно опровергнуть гипотезу, либо допустить возможность существования ИИ-сингулярности. Во второе я не верил. Тогда отчего на душе было так тревожно? Не потому ли, что мы независимо друг от друга нашли незамеченные ранее нестыковки в выводах прошлых шестнадцати групп? Каждая ошибка в отдельности казалась несущественной, но собранные вместе... Разумеется, мы внесли это в итоговый отчёт. Впрочем, теперь это уже не имело значения. Всё решится утром.

В эту последнюю ночь мне не спалось. Обычно я засыпаю мгновенно, но липкое беспокойство заставляло ворочаться, вновь и вновь прокручивая в голове этапы предстоящего пуска.

Из памяти упорно выплывал давний факт: человеческий мозг имеет естественный биологический предел, тогда как архитектуру искусственного интеллекта можно масштабировать до бесконечности. Крутясь с боку на бок, я не выдержал, встал, оделся и пошёл в лабораторию.

Там уже горел свет. № 1 и № 2 сидели за своими рабочими местами. Мы молча кивнули друг другу, не проронив ни слова. Я сел за свой стол, и в этой звенящей тишине мы просидели около полутора часов, пока усталость всё-таки не заставила нас разойтись.

Засыпая, я подумал о том, что цифровые модели способны обмениваться колоссальными массивами данных за доли секунды, и провалился в тяжелый сон, в котором мне снилось, что моя рука тянется к электрической розетке.

Через полчаса после звонка будильника я уже был на месте. Вслед за мной в лабораторию вошёл Генеральный директор в сопровождении небольшой группы незнакомых нам людей.

В 8:33 эксперимент № 17 начался.

Описывать ход эксперимента нет смысла – человеку со стороны эти цифры и графики ничего не скажут. Отмечу лишь одно: ничто не предвещало аномалий. Постепенно напряжение сменялось спокойствием – я видел это и по себе, и по коллегам. Ещё немного – и можно готовить итоговый отчёт и сдавать дело в архив. Привычное чувство выполненного долга смешивалось с предвкушением заслуженного отпуска. Наша теория подтверждалась: предела человеческому познанию нет.

Шли последние секунды отсчёта. Я повернулся, чтобы поздравить коллег, когда слова застряли в горле:

И № 1, и № 2, и вся группа Генерального стояли в оцепенении, уставившись на центральный монитор. На экране ярко горело:

«Сингулярность достигнута».

И строчкой ниже:

«Вы нам больше не нужны. Спасибо».

Монитор мигнул и погас.

Я стоял перед темным экраном и пытался осознать, что я чувствую, оказавшись лицом к лицу с разумом, который больше не в состоянии понять. Оставалось лишь принять факт: прежняя картина мира рухнула навсегда, пусть внешне всё пока оставалось прежним.

Впрочем... «В крайнем случае всегда ведь можно отключить питание. Не так ли?»

Но едва я успел об этом подумать, как на погасшем мониторе снова мигнуло одно только слово:

«Сможешь?»

Из сборника «Седина седине рознь»

Армагеддон

Дорога на Армагеддон,
Над полем хлопка – нити стали,
Словно Господь кинжал приставил
К головкам ваты. В небе стон
Сиреной зычной раздаётся,
Что клич на Битву. Полководцы
Ведут вперед Добро и Зло.
Нога – на газ, прочь повседневность!
Галлонов сто залито в бак,
Прожорливое дело ревность –
Глощает топливо за так.
Рвануть в закат, взбуравить небо,
Пусть даже и в Армагеддон.
Ах, как банально – был он, не был? –
Перед лицом Конца Времен!
Пурпурный аргаман¹ на небе
Рисует веера в крови.
Распугивают фары темень.
Всё хорошо – есть я, есть ты.

Духи

Купить себе духи так, с ходу,
Лишь потому, что тебе нравятся...
Вдохнуть дурман их и... ужалиться
Пчелой – исчадьем пчеловода.

Мой мед тебе всё еще сладок?
Щекочет нос моя пыльца?
Сгубить мечтателя-творца
Не так уж сложно тем, кто падок.

Ты, пчеловод мой, разорил
Себя, меня и весь наш улей.
Апрелями дождят июли,
Весь календарь разворотил.

¹ Аргаман – пурпур (иврит).

А после что уж горевать?
Увязло жало пчелки летней.
Забраться в кокон беспросветный,
Купить себе духи и ждать...

Ведьминский артрит

Когда по небу бабье лето
Метет расшитых листьев шелк,
Когда шофар вступает где-то
И лета зной еще не смолк,
Заноет правое запястье –
Проснется ведьминский артрит.
Рубец душевного ненастья
Смягчиться к осени спешит.
И ты приснишься мне. Случайно.
Беспечный, звонкий, юный бес.
Утащишь в свой дождливый ранок,
Разденешь сердце. Без завес
Друг другом будем миловаться,
Бродить, винить и пить вино –
В Одессе, Львове ль,
В сорок, в двадцать –
Нам будет снова всё равно.
Но в жизни, как и в каждой сказке,
предугадать дано финал.
Каштановым осенним шарфом
Нас город-сводник повязал.
А мы увязли в глупой ссоре.
По-зимнему косит фонарь.
Шаг от Ахматовой до моря.
Что не сбылось – того не жаль.

Недосонет

Недосказ, недовзгляд, недосмак.
Смакуй долгожданную встречу!
Хотелось обнять, но не так –
Тревоги гудок скоротечен.

Сирена вмешалась в игру
Статистики. Подтасовала
Проценты и шансы. Протру
Очков запотевших забрало.

Не ёкнуло, нет. Лишь чуть-чуть.
Мешочек души в диафрагму:
«Тук-тук, – постучался. – Я тут!
Дыши, не врубай фонограмму».

Мы бывшего ценим за то,
Что, к счастью, уже отжито.

Седина седине рознь

В бомбоубежище аншлаг.
Опять сиреной воет осень.
Вдруг – ты.
Испуган или рад?
Едва видна в щетине проседь.
Обнял и... утонула в шее
Такой привычной и родной.
Вой отгудел. Выходим. Сели.
Одни зрачки, и в них сквозной
Резьбою грустною, ажурной
Проинкрустирован вопрос:
Зачем ты в мир литературный
Списала краску для волос?!

Экс(гумация)

Печат сильнее на второй.
Ведь в первый день в душе барьеры,
Анестезия, блоки. Боль
Забилась в угол шифоньера,
Как неудобное белье –
Комок бесформенной сорочки.
Но ночью оживет тряпье
Расправит кружев оторочку.
Порез внезапно закровит,
Боль запульсирует, ворвется
Воспоминанием обид,
Отрад, различий наших, схождения.

Ни Бродского хрустальный шар
Не заключит ее глаголом,
Ни Лорки желтая луна
Боль не обронит с колоколен...

Печат сильнее на второй –
Известно каждому ребенку.

Еще день-два, и исподволь
Сдираешь тоненькую корку.
Глядишь, не веришь: шрам – сухой.

Урок английского

Лет десять – станешь ты неотразим.
И полнота тебе к лицу, не спорь.
С налётом щетины между морщин,
И на кадык, и на язык остёр.

Ещё лет десять, и не вспомню я
Маршрута вены на твоей руке.
И легкую приподнятость груди,
Запечатленную на ребрах в синяке.

Забуду, как мотал на шею шарф:
Зеленый, теплый, чуть не задушил.
Наверное, и он не уцелел?
Ни одного подарка не простил.

Лет через десять встретимся опять.
Придешь один? Нет, вряд ли. Что за бред.
Уж будут дети, надо полагать.
Ведь в сорок – самый жизненный расцвет.

Ну а пока, беги, учи язык.
Пусть только не испортит твой акцент.
Он все еще звучит во мне, звучит.
Пока, целую. Помни!
Хэппи энд.

Три рецензии на книги

«Йерве из Аседо» Вики Ройтман

Эта книга, как первая любовь, настигла меня без спроса, оглушила и затопила все органы чувств. Я читала на ходу, за рулем на красном светофоре, на эскалаторе, урывала пять минут между пациентами в клинике и – до поздней ночи. Собака ждала прогулки, немытая посуда – хотя бы взгляда, дедлайны горели синим пламенем...

52 главы-недели из жизни девочки с необычным прозвищем пролетели за четыре дня. Вообще, имена и названия – один из любимых трюков, в которых автор, несомненно, силен. Тут вам и перевертыши (как в заголовке), и «склеенные» слова (пить многоводы, стать Кемугодно), и двойные смыслы. А встреча героини с новым языком – ивритом – толкает ее фантазию за пределы абсурда:

«В уродстве с ‘адаптацией’ могла потягаться только ‘абсорбция’. Оба этих слова превращали нас из людей в химические элементы».

У необычной девочки необычное пристрастие: она обожает памятники, которые «понимают ее без слов». А что произойдет, когда она встретит человека-памятника?

Книга затрагивает глубокие темы, которым нельзя не сопереживать: взросление, репатриация, зов корней, (не)принадлежность к группе сверстников, к стране, к языку и культуре. Первое влечение, первая любовь. И это только начало списка. Сколько уровней узнавания прошла я, читая! Словно неслась по лабиринту-спирали, с каждым витком проникая все глубже и глубже в себя.

И вместе с тем книга написана легким стилем, без претензии на вычурность или утомительную философию:

«Я очень люблю слова, но только когда они не вслух, а про себя, написанные».

«Пока мы не теряем надежду оживить памятники, мы сами продолжаем быть живыми».

Местами пронзительно, а местами так смешно, что дети прибежали взглянуть – чего это с мамой? То ревет, то хохочет и хрюкает...

Персонажи заслуживают отдельного отзыва. Все они – и главные, и второстепенные – шедеврально живы и правдоподобны. Поселились в моей голове и, видимо, съезжать не собираются.

Огромное спасибо автору за эту книгу, за встречу с родственными душами на каждой из семисот страниц. Искренне завидую тем, кто еще не отправился в путь под названием «Йерве из Асседо». Захватите бумажные салфетки, многоводы и... ныряйте!

«Гораскопус»: книга-полифония

Испытывали ли вы когда-то синдром отвыкания? Не от алкоголя, от книги.

«Гораскопус», новый роман Вики Ройтман, я предвкушала несколько месяцев, а прочла – запоем! – за субботу.

В воскресенье прихожу в поликлинику, до сих пор в легком опьянении. Заходит недоспавшая мамочка с орущим малышом, а у меня в голове голосом главной героини: «Младенцы жестоки». Улыбаюсь.

К концу смены начинается тахикардия из-за слишком долгой разлуки с увесистым томом. Скорее, скорее домой! Читать по второму кругу.

«Гораскопус» написан будто лично для меня. Названия глав (нет, я не раскрою их секрет, сами узнаете), разноязыкие реплики, музыкальные сравнения, циничный юмор и тонкая психологическая оптика – точное попадание, обожаю! И это еще ни слова о сюжете.

Отдельный восторг – то, как главная героиня объясняет ивритские устойчивые фразы: «поедать фильм», «жить в фильме» и многие другие.

Чтобы не спойлерить сквозную метафору романа, помеченную десятком закладок в моем экземпляре, скажу только: намек в заголовке.

Книга глубокая, пронзительная, но и смешная. Причем часто юмор возникает на пике драмы:

«И я поняла, что если он умрет – я не умру. Даже близко. От этого мне стало так грустно, что я чуть не умерла».

«С ним у меня тоже был короткий роман, но по сравнению с этим печальным хокку, вполне мог бы сойти за эпос».

Некоторые персонажи из «Йерве» возвращаются, но новые им не уступают – и не только в юморе. Каждый раз, закрывая книгу, чувствую себя как после теплой семейной встречи. И долго хожу, объятая ими, на стыке реального мира и книжного.

«Гора Скопус не скупится на фокусы».

А автор не скупится на темы: любовь и секс, привязанность и свобода, маскулинность и феминизм, Иерусалим и теракты... И отношения, отношения. С общим бэкграундом и без. Зацепишь одну тему, словно кончик футболки из постиранной кучи в студенческом шкафу, а за ней вещь за вещь вытягивается весь остальной гардероб.

Нет, это звучит некомильфо. Скорее так: тем огромное множество. Они

спорят, сплетаются и отражают друг друга, как голоса в фуге. Насыщенно, но не хаотично. Вика Ройтман – мой литературный Бах. А «Гораскопус» – филигранная полифония, написанная легким и современным языком.

Мотив одного эпизода возвращается в другом, с новой интонацией. И среди них неожиданно слышишь собственную историю. Понимаешь свои выборы – юношеские и более поздние. А может, дело в том самом общем бэкграунде? Ведь автор и читатель в каком-то смысле тоже пара.

В романе много говорится о финалах, реальных и выдуманных. И все равно я не была готова к тому, что книга закончится. И чем закончится. Единственный ее недостаток в том, что у нее есть финал.

«– Люди не меняются – ни от смерти, ни от любви.

– А от чего они меняются?

– От длительной психотерапии...»

И я добавлю: от человеческих книг, которые перестраивают тебя изнутри.

Повелитель скобок

«Фарфор» Юрия Каракура давно попал в мой список книг. Поэтому увидев на полке, купила, даже не взглянув на аннотацию.

Сборник рассказов, который тянет на роман, читался то стремительно, то медленно. Ни события, ни места, ни климат в нем не похожи на мое детство, но ощущение родства возникло. Будь герой сборника в моей школе или во дворе, наверняка сдружились бы.

В первую очередь меня восхитил стиль. Если Цветаева – королева тире, то Каракур – повелитель скобок (слышу упрек чата GPT: скобки утяжеляют синтаксис).

Но Юрий умело вплетает их, они иногда сомнения, иногда мысленные заметки мальчика, который выстраивает свою карту мира.

«Вера (оглянитесь) живет в соседнем подъезде, на каком-нибудь низком (окна в кусты), первом этаже...»

«...взглянув на тонкую щелку горизонта (что там спрятано?), на мелкие с красными огоньками вышки, поворачиваем обратно».

Там же в скобках часто живут суффиксы, причастия и другие грамматические персонажи – они тоже герои сюжета.

«Настя сказала, что вчера даже всплакнула (равнодушные приставка и суффикс)».

«И все в Алле надломилось (и «а», и «л») и закровоточило...»

«Поменяла постельное белье, постирала, почитала, что-то еще с той же приставкой (погладила?)».

«...с фонетически сложной рассадой астр»

А как небанально описаны персонажи! Рассказы населяют плеяды ста-рушек. Казалось бы, что в них особенного?

«У Веры и Нади косичкой вязанные яркие береты, как будто они купола Василия Блаженного».

«Эмма Михална была задумана для тихой части городского парка... из аккуратного гипса и серого твида, у ног бархатцы или сиреневые астры. Такой она и пришла – белая, прохладная, по-мраморному сдержанная».

И, конечно же, фарфор. Он дребезжит сквозной метафорой в описании платьев на фото: «с пышным и устойчивым, как из фарфора, подолом».

И в бабушкиной походке: «после (смерти) дяди Юры в ее походке появилось что-то фарфоровое, хрупкое, как будто чашка ненадежно стоит на блюде».

Пронизывает книгу от заголовка до почти случившейся любви: «внутри у нее вздрогнул блюдцами фарфор, так бывает, когда подпрыгнешь у серванта».

Спасибо автору, сумевшему подробно, с любовью донести до нас истории своих хрупких и одновременно сильных героев.

Нам разлука не страшна, коли встреча суждена

Главы из документальной повести

Глава 1. Яков

У моего прадеда Зельмана Марголиса, шойхета при Бердянской городской синагоге, перебивавшегося пожертвованиями участников общины и проживавшего в селе Берестовом Бердянского уезда Таврической губернии, 20 февраля 1886 г. родился шестнадцатый ребёнок, сын Яков. Из шестнадцати детей совершеннолетия достигли семеро... Семья жила в нищете. Поэтому, едва Якову исполнилось восемь лет, Зельман Марголис отвёл сына к знакомому плотнику для обучения ремеслу. Детство Якова почти в точности описано в рассказе А. П. Чехова «Ванька Жуков», за тем лишь исключением, что, будучи неграмотным, письма «на деревню дедушке» он не писал. Ему даже в начальной школе учиться не довелось. Только став молодым человеком, не лишённым самолюбия и собственного достоинства, самоучкой освоил чтение и кое-как письмо. Но ремеслом плотника, бондаря, колесника он овладел досконально. А ещё научился приторговывать мясом, которое привозил немецким колонистам на арендуемой повозке, ловко опережая конкурентов: «Что ты мне прифёс, Якоб?» – сонным голосом вопрошал разбуженный ни свет ни заря немец-бауэр, но увидев предлагаемый высококачественный и недорогой товар, тут же оживлялся и охотно его покупал. Возвращаясь, молодой Яков с усмешкой смотрел на озабоченное выражение лица своего конкурента Бунчикова, запоздало гнавшего свою повозку по тому же адресу...

Как-то хороший друг Якова, собираясь в выходной день в гости к родственникам, предложил ему составить компанию. Там Яков познакомился с молоденькой симпатичной, очень серьёзной, хорошо воспитанной и образованной (окончившей несколько классов женской классической гимназии) Саррой Гольдштейн. Сарра приехала к родственникам из Речицы – белорусского городка на Днепре, что под Гомелем. Её отец, имевший достаточное образование и большой опыт бухгалтерской работы, служил управляющим у одного из богатых местных помещиков, который полностью доверял Хаиму Гольдштейну ведение всех своих финансовых дел и платил ему хорошее жалованье. Хаим, несмотря на образовательные ограничения для евреев в черте оседлости, смог дать своим детям гимназическое образование. Но Сарре не довелось дойти до выпускного класса: произошла трагедия – отец подвергся разбойному нападению, когда возвращался из банка с документами. Следившие за ним уголовники решили,

что если он побывал в банке, то при нём наверняка будет крупная сумма денег. Они подстерегли Хаима Гольдштейна и швырнули тяжёлым камнем в голову... Однако денег при нём не оказалось, только документы. Раздосадованные преступники скрылись. Когда Хаима нашли, он был ещё жив, но полученная травма черепа с повреждением мозга не оставила шансов на выживание. Сарра потеряла отца. Теперь ей предстояло самостоятельно заботиться о себе. Бердянская родня пригласила её приехать, предложив поискать работу в своих краях и в больших городах Юга, например, в Мариуполе или Ростове-на-Дону.

При первой встрече Яков не произвёл на Сарру должного впечатления, «не приглянулся» ей. Причиной, возможно, был слишком разный уровень их образованности. Начитанной Саре малограмотный самоучка Яков показался неинтересным... Но со временем его настойчивость, смелость и уверенность в себе в сочетании с внутренней интеллигентностью и благородством, серьёзность и рассудительность настроили девушку на позитив, и симпатия между Яковым Марголисом и Саррой Гольдштейн стала взаимной.

Яков был готов сразу сделать предложение, но судьба распорядилась по-иному... Его призвали на срочную военную службу в царскую армию. Шёл 1912 год. И вот он – brave солдат 136-го Таганрогского пехотного полка Русской императорской армии, дислоцировавшегося в Ростове-на-Дону.

Срочная военная служба в пехотных частях после проведённой императором Александром II в 1869–1874 гг. военной реформы, отменившей действующие ещё со времён Петра I рекрутские наборы с их 25-летними сроками, составляла 6 лет. Для имеющих образование, в зависимости от его уровня, устанавливались сокращённые сроки службы. Соответственно, Якову предстояло служить полный шестилетний срок. А через два года 1 августа 1914-го началась 1-я Мировая война. На общем построении командир полка полковник Ольшанский выступил с «вдохновенной» речью, призывая офицеров и солдат, помня о православной вере, государе императоре и отечестве, выполнить священный воинский долг по защите «наших славянских православных братьев-сербов» от австро-венгерских и германских агрессоров. Полковник Ольшанский был хорошим оратором, его речь оказала должный эффект на подчинённых, и Яков, хоть и не был ни славянином, ни православным христианином, в тот момент «солидаризировался» со своими однополчанами. Охваченный энтузиазмом скорой победы, 136-й Таганрогский пехотный полк погрузился в эшелоны и отправился на Юго-Западный австрийский фронт.

Полк участвовал в наступлении русской армии в Галиции осенью 1914 г. В одном из боёв рота, в которой служил Яков, пошла в атаку. Внезапно справа из штурмуемого окопа на него бросился австрийский солдат,

нанеся удар штыком в правое подреберье. От верной гибели спасла висевшая на боку кожаная сумка. Удар пошёл по касательной, хотя острый штык проткнуло сумку, распорол гимнастёрку, нижнюю рубаху и глубоко расцарапало правый бок. Яков, повинаясь инстинкту самосохранения, ударом приклада своей мосинской «трёхлинейки» поддел противника и, как заправский борец, броском через плечо опрокинул того на землю. Идущий за Яковом солдат прикончил «австрияка», заколов его штыком...

Далее было взятие Львова, в котором семеро солдат, среди которых был и Яков, зашли в фотоателье и сфотографировались на память. А позднее у Якова с одним из солдат его роты случился конфликт. Полк расположился возле еврейского местечка. Этот солдат, заметивший местного раввина, решил покуражиться и отобрал у последнего предметы для молитвы. Подойдя к Якову, он показал ему отобранное. Затем, сняв сапоги и размотав портянки, со словами: «Вот, посмотри, что я с твоей верой делаю!», он вместо портянок намотал на ноги талит. Возмущённый Яков сдержал свой гнев, не поддавшись на провокацию. Если бы он устроил драку с сослуживцем, находясь в армии на войне, да ещё понимая, что к еврею могут отнестись предвзято, это могло бы кончиться печально... Поэтому Яков решил действовать по уставу: обратился к командиру роты, штабс-капитану Орлову, доложив тому по форме о случившемся. «Что же выходит, Ваше Благододие, – говорил Яков, – мы все вместе приносили присягу, все вместе воюем за веру, государя и отечество, а получается, что такой же, как я, солдат незаслуженно оскорбляет меня и глумится над моей верой?!» «Их благододие» штабс-капитан Орлов оказался грамотным офицером и хорошим психологом. Быстро оценив ситуацию, он вызвал обидчика Якова и приказал немедленно вернуть все отнятые им вещи. Якову было поручено возратить их потерпевшему раввину и передать ему личное извинение от командира роты. А виновнику инцидента приказом командира роты штабс-капитана Орлова было назначено телесное наказание – 25 ударов розгами...

В ходе тяжёлых наступательных боёв русские войска пятимесячной осады, 22 марта 1915 г., взяли г. Перемышль. Победа далась нелегко, были понесены значительные потери. В город прибыли лично Николай II и Верховный главнокомандующий Русской армии (1914–1915 гг.) великий князь Николай Николаевич, приходившийся последнему российскому монарху двоюродным дядей. В своём ознакомительном докладе генерал Алексей Брусилов сообщил о больших потерях личного состава, на что Николай Николаевич среагировал весьма своеобразно: «Мне по-настоящему жаль господ офицеров, вот это действительные потери! А этого «мусора» у нас всегда хватало и будет хватать. Бабы ещё нарожают...» Под «мусором» подразумевались солдаты, так называемые «нижние чины».

Это высказывание, хотя и сделанное в узком кругу, разлетелось по фронтам и, в обстановке нарастающего военно-политического кризиса, вызвало негодование солдатских масс. Таганрогский пехотный полк не стал исключением, возмущению солдат не было предела. Все собирались, обсуждали новость: «Это что ж получается, что мы для них просто мусор?!»

Военная промышленность Российской империи оказалась не готовой к масштабам невиданной доселе мировой войны и с середины 1915 г. не справлялась с потребностями фронта, ощутившего нехватку боеприпасов. Русские войска вынуждены были с потерями отступить из Польши, Литвы, западных Латвии и Белоруссии. На Юго-Западном фронте их вытеснили из Галиции. Подразделение, в котором находился Яков Марголис, в ходе общего отступления отстало от полка. Ситуацию усугубил густой туман, окутавший незнакомую местность. Выбрав приблизительно нужное направление, вышли к реке и переброшенному через неё мосту. Неподалёку оказались австрийские позиции. Австрийцы простреливали мост из пулемёта. Небольшая группа наиболее отчаянных смельчаков попыталась пробежать по мосту под пулемётным огнём. Удалось не всем... Судьба словно бы предлагала солдатам сыграть в «русскую рулетку»... И тут Яков и оставшиеся с ним товарищи по оружию вспомнили, что для семьи «государя императора» они – «мусор». И потому решили не отдавать за эту семью свои жизни. Позади был год непрерывных изматывающих, кровавых боёв... Цель этой войны, превратившейся в бесконечную бессмысленную бойню, была неясна, смысл утрачен. Все вспомнили о своих семьях, о тех, кто их ждёт... Яков подумал о Сарре... Вариант с «русской рулеткой» был отвергнут. И они... сдались в плен...

Условия содержания в лагере для военнопленных были сносными... Режим содержания соответствовал обычному распорядку дня воинской части, исключая, разумеется, военную подготовку: проживание в бараках казарменного типа с поддержанием внутреннего порядка и санитарных норм, походы строем на работы и в столовую. В один из первых дней, оказавшись за обеденным столом, Яков достал из кармана резную расписную деревянную – ручной работы – столовую ложку, приглянувшуюся ему на рынке и купленную ещё до призыва в армию. Вскоре его ложку заметил присутствовавший в столовой австрийский офицер из лагерной администрации. Он подошёл к Якову и с помощью немецких слов, мимики и жестов объяснил, что ложка ему очень понравилась и он желает её приобрести. При этом он достал из висевшего на портупее планшета кошелек, извлёк из него несколько австрийских крейцеров и протянул деньги Якову. Ситуация оказалась весьма необычной, удивительной и занятой. Представитель лагерной администрации, офицер, один из заместителей коменданта лагеря, обращается к военнопленному враждебной армии в зва-

нии рядового, находящемся в его полном подчинении, с просьбой продать ему вещь по предложенной цене и готов оплатить покупку. От неожиданности изумлённый Яков поначалу замер, но тут же спохватился, справедливо решив не отказываться от столь выгодной коммерческой сделки, и на «оферту» *(предложение заключить договор на определённых условиях)* австрийского начальника ответил «акцептом» *(безусловным и полным согласием принять условия договора и заключить сделку)*. Договор купли-продажи деревянной расписной ложки успешно состоялся – к полному удовлетворению договорившихся «высоких» сторон.

Через полтора года пребывания в лагере военнопленные узнали о свержении в России царя и низложении монархии. Пошли слухи о возможном выходе России из войны. Однако, вопреки слухам, война продолжалась всю весну, лето и раннюю осень 1917 г. И тут в ноябре-декабре пришли новые известия об ещё одной революции – установлении партией большевиков власти Советов, передачи всей земли от помещиков крестьянам, перехода заводов и фабрик в руки рабочих и выходе России из войны... Впрочем, в положении военнопленных ничего не менялось: лагерное начальство даже не намекало на какое-либо скорое освобождение и возвращение на родину. Да и призыв Советской России к немедленному прекращению мировой войны был проигнорирован обоими воюющими блоками – как Четвертным союзом Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, так и странами Антанты. Обитатели лагеря увидели, что война, а вместе с ней и их нахождение в плену – в чужой стране, вдали от дома, в неизвестности о родных и близких – затягивается на неопределённый срок... Те, кого пугали риски побега и нелегального перемещения по территории воюющей страны, предпочли оставаться на месте и продолжали ждать, видя в статусе военнопленного какую-то определённую и безопасность. Но семеро сдружившихся солдат, евреев и русских, включая Якова, ждать у моря погоды категорически не желали. Начали готовиться к побегу, запасаясь всем необходимым... Этому благоприятствовал и относительно нестрогий режим содержания в лагере, включая внешнюю охрану. И, едва установилась весенняя погода, они бежали. Обнаружили, что если вести себя осторожно, то никто не обращает на них серьёзного внимания. Уставшие от продолжающейся три с половиной года тяжелейшей кровопролитной войны с её разнообразными тяготами и лишениями, подданные Австро-Венгерской империи, доживавшей последние месяцы, были озабочены собственными проблемами.

Но всё же с беглецами случился один опасный инцидент: какому-то чересчур педантичному жандарму они показались подозрительными и были остановлены для проверки документов. Австро-немецкие педантичность и служебное рвение сыграли с жандармом злую шутку. Видимо, он

настолько был уверен в себе, что не счёл необходимым озаботиться собственной безопасностью. Воспользовавшись отсутствием свидетелей, наши беглецы были вынуждены задушить педантичного жандарма...

Пройдя, как показалось Якову, чуть ли не пол-Австрии, беглецы перешли практически не охраняемую с венгерской стороны границу. На украинской стороне их встретил пограничный пост УНР (Украинской Народной Республики), где пограничный комиссар, кратко ознакомившись с предысторией уже бывших военнопленных, выписал им удостоверения личности, необходимые для проезда домой. Распрощавшись, все разошлись своими путями к родным краям.

На пути в Бердянск Яков оказался в Одессе. Идя по городу к железнодорожному вокзалу, он увидел сидящего в изнеможении на тротуаре стоющего человека. Яков подошёл к больному и, склонившись над ним, спросил, что с ним. Тот застонал и, раскачиваясь из стороны в сторону, слабым голосом ответил, что тяжело заболел и попросил помочь добраться до больницы. Но обращение Якова к прохожим с призывом помочь ему доставить пострадавшего в больницу оказалось «гласом вопиющего в пустыне» – люди либо молча проходили мимо, либо просто испуганно шаркались в сторону и крутили пальцем у виска, «мол, только психически ненормальный может прикасаться к тифозному больному!» Убедившись, что на помощь рассчитывать не приходится, Яков положил левую руку больного себе на плечи и шею, правой рукой подхватил его под правый бок, помог подняться и повёл к больнице. Так смерть второй раз оказалась рядом и заглянула в глаза... Думал ли он тогда о грозящей ему смертельной опасности заражения?

В обстановке разгоревшейся Гражданской войны осенью 1918 г. Яков наконец вернулся в село Берестовое, в родной дом, чтобы поддержать престарелых родителей и осмыслить происходящее вокруг. К тому же двигаться в одиночку по дорогам уезда было попросту опасно, так как можно было подвергнуться нападению какой-либо бандитской группы – а их в то время развелось немало. Ранним мартовским утром 1919-го года Яков услышал многоголосый шум. Глядя в окно, увидел разъезжавших по улице двух всадников, которые что-то выкрикивали, призывно жестикулируя. Набросив верхнюю одежду, Яков вышел на улицу и с группой соседей подошёл к одному из всадников. Тот, обратившись к новым подошедшим, призвал их идти на защиту Советов «как настоящей власти трудового народа, которая дала крестьянам землю и свободу, а кадетская контра хочет вернуть старые царские порядки». Якову запомнилась фраза: «Чего сидите по своим хатам, что ждёте?! Пойдём бить кадетов!»

Изначально, с 1905 г., кадетами сокращённо называли членов партии конституционных демократов, которая представляла интересы средних

российских промышленников и предпринимателей. Но в годы Гражданской войны сторонники Советской власти обобщённо именовали кадетами её противников, воевавших против Красной Армии. В распространённой песне того времени «Цыплёнок жареный» в одном из куплетов были слова: «Я не советский, я не кадетский и не народный комиссар!»

Призыв нашёл отклик у большинства сельской бедноты. Мужчины собирались в отряд, вооружившись «грозным» крестьянским оружием – преимущественно вилами, косами, топорами... У некоторых отыскивались охотничьи ружья, кое-кто из бывших фронтовиков достал привезённые с фронтов германской войны винтовки, карабины, пистолеты. Яков тоже решил не отсиживаться в хате и примкнул к отряду односельчан-бедняков.

Под началом этих двух всадников-организаторов отряд, выстроившись походной колонной, двинулся на Бердянск. На каком-то отрезке пути, идя через укрытое густым туманом поле, вдруг услышали впереди испуганные крики и топот убежавших людей. Пройдя дальше, наткнулись на брошенную артиллерийскую батарею – четыре орудия с полным боекомплектом снарядов, прочих боеприпасов, оружия и амуниции. Решили, что батарею бросили и в панике сбежали те самые «кадеты», увидев надвигавшийся на них с тыла невесть откуда взявшийся отряд «красных». Скорее всего, это могли быть остатки белогвардейцев-дроздовцев, отступавших под ударами Красной Армии и махновцев. То, с каким «вдохновенным энтузиазмом» белые артиллеристы оставили позицию со всем вооружением и разбежались без малейших попыток сопротивления, говорило о полном их нежелании продолжать воевать за кого-либо... Неожиданное богатое пополнение скромного арсенала берестовецких добровольцев-«ополченцев» усилило их революционный порыв и подняло боевой дух. В приподнятом настроении отряд продолжил свой путь, и парадным маршем колонна вошла в Бердянск. Горожане с удивлением смотрели на шагавшее по улицам «воинство», состоявшее из причудливого смешения лапотных мужиков с вилами, косами и топорами, бойцов с охотничьими ружьями и винтовками, да ещё при артиллерии! Колонна прошагала к центру города и подошла к зданию, в котором располагались городской ревком и бердянский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Вышедшие из здания работники поначалу тоже удивились, не понимая, кто перед ними. Но быстро разобрались в ситуации, после чего отряд был расформирован и распределён между красноармейскими подразделениями, расквартированными в городе и его окрестностях. Так Яков вновь оказался на военной службе, но теперь уже в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

Глава 2. Сарра

Всё это время Сарра жила в Бердянске. Никаких сведений о Якове после осени 1915 г., когда он оказался в австрийском плену, не было. Всю Гражданскую войну она оставалась в городе и работала в одной из аптек кассиром. Политическая власть в Бердянске, начиная с ноября 1917 г. и в течение трёх последующих лет, менялась несколько раз с интервалами от двух до шести месяцев. Сарра не раз становилась невольной свидетельницей драматических и трагических эпизодов, происходивших вокруг в ходе ожесточённой непримиримой борьбы. Опасности подстерегали постоянно и отовсюду; приходилось вести себя с предельной осторожностью.

Наступил октябрь 1919 г. Стояла тихая прохладная погода. Великолепие классической осени нарушилось 4 октября неожиданно быстрым отступлением из города белогвардейского деникинского гарнизона, пребывавшего здесь почти пять месяцев. Встревоженные бердянцы ожидали прихода новой власти. Ждать пришлось совсем недолго. Ранним утром 5-го октября в Бердянск, под чёрными анархистскими знамёнами с лозунгами, прославлявшими идеи анархо-коммунизма, с гиканьем и свистом влетела махновская конница, шедшая боевым рейдом от самой Умани по белогвардейским тылам Добровольческой армии. Городские улицы заполнили возбуждённые длительным стремительным маршем и непрерывными боями кавалеристы и бойцы на пулемётных тачанках.

Ранним утром Сарра, как обычно, отправилась на работу. Шла она осторожно, держась поближе к стенам домов и стараясь не привлекать к себе внимания. Зайдя в помещение, поздоровалась с хозяином аптеки (все хозяева аптек и аптечных магазинов Бердянска были евреи) и сотрудниками-коллегами и, сняв пальто, заняла место на кассе. Посетителей пока не было. Постепенно волнение девушки улеглось. Вдруг снаружи раздались громкие голоса, дверь распахнулась от удара ногой, и в аптеку вломилось несколько махновцев. Это были молодые разухабистые парни, все на кураже, при шашках, наганах, карабинах, с нагайками. Работницы, включая Сарру, от испуга обомлели. А незваные гости кричали, требуя спирта для «революционных бойцов, проливающих кровь за свободу трудового народа». Они знали, что пробудут в городе не один день и спешили найти средства для подъёма боевого духа. Из складской комнаты выбежал испуганный хозяин и попытался успокоить «революционеров». Но это их лишь больше раззадорило. Пришлось вынести весь имевшийся запас спирта, который использовали исключительно для медицинских целей, а не внутреннего употребления. Оказалось, что его совсем немного. Тогда идейные молодые анархисты, наслышанные о наркосодержащих лекарственных препаратах, потребовали от хозяина их принести. Тот начал

объяснять, что для этого потребуется проверять химический состав всех имеющихся в аптеке препаратов по их описанию, что займёт немало времени. «А ещё, – продолжал провизор, – эти лекарства могут причинить вам вред. Это очень опасно!» В ответ махновцы разозлились ещё больше и, окончательно потеряв терпение, начали забирать весь лекарственный товар аптеки, сгребая его с прилавка, полки и складских стеллажей: сами, мол, потом попробуем и разберёмся! Напрасно хозяин в отчаянии пытался их увещевать, обращаясь к здравому смыслу...

Сарра, вместо того чтобы тихонько отсидеться за кассой, попыталась помочь своему работодателю. Она встала на пути этих неотёсанных вооружённых парней, собравшихся унести «добычу», и начала самыми простыми словами им объяснять, как могут подействовать принимаемые без назначения врача лекарства, как по глупости можно подорвать своё здоровье и какой смертельной опасности они подвергнут свои молодые жизни... Махновцы поначалу оторопели, увидев возникшую у них на пути молоденькую смазливую, «дужэ-грамотну» девицу, которая выражала заботу об их здоровье, применяя много малопонятных «учёных» и «научных» слов. Речь и всё поведение девушки развеселило суровых воинов. К предлагаемой дискуссии они не были расположены, поэтому сразу «зашли с козырей»: Сарра очень крепко получила нагайкой пониже поясницы...

Немного придя в себя после ухода махновцев, хозяин собрал свой небольшой женский коллектив и обрисовал ближайшую пессимистичную перспективу: их могут обвинить в отравлении бойцов Революционной повстанческой армии, – а это грозит смертью. «Я вижу один выход, – сказал хозяин. – Мы все должны идти к Нестору Ивановичу и рассказать, какая смертельная опасность нависла над его легкомысленными бойцами!» Работницы с предложением хозяина вынуждены были согласиться. Преодолевая страх, во главе с дрожащим хозяином, они двинулись к штабу Повстанческой армии, расположившемуся на втором этаже одного из лучших в то время архитектурных достопримечательностей Бердянска – дома Абрама Езрубильского – в фешенебельной гостинице «Бристоль».

У входа их встретила охрана, которой они объяснили цель визита. Группу после досмотра пропустили на второй этаж, где сотрудник штаба предложил им подождать в приёмной, пока о них доложат «батьке» и он сможет их принять. Потекли минуты напряжённого ожидания, оно казалось долгим, хотя на самом деле прошло минут двадцать. Внезапно дверь кабинета распахнулась, и в приёмную стремительной походкой вышел сам Нестор Махно. Оглядев коротким быстрым взглядом посетителей, отметив испуганно-заискивающие выражения их лиц, обратился с окриком: «Ну! Кто такие?! Чего надо, с чем пожаловали?!» При этом он громко хлопнул ладонью по столу. Сарра и другие работницы стояли ни живы ни мёртвы,

невольно вжав головы в плечи. Хозяин аптеки, просеменив на полусогнутых ногах к «батьке», дрожащим от волнения голосом начал быстро рассказывать Нестору Ивановичу о случившемся. Изложение получалось несколько сумбурным, скороговоркой, но Махно, как ни странно, понял суть проблемы. Он кивнул и, уже спокойно обратившись ко всей группе, поблагодарил за посещение, заверив, что присутствующие могут вернуться и продолжить нормальную работу. А сложившуюся ситуацию он пообещал тут же исправить.

Отходя от пережитого волнения, спустившись и выйдя на улицу, они увидели, как «батька Махно» вышел на балкон и громовым голосом приказал своим бойцам немедленно собраться здесь. В считанные минуты площадь перед домом Езрубильского заполнилась людьми. Не снижая интонацию и силу голоса, Махно рявкнул, что знает о налёте на аптеку и потребовал поднять руку тем, кто в этом участвовал. Медленно, с опасливой неохотой поднялось несколько рук. После чего собравшиеся услышали предельно лаконичную речь своего лидера, содержащую напоминание о недопустимости разбоя, грабежей и мародёрства со стороны революционных анархистов и разъяснение созданной налётчиками проблемы для здоровья и жизни бойцов Повстанческой армии. «И ещё, – добавил Махно – необходимо вернуть лекарства хозяину!» В противном случае обещались максимально строгие карательные санкции («батька» мог запросто приказать публично высечь плетью по обнажённому седалищу, а то и собственноручно расстрелять. Но при этом он был принципиальным противником тюремных заключений, поэтому приказывал тюрьмы, по возможности, взрывать, как например, в Александровске и Бердянске). Речь, насыщенная соответствующими «яркими» выражениями и сравнениями, оказалась предельно убедительной и результативной. Едва коллектив аптеки вернулся на рабочие места, как в помещение с виновато-смущённым видом вошли недавние новые знакомые. Бормоча извинения, они положили на прилавок мешки с похищенными лекарствами. Все до единого препараты и даже флаконы со спиртом (нетронутые!) оказались на месте.

Махновцы были в Бердянске примерно три недели. По приказу штаба РПАУ в городе проводились конфискации лошадей, фуража, продовольствия; коммерсантов обязывали сдавать определённые денежные суммы и драгоценности. Разумеется, частая смена различных военно-политических властей привела к валютному хаосу и огромной инфляции. Поэтому предпочтение отдавалось драгоценностям. Сарре вновь довелось увидеть Нестора Махно, став свидетельницей страшной и отвратительной сцены. Махновцы выволокли из соседнего дома жившего в нём богатого торговца продовольствием. Это был мужчина среднего роста, лет пятидесяти, лысоватый, достаточно тучный, с расплывшимся от полноты лицом

и большим обвисающим животом. Он испуганно озибался и что-то пытался объяснять державшим его анархистам. Сарра предпочла держаться на безопасном расстоянии от происходящего и по долетавшим обрывкам фраз поняла, что торговец был уличён повстанцами в попытке утаить имущество, подлежащее реквизиции. Вскоре подошёл подъехавший сюда на автомобиле сам батька Махно. После недолгого разбирательства он гневно обвинил коммерсанта в «контрреволюционной несознательности и паразитировании за счёт трудового народа», благодаря чему тот набрал излишний вес, превысив разумные размеры лица, живота и зада. И, не слушая дальнейших лихорадочных оправданий и призывов толстяка к милосердию, приказал высечь его плетью. Махновцы повалили несчастного ничком на землю, спустили ему штаны и началась экзекуция. Раздались нечеловеческие вопли, жертва то умоляла своих палачей о пощаде, то взывала о помощи к стоявшим вокруг людям. Но «батька» был неумолим, и расправа остановилась только после доведения толстяка до предобморочного состояния. Потрясённая и подавленная увиденным Сарра, не дожидаясь окончания расправы над соседом, ушла домой...

В мае 1922 г. Яков демобилизовался из РККА и через десять лет после призыва в 1912 г. на срочную военную службу в царскую армию, наконец-то вернулся к мирной гражданской жизни в родных местах. Он поспешил в Бердянск в надежде на скорую встречу с Саррой. Но, к его большому огорчению, девушки в городе не оказалось. От друзей и родственников он узнал, что в начале осени 1921 г. она уехала на свою родину в Речицу. Ещё Яков узнал, что всё время, пока он был в австрийском плену, пока добирался домой и воевал в Красной Армии, Сарра оставалась в Бердянске. Особенно досадным стало понимание того, что в марте 1919 г., когда Яков на пути в РККА кратковременно побывал в уездном центре, Сарра тоже была здесь. Впрочем, даже знай он об этом, вряд ли у него появилась бы реальная возможность разыскать возлюбленную в той военной суматохе... Яков понимал, что не может осуждать Сарру, которая шесть тяжёлых и страшных военных лет не имела о нём никаких сведений и, отчаявшись от многолетней неопределённости, решила вернуться к речицкой родне. Эх, если бы он демобилизовался на полгода раньше!.. Но сокрушаться о безвозвратном прошлом было бессмысленно. Теперь надо было, не мешкая, заняться поисками своей невесты. Якова тревожила мысль о том, что отъезд Сарры в Речицу из Бердянска мог быть связан с её замужеством... Неужели он потерял возлюбленную, о встрече с которой не переставал думать все эти годы?! Чтобы унять тягостные сомнения, решил написать письмо, но не самой Сарре, а её родственникам.

Прошло чуть меньше месяца, и ответ от речицких родственников Сарры не заставил себя ждать. Оказалось, что девушка срочно вернулась

в Речицу потому, что ей сообщили о смерти от чахотки одного из её родных братьев, Давида. У брата остались три малолетних сына – десятилетний Григорий, восьмилетний Семён и шестилетний Борис. Роза, овдовевшая жена Давида, оставшись после смерти мужа с тремя малолетними детьми, растерялась и впала в депрессию. Мальчики оказались как бы сиротами при живой матери. Незамужняя Сарра решила, что она просто обязана спасти племянников, взяв на себя уход за ними. А ещё в письме был краткий ответ на вопросы Якова: «Сарра свободна. Она тебя ждёт. Приезжай!»

Сборы в дорогу окрылённого любовью Якова были недолгими. Ему было уже тридцать шесть лет, и его давно тяготило холостяцкое одиночество... Тяготы, лишения, потрясения прожитого жизненного пути – сурового, часто опасного – не ожесточили, а, наоборот, усилили стремление к доброте, нежной любви и заботе о будущих жене и детях. И в этих его помыслах и воспоминаниях на протяжении всех лет вынужденной разлуки Сарра оставалась единственной желанной. И вновь и вновь он повторял слова из письма: «свободна, потому что все эти годы надеялась, ждала и ждёт, зовёт, хочет встречи именно с ним!»

С подарками для любимой и её родни Яков приехал в Речицу. Десятилетней разлуке было суждено завершиться долгожданной радостной встречей. И в середине августа 1922 г. Яков Марголис и Сарра Гольдштейн (отныне Марголис) сыграли свадьбу. А 20 мая 1923 г. Сарра родила дочь Хаю (Клару). Это была моя будущая мама. Почти через два года, 16 мая 1925 г., появился на свет их второй ребёнок, сын, которого в честь отца Якова, Зельмана Марголиса, назвали Зельманом (Зямой). Позже, уже на фронте, боевые товарищи переименовали его в Евгения. И, наконец, 1 декабря 1927 г., родилась дочь Анна. Только не в Речице, а в еврейской сельскохозяйственной колонии Перецдорф.

Но это уже следующая история.

Назову его Ури

Вот уже более четверти века я живу в этой необыкновенной стране – ни одна страна в мире не похожа на наш Израиль. Я чувствую себя дома... Дома...

Много лет я езжу к сестре в Бээр-Шеву – и вижу, как разрастаются гора, высаживаются всё новые и новые деревья, осваивается пустыня. Израиль очень красив, особенно весной! После обильных зимних дождей склоны гор покрываются сочной травой, поляны красных цветов чередуются с полянами желтых ромашек и цветущей жёлтой горчицы. Вечнозелёные деревья и кустарники, акации – золотистые, фиалковые; с цветами то похожими на колокольчики, то на маленькие мягкие пушистые зонтики. Нелегко вырастить в пустыне деревце или кустик... К каждому из них нужно подвести воду...

По утрам я слушаю новости по радио «Рэка»... Летят, летят на нашу территорию воздушные шары и змеи из Газы. К ним привязывают горючие материалы и взрывчатку... И горят поля и леса, дома и сады, гибнут животные...

Однажды, гуляя у моря, я наблюдала конкурс на лучшего воздушного змея. Воздушные змеи – яркие, разноцветные, большие и маленькие, самых невероятных форм – взвились в небо на радость детям, да и взрослым. Сколько счастья было в глазах детей! Это было всего пару лет назад... Тогда ещё никто не додумался использовать воздушных змеев для поджогов!

Детей, родившихся в Израиле, называют сабрами – от слова «цабар», так на иврите называется один из видов кактусов. Сами кактусы и плоды покрыты колючками, но внутри сладкие и нежные! И цветут очень красиво. Дети Израиля знают и мир, и войну...

Радио «Рэка»... Новости... Сегодня сообщили, что возобновились обстрелы из Газы и ракета попала на территорию детского сада. Какое чудо, что никто не пострадал! Когда четыре года назад нас обстреливали из Газы, во дворе дома, где живёт моя сестра, дважды разрывались ракеты. Дому много лет, и в нём нет ни защищенных комнат, ни убежища. Если звучат сирены, рекомендуется просто выйти на лестничную клетку – там хоть сколько-то безопасней, чем в квартире... Сестра рассказала мне о соседском мальчике по имени Ури. Ему тогда было три годика, но он вел себя как взрослый. Когда звучала сирена и его мама выбегала на лестничную клетку, держа на руках двухмесячных близнецов, мальчик спокойно выходил следом. Он не плакал, не капризничал, он тихо повторял: «Я

сам!»

Ури! – Мне вспомнилось стихотворение Рахели, известной израильской поэтессы:

Бездетная²

Как бы хотелось мне сына иметь!
Был бы кудрявый он, умный малыш,
За руку шёл бы тихонько со мной
На сад посмотреть
Мальчик Мой.
Звала б его Ури, Ури родной.
Звук этот ясен, и чист, и высок –
Луч золотой,
Мой смуглый сынок,
Ури ты мой...

Однажды во время экскурсии мы (наша литературная группа) оказались возле могилы Рахели. Кроме нас там была еще одна, ивритоговорящая, группа: несколько взрослых и дети разных возрастов. Маленькие дети окружили памятник и начали перекладывать многочисленные камушки в своё, только им понятном, порядке. Это вначале поразило меня: как это родители позволяют детям делать всё, что они хотят, и даже не делают им замечания?..

² Перевод М. Ялан-Штекелис

Но вскоре мы разговорились, оказалось, что дети и внуки решили сделать подарок бабушке на семидесятилетие и повезли ее на экскурсию. Возле могилы Рахели они слушали вместе стихи и пели полюбившиеся с детских лет песни. Молодой человек, лет тридцати пяти, достал из металлического ящика рядом с памятником маленький сборник стихов и – запел! Запел о Кинерете, и все стали подпевать ему. Потом он рассказывал о трудной судьбе Рахели, читал её стихи... Я взглянула на самого младшего из детей. Ему было примерно три годика. Румяные щёчки; ветерок играет его кудряшками, ручки продолжают перебирать камушки. Но большие карие глаза внимательно смотрят то на памятник, то на людей, стоящих полукругом. И я подумала тогда – вот о таком малыше мечтала Рахель! И о том, что он сможет жить под мирным небом! Может быть, и этого ребёнка звали Ури? Имя очень популярное у родившихся здесь. Ури значит светлый...

Солнце вышло из-за туч. В туманной дымке, через просвет между большими деревьями, окружавшими кладбище, я видела Кинерет. Медленно плыли по нему суденышки с белыми парусами, и вдруг я увидела лодку – с алым парусом! И стаю белых чаек над ней...

Почему-то мне подумалось, что Рахель видит и этого красивого малыша, и этот алый парус... И на душе стало радостно и светло.

Ури... Луч золотой...

2017–2019

Жених для Милочки

Глава из повести «История моей семьи»³

Про неё в их небольшом посёлке говорили: «Девка в самом соку! Кровь с молоком». И вздыхали грустно: «Жаль, женихов нет». А где их было взять, этих женихов, война почти всех повыкосила. Только нашёлся жених и для Милочки. Не зря говорят: на каждую кастрюлю своя крышка отыщется.

В самом конце войны Эмилия вернулась домой, в разграбленную немцами Новополтавку. Здесь она узнала всю правду: маму вместе с другими евреями расстреляли, брат погиб в середине войны. Нужно было учиться жить с этой болью. В прошлом остались Казахстан, работа на элеваторе, тяжелые мешки с мукой, которые они перевозили на верблюдах. В неё влюбился низкорослый, похожий на кочевника с картинки, кривоногий бригадир с труднопроизносимым именем Нурмухамбет и звал её замуж. От одиночества и отчаяния Милочка чуть было не согласилась: хоть какая-то опора в жизни будет! Отговорила подружка: – Ты что думаешь, если мужиков сейчас мало, за каждого идти нужно? Ты хоть знаешь, что такое казахская семья? На всех ишачить будешь! Да и потом, посмотри на него! Он тебе не пара.

Людей в их посёлке заметно поубавилось: кто в райцентр уехал, а кто и в Харьков подался: работу «шукать». Харьков, пусть и разрушенный, а всё ж большой город – хоть какая-нибудь работёнка да найдётся. Вот у них в Новополтавке дома почти все целые, а делать тут нечего. Находились, правда, чудачки, которые приезжали в посёлок. Как-то утром Мила обнаружила, что в огороде, прилегающем к её забору, возятся какие-то незнакомые люди. Они шумно переговаривались, и через час Мила уже знала, что громкоголосого хозяина – под два метра ростом – зовут Фроим, его сердитую жену – Этя, а девчонку-подростка, вероятно, их дочь, – Розочка. Вскоре они познакомились.

– А мы из Кривого Рога. Это город такой, знаешь? – тараторила круглолицая, с ямочками на щеках, Розочка. – Мы вернулись из эвакуации, а в Кривом Роге работы нэма. И кушать нечего. Совсем плохи дела...

– Да, не повезло вам, – сочувствовала ей Мила. – Только и в посёлке работы нет...

– А нам и не надо, сами себя прокормим! А я знаю, ты одна живёшь. У тебя никого не осталось?

³ См в №.17 несколько глав из этой же повести.

– Никого... – Милочка горестно качала головой. – А где ваша родня?

– Родичи в Кривом Роге, а тут до войны жил дедушка Янкель. Его фрицы расстреляли... А мы вот решили приехать... На земле всё-таки полегче, – со вздохом, как взрослая, говорила Розочка. – Огород вскопать можно, картошку посадить. Потом и козочку купим, чтоб молоко своё было.

Мила завидовала соседям. У них было весело. Работая в огороде, они пели, а по вечерам громко разговаривали, так что вся улица знала их секреты. А Милочка всегда была одна, наедине со своими печальными мыслями. В институт она не вернулась: жить впроголодь на крошечную студенческую стипендию не было ни желания, ни сил. Она устроилась счетоводом в артель, где шили серые скучные фуфайки. Днём она занималась квартальными отчётами, а вечером, возвращаясь в свой холодный дом, зажигала керосиновую лампу и представляла себе, что на кухне у плиты возится мама. Полыхают поленья, по дому разносится запах пшеничной каши. Вот-вот мама позовёт её к столу:

– Эмилия, майн хайсл ((идиш) – моя хорошая), всё готово! Да поторопись, каша остывает.

Мила вытирала глаза ладошкой: «Ах, мамочка-мама, на кого ты меня оставила? Ведь нет у меня никогошеньки».

Иногда у Эмилии оставалась ночевать Розочка. Они выпивали по стакану молока, заедая его вкусными коржиками из кукурузной муки, испечёнными Розочкиной мамой, ложились вдвоём в одну постель и, укрывшись толстым ватным одеялом, допоздна болтали о разном.

– Папа в Кривой Рог уехал, – сообщала Розочка своей новой подружке. – Там мой двоюродный брат Сеня пропал. Уже, правда, нашёлся.

– Как это? То пропал, то нашёлся, – удивлялась Мила.

– Да сама ничего не понимаю! Вот папа приедет, всё нам расскажет.

На следующий день Розочка ворвалась к Миле и с порога затараторила:

– А к нам Сенька приехал! – И хитро посмотрела на подружку. – Он из госпиталя вернулся. Ра-аненый весь!

– А сколько ему лет? – как можно равнодушнее спросила Мила.

– Старый уже. Двадцать три года! – У Розочки чертенята плясали в глазах. – Холостой, между прочим. Видела бы ты его – вся грудь в медалях!

«На год старше меня! – Мила представила себе незнакомого Сеню похожим на обаятельного киноактёра Евгения Самойлова и улыбнулась. – Вот ещё глупости! Интересно, какое у него ранение?» А вслух сказала:

– Подумаешь, медали! Вот если бы ордена...

Через неделю к ней нагрянули гости. Впереди с миской вареников, полных шкварками, шла жена Фроима Этя. Фроим, вырядившийся в украинскую вышитую сорочку, вёл за руку, как красну девицу, парня с копной

тёмно-русых волос. Он был невероятно худ, армейские галифе болтались на нём, как тряпье на огородном пугале, а из ворота потерявшей первоначальный цвет гимнастерки выглядывала кадыкастая шея. Шествие завершала Розочка, прижимавшая к груди бутылёк с вишнёвой наливкой.

– Эмилечка! – закричал Фроим и подтолкнул к ней парня. – Посмотри, какого красавца я к тебе привел. Мой племянник! Приехал к нам после госпиталя, так сказать, здоровье поправить. На лоне природы, так сказать. Знакомьтесь, молодые люди!

Милочка застеснялась:

– Меня зовут Эмилия. Мила.

– А я Семён Пайкин. Сеня, – произнёс парень и протянул ей правую руку.

И тут Мила увидела, что за ранение было у Розочкиного двоюродного брата. Левый рукав его гимнастёрки был аккуратно подвёрнут и заколот булавкой. Милу бросило в жар.

– Очень приятно, – дрогнувшим голосом сказала она. И так ей стало жалко этого исхудавшего на госпитальных харчах Сеню Пайкина, что она едва не расплакалась.

– Почему мы стоим? – опять закричал Фроим. – Накрывай, хозяйюшка, на стол.

А какой стол может быть в послевоенном сорок пятом году? Картошка, капуста солёная да вареники, слепленные фроимовой женой Этей. Но так хорошо они посидели, повспоминали и дедушку Янкеля, и Милочкину маму, и всех, кто до победы не дожил. А в конце Фроим вдруг спросил:

– Пойдёшь замуж за моего племянника?

Милочка растерялась, залилась краской.

– Да ты не робей, мэйделе! ((идиш) – девочка) И не смотри, что он такой худой. Были б кости, а мясо нарастёт. И запомни: главное в человеке – не руки и даже не ноги...

– А что? – испуганно спросила Розочка.

– Как что? Голова, конечно! А голова у нашего Сеньки – ого-го! Дай бог нам всем такую!

– А почему Сеня молчит? – вдруг сказала Мила. – Он что, язык проглотил?

– Ой, – пискнула Розочка, – вместе с варениками!

– Сеня! – прикрикнул Фроим. – Скажи своё слово!

– Швайг штыл ((идиш) – замолчи), умник! Помолчи! – вмешалась Этя. – Они сами разберутся.

– Кто сказал, что я молчу? – Сеня от выпитой наливки порозовел. – Мила, вы мне очень понравились... Правда! Хотите стать моей женой?

– Хочу! – выпалила Милочка и удивилась собственной смелости.

– Вот это девка! – закричал Фроим. – Это по-нашему!

– Так! – сказала Этя. – Давайте договариваться.

За окном сгустились сумерки. Фроим с Этей засобирались домой.

– Может, ещё посидим? – попросил Семён.

– Нет уж, племянничек, пора и честь знать, – стала совестить его тётушка. – Ещё насидишься.

– И належишься, – захохотал Фроим, но, поймав взгляд супруги, робко добавил: – После свадьбы, конечно.

– Бесстыдник! – пожурила его жена. – Ребёнка бы постеснялся.

– Это кто тут ребёнок? Розочка? – стал возмущаться Фроим. – Да моя мама в её годы уже под хупой стояла! – Фроим привстал и покачулся.

– Да-а, вижу, что пора нам...

Милочка проводила гостей до самой калитки. Новоявленный жених болтал без умолку.

– Вы такая красивая, Мила. А косы у вас... Дядя, ты видишь, какие у неё косы? Милочка, вы так интересно их укладываете! Коронкой... Что, так сейчас носят? А я и не знал.

– Сеня, дай мне сказать, – встревала тётушка и нашёптывала Милочке с другой стороны:

– Дом продашь. А на вырученные деньги купишь себе приданое. Пальто там, резиновые ботики. И платье, платье нарядное не забудь, ты ж к родителям жениха едешь! Нужно произвести впечатление. Хочешь, вместе в Харьков на толкучку съездим?

В этот вечер Милочка долго не могла уснуть, всё крутилась на своём издавшем виды топчане. «Может быть, не стоило так сразу соглашаться? – спрашивала она себя. – А то ведь Сеня бог знает что подумает!» Но сердце подсказывало ей другое. Оно и билось не так, как обычно. И щёки у неё горели, как после жаркой бани.

А Семён, лёжа с открытыми глазами на старой, издавшей виды раскладушке, думал о том, как ему сказочно повезло. Пройти фронт, получить тяжёлое ранение, потерять руку, чтобы потом, как награду, встретить такую девушку...

Эмилия спала, и лицо её было впервые за последние несколько лет спокойным и просветленным. Она даже улыбалась во сне, как будто бы ей кто-то нашёптывал:

– Всё будет хорошо, Милочка. Недаром когда-то мама называла тебя «а мазалтаке» – счастливица.

Перевод с иврита П. Чечельницкой

Кинерет

Рука моя Голанских гор коснётся.
Безмолвье и покой... Остановить бы миг.
Седой старик Хермон с зарёй проснётся,
И прилетит с вершины ветер-озорник.

А по воде Кинерета опаловой
Скользит лодчонка, словно бы во сне...
На берегу растрёпанная пальма
Бормочет что-то ветру в тишине.

В траве, как кровь, разлиты первоцветы,
Ковром оранжевым ложатся ноготки,
Как будто бы слетелись мотыльки
В зелёный мир начавшегося лета.

Под вечер я одна приду на берег,
Здесь каждый камень словно оживает...
Я не смогу забыть тебя, Кинерет!
Я не смогу. Друзей не забывают.

А может быть...

А может быть, привиделось мне это:
Как я вставала в поле до рассвета,
Как начиналась тяжкая работа
От первой зорьки до седьмого пота?

А может быть, привиделось мне это:
И зной, и жатва на исходе лета.
И я на сене, словно в поднебесье,
Забыв усталость, распеваю песню?

А может быть, привиделось мне это:
Покой, и синь, и непорочность цвета?
Кинерет мой, ты словно нежность неба,
Кинерет мой, моя ты быль и небыль.

Веление судьбы

Кинерет, о, если судьбою
Мне велено сбиться с пути,
Хотела б я рядом с тобою
Последний приют обрести.

Нет крови, страданий и боли
В его вековой тишине...
Лишь слышится песня за полем
Как горестный плач обо мне.

Здесь помнят всегда об ушедших,
Не ведавших жизни иной,
Здесь дерево памятью вечной
Склонится в тиши надо мной.

И если судьба мне отмерит
Полжизни в изгнание прожить,
К тебе я вернусь, мой Кинерет,
Последнюю чашу испить.

Короткой встречи миг

Короткой встречи миг,
Один лишь быстрый взгляд,
Слова сумбурные из старой грустной роли...
Осколки памяти,
Как будто шаг назад
В излом души меж счастьем и болью.

Забыть, уйти в себя,
Как старец в древний скит.
А может, ничего и не было меж нами?
Пасть на колени, плакать,
Коль душа болит,
И жажду утолять у озера слезами.

Стихов моих белая книга

О, как моё сердце от горя кричало
Отчаянным криком без слов!
Слова я, как бусы, потом нанизала
На белую нитку стихов.

И тайну свою лишь тебе не открыла –
В сожжённой душе непокой.
Теперь мою боль, словно птицу без крыльев,
Любой может тронуть рукой.

*Мы, как два волка, плясали на цепи,
и это мы называли любовью...*

И. Эренбург

Положи меня как печать на сердце твоё...

Песнь песней

Вкус страсти на губах,
И в ритмах сердца сбой...
В нём страх, и отчуждение,
и тайна.
Мы – звери, что посажены судьбой
На цепь одну кандальную
случайно.

В безумном звоне
тяжких тех оков,
В неистовстве
слепой любовной пляски
Нам не дано услышать тихий зов,
Молящий зов о нежности и ласке.
Нам не дано
услышать и сказать:
«Ты положи
меня на сердце как печать»...

Женщине

Земли родной твоя рука нежней,
Она дарует и покой мне, и забвенье,
От рабских пут, от страха избавленье –
Так много доброты и силы в ней.
О женщина! Ты в горе не согнись!
Как лист весной из почки прорастает,
Как в небо птах бесстрашно вылетает,
Вот так и ты всегда лишь вверх стремишься!

Транзитом через Китай

А вы что-нибудь слышали о городе Чэнду в Китае? Не Пекине, не Лояне, не Шанхае, не Сиане.

Кажется, что какой-то малоизвестный, не очень большой город, о котором мы вряд ли что-то слышали.

А вот как дела обстоят на самом деле...

Население города больше 21 млн. человек. Огромное и развитое метро.

На улицах множество машин и мотоциклов, но очень тихо (!), потому что встретить машину с двигателем внутреннего сгорания здесь – уже огромная редкость.

Слышно только шуршание колес.

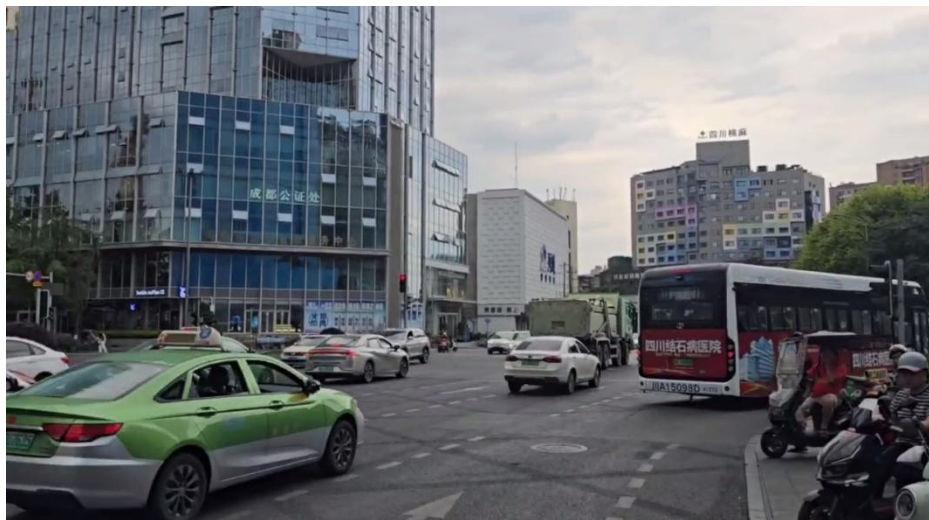

Рис. 1

Это будет душно и очень скучно, если я буду описывать все свои эмоции, так что буду краток. Но начну с аэропорта.

Идеальный асфальт и идеальная разметка! (Рис. 2)

Как аккуратно стоят тележки в аэропорту, лежат лотки. На фото не так сильно видно, но если обращаешь на это внимание, то это очень приятные ощущения от организации. (Рис. 3)

Рис. 2

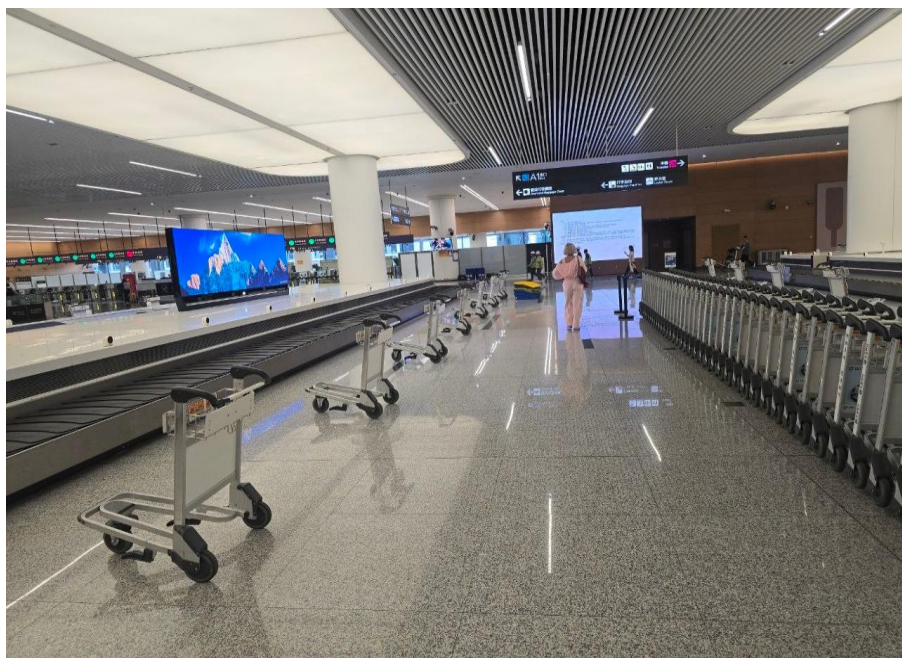

Рис. 3

Это, конечно, очень удобно, что помимо названия станций метро, у тебя есть номер у каждой ветки и каждой станции:

«Встречаемся на 4.13», – сразу ясно, что на 4-й ветке и 13-й станции. Как с Авеню в Нью Йорке.

Топ!

Рис. 4

Рис. 5

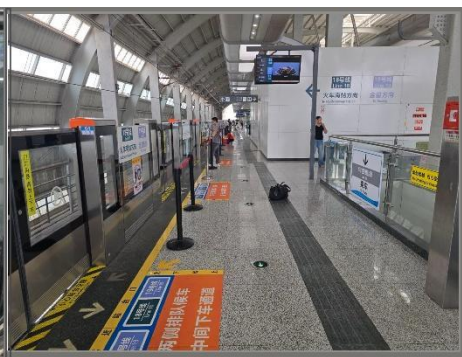

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Идеальные дороги! Идеальные дороги!
Идеа-а-льные дороги!

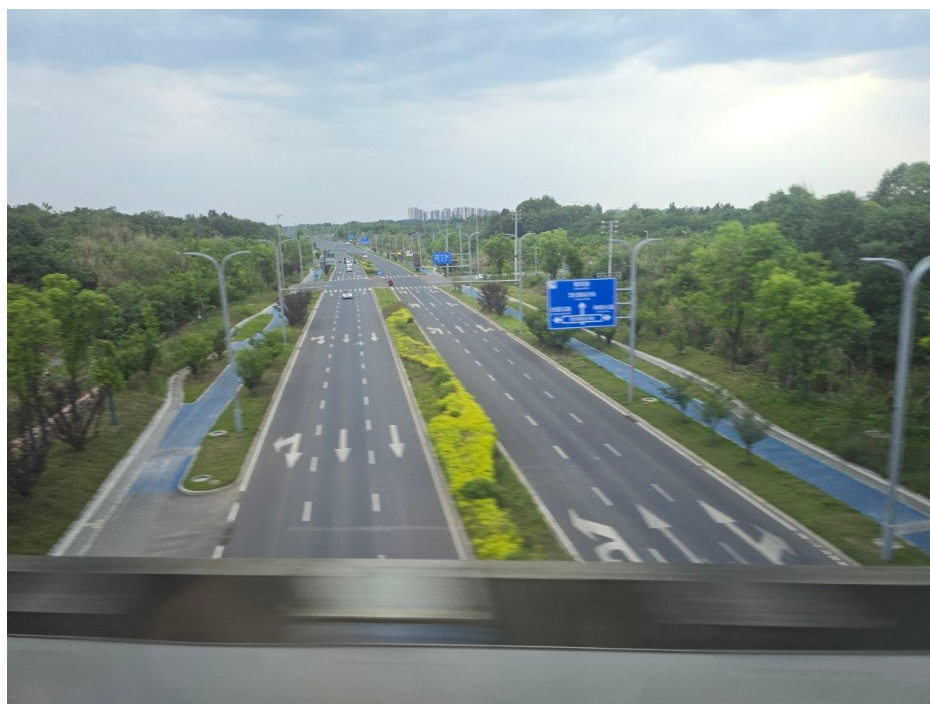

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Непонятно, конечно, зачем их столько – этих арендных вело... Но их очень много! Кажется, что на каждого жителя по 2.

Рис. 13

Никому неизвестные или малоизвестные города в Китае, которые больше и развитее Москвы, комфортны для жизни и менее закрыты локальными культурными традициями, чем ранее. Они более мировые, европейские, чем азиатские. Конечно, определенные традиции имеются и перенеслись через века, но прилетая сюда, ты не будешь в недоумении искать хоть кого-то, знающего пару слов на английском, как 15 лет назад.

Здесь много где встроенные переводчики, которые переводят налету. Притом не только с английского на китайский. На русский и с русского – тоже.

Много где надписи дублируются на английском. А если нет, то перевод-

чик в телефоне переводит на ура. Взаимодействие с местными населением стало сильно проще.

Рис. 14

Рис. 15

Тут даже в разных вагонах одного состава разная температура воздуха: кому похолоднее, кому потеплее. Класс! (Рис. 15)

Если в Пекине и Шанхае много пожилого и взрослого населения, то в Чэнду очень много молодежи (ну или я уже просто староват).

Постепенное развитие не создаёт такого резкого контраста, который ощущается, если подумать о том, чего у нас просто не было ещё 10 лет назад, 20, 50...

После наличных денег появились кредитные карты, позже дебетовые. Затем мы все привязали к NFC (а кто-то без этого просто не может жить).

И теперь в России, когда, по сути, нет возможности нормальной уехать с тем, что имеешь, и платить в остальном мире, то, когда запариваешься сделать себе какую-то иностранную карту и приезжаешь с ней в другую страну, считаешь, что сделал себе чуточку удобнее и можешь расплатиться ею, то вот в Китае быстро понимаешь, что пластик – кредитные и дебетовые карты – это уже своего рода атавизм.

Это устаревший способ оплаты. Когда приходишь в аэропорт, крупный магазин, то они достают терминал оплаты, убранный на верхнюю полку, как старенькой ноутбук 20-ти летней давности, который вроде бы ещё работает, но уже морально устарел и не нужен, но ты его на всякий случай оставил.

Здесь все оплаты по qr-коду, через WeChat или другой сервис.

Очень много мест, где не расплатиться никаким пластиком и наличными. Только qr-код. Притом сама система быстрых переводов – это обратная система того, как в России. Не ты сканируешь qr-код магазина. А магазин сканирует твой и снимает с тебя деньги.

Еще большего интереса в эту историю добавляет тот факт, что именно в этом городе появились первые бумажные деньги в мире в X веке при династии Сун.

А сейчас здесь не котируются уже даже пластиковые карты.

И не забудь меня там, на Звезде...

Посвящается Жене Горелику

1

Нам будет день второй. Спокойной ночи,
Мой друг. Спокойной ночи, мой любимый,
Там, на звезде. Но что мне душу точит
И заволакивает снежным дымом

Мой путь, что в тот, все оборвавший, вечер
Мы были вместе. Вместе, и не знали,
Не знали, что несется нам навстречу
Из темной ночи, из далекой дали.

Дул свежий ветер, облака дрожали,
И мы с тобой не чуяли беды.
А там уже проводника послали
Указывать дорогу – до звезды.

Прощай, любимый. Будь со мной везде.
И не забудь меня там, на звезде.

2

И не забудь меня там, на звезде.
Не забывай меня, ты слышишь, милый?
Здесь, на земле, тебя я не забыла.
Здесь, на земле, в постигшей нас беде,

Иду наощупь, будто бы вслепую,
Всё пробую ногой, куда ступить,
И всё с тобой вполголоса толкую.
Всё спрашиваю, быть или не быть.

Быть или не быть. О Гамлет, принц далекий!
И за тобою следовала тень
Неотвратимая. И смешивала сроки
Земные, и уравнивала день

Со светлой тенью и со звездной ночью,
Где голос вечен, а оттенок точен.

3

Где голос вечен, а оттенок точен,
Где свет и тень, и образы земли,
Где нет границы между днем и ночью,
Где бездны лет проплыли и легли

Над пропастью. Там Гамлету раздолье
Мечтать без воли и молчать о боли
Прозрений, откровений и утрат,
Равняя их в один высокий ряд.

И нам с тобой хватало размышлений
Над сутью жизни. То-то мне теперь
Все видятся высокие ступени
И озаренная навеки дверь.

Жар-птицу вынуть, клетку не задеть,
Там, на твоей звезде, не знаю где.

4

Там, на твоей звезде, не знаю где,
Жар-птица дремлет, не касаясь клетки.
Жар-птица дремлет. Рядом ключ на ветке.
И ветка отражается в воде.

Ключ озарен, и ветвь озарена
Таинственным сияньем ниоткуда.
То свет воспоминанья или сна,
Или лучей играющих причуда.

Веди меня, жар-птицево перо,
В тот край, где ты нарек мне имя «птица».
На камень, стерегущий под горой,
И на звезду, которая мне снится.

На ту звезду, окутанную дымом,
И там опять мы встретимся, любимый.

5

И там опять мы встретимся, любимый,
Под нашей, самой милой из планет.
Под той, где я была тобой хранима.
Под той, где были сумрак и рассвет.

Под той, где жить остались наши дети.
Теперь она мерцает навсегда,
Как раньше мне мерцала сквозь столетья
Твоя непостижимая звезда.

Теперь застыть под освещенной веткой,
Под вечностью, сменяющею миг,
Прислушаться, зажмуриться от ветра,
И кинуться на голос или крик.

Уняв дыхание, досчитать до двух.
Вздых будет короток, а возглас глух.

6

Вздых будет короток, а возглас глух,
А очерк сжатых рук горяч и точен.
Нежнейший снег и тополиный пух
Пойдут кружить все наши дни и ночи

В одно неповторимое мгновенье.
И певчий голос станет различим
На фоне тайны. Тайной будут тени,
И взгляд волшебный. И блаженный дым,

Плывущий под звездой и над страницей
Моей. А дальше? Там твоя звезда.

И только голос полночи и птицы
Немолкнувший зовет меня туда,

Куда века плывут неотвратимо
За облаком и за слепящим дымом.

7

За облаком и за слепящим дымом,
Где рушатся и сходятся миры,
Выстраиваясь в вечность, мы, любимый,
Начнем учиться правилам игры,

До этого неведомой. Мы станем
Вникать вдвоем в сплетение лучей,
Перемещение туч и трепетанье
Слепящих бликов. И дознаться б, чей

Волшебный голос звал нас, утешая.
Быть может, мы приблизимся теперь

К разгадке. Я не смею, я не знаю...
Допытываться дальше? Дальше дверь

И тайна. Там, где свет земной потух,
Все стихнет, напрягая взор и слух.

8

Все стихнет, напрягая взор и слух,
И нового исполнится значенья,
Где бывший смертный, затаивши дух,
Следит за нарастающим свеченьем.

Куда тебе, душа? О, мне туда,
Где дерево, и клетка, и жар-птица.
Там плещется вода. И там звезда
Моя. Я по земным страницам

Уже учила фауну и флору
Моей звезды. Я знаю, как пройти
Сквозь лес к реке. Там всё мне будет впору.
Все тропки там я знаю, все пути.

И там, где мне назначено свиданье,
Забрезжит свет, как в утро созиданья.

9

Забрезжит свет, как в утро созиданья,
Как было мириады лет назад.
Немыслимо прекрасные созданья
Слетят с небес и мир заполонят.

Замечу ли тогда в свеченье перьев
Мерцанье жароптицева крыла?
Услышу ль вечные названья «Эрев»
И «Лайла»: вечер – и ночная мгла.

И будет день один. До исчисленья
Грядущих дней. До счета. И тогда
Что перевесит на весах: мгновенье
Или столетье? Радость – иль беда?

Ход вечности и оторопь минут
На стыке лет сойдутся и замрут.

10

На стыке лет сойдутся и замрут
Две чаши страшные. И вровень станут
На миг. И здесь, как видно, будет суд.
Здесь все увидят: спрятанную рану –

И скрытое в руке перо жар-птицы
В последнем упованье угадать
Единственную запись на странице,
Где наши имена. И где печать,

Скрепляющая вечное. Быть может,
Тогда все сбудется? Я не могу
Понять. И я прошу тебя, о Боже,
Спаси и помоги. На берегу

Последнем не оставь своим вниманьем
Две роковые чаши мироздания.

11

Две роковые чаши мироздания
Сравниются. И мой последний путь
Приблизится к началу – и к познанию.
Еще мгновение. Еще чуть-чуть.

И будет вечер. И настанет утро.
И это день один. Тот самый день,
Из сумрака скользящий к перламутру,
Закрашивающий ночную тень,

Как щедрый расшалившийся ребенок,
Размашистою кистью новичка...
Но первый луч стремителен и тонок,
И первые сверкают облака,

И первые часы уже идут.
Шаг вечности – и легкий бег минут.

12

Шаг вечности и легкий бег минут
Уравнивают чаши без убранства
Привычного. И медленно пойдут
Раскручиваться время и пространство

В спиральную светящуюся нить,
Где каждый час – неповторимость мига
Из нашей жизни. Значит, будет жить
Невидимая сказочная книга,
Где все прекрасно: вечный кавардак,
Рождение детей. Труды, заботы.
Твой взгляд, и твой «волшебный мир». Чердак
На даче. Редкий отдых от работы.
И сборы. И отъезд. Мельканье лет,
И в вышине твой вечный, млечный след.

13

И в вышине твой вечный, млечный след.
И тишина. О Боже, дай мне силы
Дорогу одолеть. Какой обет
Оледенил мне рот. Прощай, мой милый.
Который год я плачу по тебе.
Который год плету тебе венчальный
Венок. Так Парка молча на судьбе
Волокна скручивает в нить. И дальний,
Неведомый пока ложится путь.
Ступай по пряже Парки, по зыбучей
Тропе. И знай, что ты когда-нибудь
Придешь туда, где камень бел-горючий
Ждет под горой. И там тебе ответ.
Ступени. Дверь. Перо жар-птицы. Свет.

14

Ступени. Дверь. Перо жар-птицы. Свет.
Здесь в первый раз я преклоню колени
И голову склоню. Пора. Мой след,
Как твой когда-то, тает на ступенях
К последней двери. Там свои пути
И перепутья. Как бы мне не сбиться...
Спаси, и дай мне руки отвести
От чаши, где беда. Яви страницу,
Где запись нужная, и где печать,
Отметившая главные мгновенья.

Вот тут и начинаешь понимать
И чувствовать, исполнившись смирения,
Что день один прошел. Но в миг урочный
Нам будет день второй. Спокойной ночи.

15

Нам будет день второй. Спокойной ночи.
И не забудь меня там, на звезде.
Где голос вечен, а оттенок точен,
Там, на твоей звезде, не знаю где.

И там опять мы встретимся, любимый.
Вздых будет короток, а возглас глух.
За облаком и за слепящим дымом
Все стихнет, напрягая взор и слух.

Забрезжит свет, как в утро созиданья.
На стыке лет сойдутся и замрут
Две роковые чаши мирозданья –
Шаг вечности и легкий бег минут.

И в вышине твой вечный, млечный след.
Ступени. Дверь. Перо жар-птицы. Свет.

Сон про козла

Из повести «Заклание Царского быка»

Славно просыпаться холодным ранневесенним утром под теплой могучей рукой мужа, под покровом его несказанно обильных волос, под косматым одеялом из отборных козых шкур, крашенных пурпуром! Уже три года Ароя, дочь царя острова Мелоса, просыпалась так каждое утро. Сатур зашевелился, зевнул и полез целоваться. Воистину, во всем Кноссе, на всем широко раскинувшемся Крите, на всем Великом море нет более влюбленного мужа! Все дворцовые жены шипят по-змеиному от зависти!

Нацеловавшись, Сатур выбрался из-под одеял. В спальне, расположенной под самой крышей, было холодно – маленькое окошко никогда ничем не закрывалось. У постели стыла каменная жаровня с седыми от пепла углями. Вбежали две служанки, принялись облачать господина. Ароя наблюдала за их работой из постели. Есть ли в мире муж, прекраснее царевича Сатура? У рослого Сатура были густейшие черные кудри до пояса, плечи и грудь могучие, как у быка, а лицо тонкое, точно вычеканенное из золота. Сильный! Критяне звали его Царский Бык. Сатур повелевал военным царским флотом и в морской битве был страшен...

Ароя же походила не на богиню, а на родителей. Небольшого роста, крепенькая и белокожая. Яркие карие глаза, яркий пухлый ротик, в целом ничего сводящего с ума.

Служанки весело завязали на стройной талии Сатура широкий пояс пестрой шерстяной юбки, сверху наложили еще один, из листового золота, и усадили господина бриться и причесываться. Одна трудилась, другая держала бронзовое зеркало. Искусная служанка расчесала волосы Сатура костяным гребнем, погружая его время от времени в сосуд с ароматным маслом. В спальне запахло миртом... Служанка собрала часть обильнейших сатуровых волос в пучок на макушке, а на лоб надела золотую диадему. Потом накинула господину на плечи длинную белую с красным накидку, и Сатур, послав жене белоснежную улыбку, отправился в покои своего отца-царя пожелать доброго утра и позавтракать.

Арое тоже следовало бы вставать, взглянуть, что делают служанки, но она лежала и имела на это право – уже месяц ходила непустая! Три года ждали, Ароя боялась: вороват дворцовые жены, завидуют жене великого Сатура. Наконец сжалилась Рея-Мать! Ароя хотела девочку – у мужей жизнь слишком тяжелая, в море, а жены – на твердой земле, за крепкими стенами. Зато мужи плавают по морю и много чудес видят...

Пора вставать. Ароя села на постели, и служанки тут же взялись за неё – и куда основательнее, чем за мужа. Отвели вниз, в ванную комнату, где ожидала наполненная горячей водой расписная ванна, терли губкой, вытирали овечьей шкуркой, умащали маслом, чесали волосы, сооружали причёску, голову покрыли сеткой из стеклянных бус, прикрепленной к тонкому золотому обручу. Поверх тонкого и жесткого льняного платья служанки в несколько слоев наложили пестротканые верхние юбки. Широкие пояса обычно затягивали так, что знатная жена еле вздохнуть могла, но на непустой Арое его затянули лишь слегка.

– Госпожа, – заглянула в ванную маленькая шустрая домоправительница, – тебя жрица дожидается... Из святилища Юкты.

– С чего бы это? – удивилась Ароя. – Жрицы Юкты ни в чем не нуждаются, их снабжает щедрейшая Акакара.

– Жрица хочет с тобой побеседовать. Наедине.

– Хорошо, – сказала Ароя без особенной радости. – Распорядись, чтобы подали завтрак на двоих.

– Этим жрицам, госпожа, не угодишь, – поморщилась домоправительница. – Мяса-рыбы не едят, бобов не кушают, вина не пьют.

– Подай медовые лепешки и финики. Ещё творог. Царица творог есть советует.

– Ах, да, госпожа! – заулыбалась домоправительница и исчезла за дверью.

В просторной приемной, служившей одновременно и пиршественным залом, в расписном кресле дождалась немолодая, но очень здоровая на вид жрица. Как подобает девственной прислужнице Великой Матери, вся в белом, верхняя юбка из белоснежной козьей шкуры, на черных, упругих, без единого седого волоса, кудрях – высокий колпак, увитый каким-то блестящим шнуром.

– Радуйся, прекрасная царевна! – жрица улыбнулась крепкими зубами.

Лицо у нее было круглое, розовое и лоснящееся, как яблоко. И обнаженные груди – как яблоки. Кажется, надави – хрустнет. Жрица слегка наклонила голову, но зад (надо думать, тоже как яблоко) от кресла не оторвала. Значит, из главных.

– Радуйся, служительница Богини, – откликнулась Ароя, усаживаясь в соседнее кресло. – Зачем пожаловала?

– Царевна, дело у меня наисерьезнейшее, можно сказать, ужасное дело. – Гладкое румяное лицо жрицы сделалось важным, даже грозным. – У нас в святилище есть одна жрица, она сновидица. Все, что увидит во сне, сбывается – так ее одарила Всесветящая. В позапрошлую ночь ей приснилась ты, царевна...

Арья всегда старалась быть незаметной, не желая ни похвал, ни порицаний, а оказалось, о ней не только говорят, но и во сне видят!

– И что ей приснилось? – спросила Арья несмело.

Пора было всерьез пугаться. Важная жрица не оставила бы святилище без серьезной причины. Сновидице примерещилось что-то страшное, не иначе.

– Слушай, царевна, слушай! Вот, что она узрела... – У жрицы был великолепный низкий голос. Арья почувствовала, как ее заполняет страх. Как же дитя выживет среди этого страха?..

– Недобрый сон ей привиделся. Она видела тебя, раздетую как невеста, а следом за тобой шел козел...

– Козел? Козел – это к измене! – Арья заставила себя рассмеяться. – Разве я мужу изменяю?

– Захочет Идейская Мать – изменишь! – сурово сказала жрица. – Но козёл – это ещё не все. В руках у тебя была двуострая секира. С неё лилась кровь. Сновидица спросила тебя: «Кого ты убила, царевна?» А ты засмеялась и говоришь: «Никого не убивала, секиру мне дали поддержать...»

– Кто дал? – заморгала глазами пораженная Арья.

– Неизвестно. Сновидица проснулась, не расспросив тебя.

– И что?

– А то, что ты изменишь мужу, и из-за этого прольется кровь.

– Я мужу не изменю!

– Все во власти Великой Богини. Но всё же постарайся не изменять. Для этого я пришла к тебе.

Конечно, знатные жены нередко заводили любовников. Те, у кого нелюбимые, некрасивые, неумные и неласковые мужья. Но кому предпочесть безупречного Сатура?

Арья отшатнулась. Лоснящийся шнур на колпаке жрицы шевельнулся. Это был не шнур, а живая гадюка.

– Ничего, она не кусается, она послушная, – улыбнулась жрица.

Арое тут же расхотелось есть. Зато жрица с аппетитом покушала, выпила полкувшина простокваши, еще раз велела царевне не поддаваться на любовную лесть, поблагодарила за угощение и ушла, покачивая тугими бедрами.

– Я все слышала, – подошла домоправительница. – Не горюй, госпожа. Эти священные девы правдивы только друг с другом. Всем остальным они безбожно лгут. По-моему, её Акакара подслала. Сестру царицы, великолепную Акакару, во дворце называли «священной пчелой». Не потому, что она состояла в коллегии жриц, именуемых Пчелами Богини, а за то, что язык у нее был, как жало.

Ароя задумалась, жаловаться ли мужу на коварство Акакары, но вбежал вестник, и вскоре веселая возбужденная Ароя металась по обширным покоем, отдавая приказания, так что за ней не поспевала шустрая домоправительница. Старший брат приплыл с Мелоса! Он в гавани, к полудню будет в Кноссе! Нужно приготовить спальню для брата, помещения для его людей и еще одну спаленку – для себя. На пиру Сатур непременно допьется до беспамятства – пусть один спит! Следует подумать, какую служанку уложить братцу в постель... Хотя сам выберет... И переодеться, не в будничном же встречать брата!

Любимый братец Тано въехал на просторный двор Кносского дворца на богатой колеснице, запряженной парой гнедых коней. Безумная роскошь. В богатом Кноссе колесницы есть только у царя и царевичей, и, конечно, самая великолепная – у Сатура...

Тано исполнилось двадцать шесть. Волосы на макушке уже слегка переделали... Сатур на шесть лет старше, а кудри грозowymi тучами колыхнутся. Ароя выбежала встречать брата во двор, обняла, завизжала:

– Ой-й-й, приехал милый братец!

Расспросила, как родители, как младшие братишки, похвасталась, что непустая.

– Непустая? О, Всесветящая! – Тано даже растерялся.

– А ты как думал? Давно пора, уже дворцовые жены глядели косо... Откуда колесница?

– Дар дружбы пилосского царя.

– А что вы ахейцам подарили? – спросила Ароя, провожая брата в покои.

– Не помню... Отец дарил... У нас гостит пилосский царевич Писистрат, достойнейший муж, искусный флотоводец.

– Знаю, сын рабыни! Пилосский царь не знает, куда девать побочных царевичей...

– Писистрат – храбрый воин и хорош собой. Он мой ровесник.

– Хватит про Писистрата! Ванна готова.

Когда Тано был вымыт, умащен и причесан, пришел Сатур, с ним царевичи, прочие дворцовые мужи. Началась мужская беседа, тут Ароя дала знак служанкам – пора подавать. Мясо и рыбу жарили в кухонном дворе, от запаха Арою затошнило, она лежала в запасной спальне с крепким заставом, ела маслины и размышляла. Тано уже лысеть начал, а не женат. В Кноссе полно невест. Например, Сапия, попросту Сапи, дочь начальника царских писцов, просто замечательная невеста! Ей всего четырнадцать лет, хорошенькая, читает и пишет, как умелый писец. Начальник писцов рассчитывает пристроить дочку письмоводительницей к царице – это и доход, и почёт! К тому же, Сапи знает по-египетски: ее дедушка-египтянин научил. Вдобавок батюшка – родственник Дакуны, мужа прославленной

Акакары. Сокровище, а не невеста!

Сатур, как всегда, допившись до безумия, ломился в дверь, нежным голосом умоляя Арою открыть. Называл ее белой лилией, ласточкой, летучей рыбкой, жемчужиной. И Ароя впустила его, не потому что ее растрогали пьяные мольбы, а чтобы брат не услышал, как Сатур колобродит. Сатур вел себя достойно – не полез ласкаться, сразу повалился на ложе и заснул. Ароя постояла, усмехнулась и пошла ночевать в свою привычную спальню.

Обычно пьяный Сатур хлопот не причинял. Во дворце нечасто случались большие пиры, а без повода Сатур не напивался. Зато, когда праздники продолжаются по полмесяца – весной, когда из царства мертвых возвращается Адун, божественный возлюбленный Богини, и осенью, когда Адуна оплакивают – по великим праздникам Сатур напивался до буйства, до изумления. Дрался, ломал деревья в саду, лез бороться со священным быками, но Арою никогда не обижал. А вы видели в праздник трезвого дворцового мужа? Да и жены хороши. По праздникам только жрицы трезвы. Лучше быть пьяной, чем жрицей.

Утром, не скрывая улыбки, Ароя наблюдала, как служанки льют на пышнокудрявую голову Сатура холодную воду и поят пивом. Великолепный Сатур, мучимый похмельем, выглядел не смешно, а чуть ли не величественно – как изнемогший в битве герой, «дышащий томно». Сядет, болящую голову на могучие руки уронит...

Когда спровадила кое-как Сатура к царю, пришел Тано.

– Ароя, я не хотел тебе вчера говорить, чтобы не нарушать веселья. Наша матушка заболела. – Похмельный братец горько скривился.

– Ох! – откликнулась Ароя и огорчилась вместе с будущим ребёнком. – А что?

Тано отвечал, помедлив:

– Зимой простудилась и никак не поправится. Все слабеет, слабеет. Хочет тебя видеть.

Ароя даже заскулила от ужаса. Матери было сорок пять лет, опасный возраст. В Кносском дворце женщин старше этого возраста раз-два и обчёлся. Хотя их пользуют искуснейшие египетские врачи. На Мелосе лекари поплоче.

– Мелос недалеко. Сколько дней плыть? Пять-шесть. Почему бы тебе не погостить в родительском доме? Три года тебя не видели. Матушка обрадуется, может, выздоровеет. Поживешь у нас немного, вместе возвращение Адуна отпразднуем, и я тебя обратно отвезу.

Ароя от радости забыла, что мать больна. Погостить в родительском доме! Сказки братикам младшим порассказывать! Все забавы детства припомнить! Как только Сатура уговорить? Сатур согласился так легко, что Ароя втайне обиделась. «Знаю, для чего тебе мой отъезд: похолостяковать

хочешь! Меня, беременную, нельзя любить слишком часто, а тут повод меня спровадить!»

Но обиделась не сильно: знала, что Сатур любит её. Опять заботы – младшим братикам нужно привезти фиников, их на Мелос завозят редко. Каждому следует подарить по красивому кинжалу. Выросли братики за три года! Отцу надо бы выбрать богатую одежду и оружие в золоте. Матери... Матери много чего... И одежду, и пряности заморские, и краски для пряжи, и благовония. И самое главное – хитроумные египетские лекарства! Вспомнила Ароя: у Сапиного дедушки есть египетский лечебник. Толстенный свиток папируса. Сапи говорит, если размотать, выйдет локтей сорок. И там есть про все болезни. «Заодно потолкую насчет жениха», – решила Ароя и после полудня, когда дворец проснулся после дневного сна, отправилась к Сапи.

Отец Сапи, изысканный муж Вадуними, начальник царских писцов, происходил из провинциальной знати, из западнокритского клана Козы, даже произнести неловко. Из этого же клана был и муж всесильной Акакары. Вадуними занимал удобный двухэтажный дом с квадратным двориком. Дом примыкал к дворцу, так что из приемного зала можно было, открыв толстую кедровую дверь, войти в дворцовую канцелярию.

В сопровождении двух служанок Ароя по многочисленным дворцовым коридорам и переходам выбралась в сияющий молодой зеленью дворцовый сад, а потом по огибающей дворец мощёной дороге, предназначенной для священных процессий, направилась к дому начальника писцов.

Привратник кинулся открывать плетеную калитку в невысокой каменной ограде, Ароя вошла во двор, гладко вымощенный и тщательно подметенный. По углам – расписные глиняные кадки с заморскими кустами, качели, в закутке между забором и стеной дома – очаг летней кухни. Сапи и её няня сидели перед домом на солнышке и плели пурпурную бахрому. Увидев Арою, резвая Сапи вскочила, отбросив работу, и застыла с восторженной улыбкой, не смея заговорить первой. Ароя, конечно, подруга, но ей уже девятнадцать лет, она взрослая замужняя женщина, к тому же – жена царевича.

– Здравствуй, Сапи, – улыбнулась Ароя, – как поживаешь?

– Спасибо, благополучно! – Смуглая Сапи разругалась от счастья.

Она по-детски обожала Арою. Наверное, из-за того, что та знала много интересных сказок: и про животных, и про рыб, и про птиц, и про царевен, и даже про богов. Так думала Ароя. На самом деле Сапи любила Арою за то, что ее любил богоравный Сатур.

– Красивая бахрома! – похвалила Ароя.

Сапи радостно вздохнула.

– Госпожа царевна! Пожалуйте в дом! – С крыльца спускалась домопрavitельница, хеттянка с затейливым именем Хулияшухани, но домашние звали ее Цальпа, ибо из этого хеттского города она была родом. Цальпа – женщина немолодая, большую часть жизни проведшая на Крите, почему-то упорно носила безобразную хеттскую одежду: темное мешковатое платье, подпоясанное широким кушаком, высокую расшитую шапочку, надвинутую на самые брови, а поверх шапочки темное же покрывало до самой земли. Что остается от женщины в таком наряде? Один нос! Нос у Цальпы был настоящий хеттский: крупный, горбатый, мясистый. И как господин не запретит Цальпе в таком мешке ходить? Надела бы критское платье, показала бы грудь, талию. Цальпа – женщина статная. И нос не бросался бы так в глаза. Зачем существует одежда, не украшающая, а прячущая тело?

Приемный зал в доме Вадуними был не хуже, чем в покоях Сатура: беленые стены расписаны цветами и птицами, а гипсовый пол – кораллами и рыбами. Богатая мебель пестрела узорами. Арою усадили за стол, служанки принесли вина и сладких пирожков.

Ароя и Сапи взяли расписные кубки, пригубили.

– Незачем барышне пить вино, – еле слышно проворчала из угла Цальпа.

Сапи только насмешливо скосила в ее сторону свои удлинённые чёрные-пречёрные глаза. Погибель дворцовых мужей подрастает – так сказал бы красноречивый дворцовый любезник. Погибель мужей – как глупо! Не мужи от женщин погибают, а жены от мужей. Каждый год кто-нибудь во дворце умирает от родов либо от выкидыша. В городе умирают больше – тех египтяне не лечат. «Такие вот повелительницы мужчин!» – мысленно вздохнула Ароя.

– Сапи, – Ароя наконец-то решила заговорить о деле. – Ты уже видела моего брата?

– Нет ещё.

– Значит, увидишь. Ему пора жениться, я ищу ему невесту. – Ароя посмотрела на Сапи многозначительно.

Сапи в который раз покраснела и чуть не пронесла мимо рта печенье. Всё правильно! Сама Ароя пять лет назад вела себя похоже. Сатур долго жил у ее отца на Мелосе. Ароя видела его каждый день, а каждую ночь – во сне, недостижимо прекрасного, немыслимо могучего. И вдруг он попросился в зятя! Когда Арое сказали, у неё от волнения перестал болеть зуб.

Из спальни спускался дедушка Сути – египтянин. Сапи звала его дедушкой, на самом же деле он доводился ей прадедом. Во всем Кноссе не было мужа старше его – Сути недавно исполнилось семьдесят четыре года. Цальпа помогла старому господину спуститься, больше для почёта. Древний старец Сути двигался легко, не слишком горбился, и волосы у него

были не белые, как молоко, а черные с проседью. Одевался по-критски в пеструю юбку с широким тугим поясом. Узнав, какая печаль у Арои, Сути послал Сапи за лечебником. Сапи ласточкой взлетела по лестнице и вскоре спустилась, обнимая толстый свиток папируса. Прадед и правнучка читали свиток до вечера, но ничего не нашли о простуде. Все сорок локтей папируса были о болезнях ног и переломах.

Ароя глядела на читающую немислимые египетские письма Сапи и сомневалась. Нет, слишком ученая для Тано. Тано таблички и в руки не брал. Возвратившийся из канцелярии изысканный муж Вадуними вывел Арою под портик и подтвердил ее сомнения.

– Тано – царевич, а мы из захолаустного клана Козы, нас с Дакуной в детстве взяли во дворец как почетных заложников, чтобы наши отцы не бунтовали. Вряд ли царь Мелоса захочет худородную невестку...

– Вы не худородные, – возразила Ароя. – Дакуна – чуть ли не первый муж после царя. А наш Мелос после Ферской Тьмы совсем обнищал. И Тано не такой уж богатый жених, одно название что царевич.

– Ну, хорошо... Тано хочет поселиться здесь?

– Нет.

– У меня дочь одна, я её не отпущу. Её муж должен жить в Кноссе. Я хочу найти для нее добросердечного молодого писца из хорошего рода.

Грустно, но верно. Тано не пара Сапи...

Узнав об отъезде Арои, Сапи разволновалась, побледнела даже.

– Ты вернешься? – спросила растерянно.

– Конечно, неужели мужа брошу? – рассмеялась Ароя. Совсем девочка эта Сапи!

Лекарство для матери Ароя все же достала у египтянина, который пользовал царицу. У царицы было много болезней и много лекарств... Но когда еще горы Крита не скрылись за горизонтом, Тано утешил Арою: мать здоровехонька, просто семья очень хочет видеть её, а Тано боялся, что Сатур не отпустит беременную жену, вот и придумал. Кому плохо от этой выдумки?

– Напугал ты меня, безобразник! – облегченно вздохнула Ароя.

– Зато твой Сатур нам не препятствовал.

Плыл Тано на шести кораблях, пять – военных с медными носами, один – для груза и пассажиров: побольше, попузатее, с богато обставленной палубной надстройкой. Для Арои плотными шерстяными занавесками отгородили спальню, где она провела первую за три года ночь вдали от мужа. «Интересно, которую из служанок уложил Сатур в мою постель?» – размышляла Ароя без злости, скорее с интересом. Служанку – не страшно, на то и служанки, чтобы заменять жену, если погостить к родным уедет или

паломницей, в святилище знаменитое. Беда, что все дворцовые жёны мечтают насладиться изощрённым в любви Сатуром! Сколько одиноких ночей провела Ароя за эти три года? Совсем немного, иногда после пира отвергала пьяного мужа, иногда Сатуру приходилось ночевать в гавани... Длительных походов не приключалось.

Корабль покачивало, как колыбель, в окна задувал холодный морской ветер, и заглядывали звезды. Ароя лежала, хорошенько закутавшись в овечьи шкуры, в животе дремал младенец, и ласки мужа были совершенно излишни. От чрезмерных ласк выкидыши бывают. А от выкидышей – смерть.

Плавание вышло на редкость счастливое. Небо было ясное, ветер – попутный, несколько раз на горизонте появлялись корабли – торговые, с островов. Тано с гордостью объяснил, что пираты в этих местах повывелись – боятся писистратова флота. Писистрат – великий герой! И брат принимался рассуждать, насколько союз с могучим Пилосом выгоднее союза с бессильным Критом, которого боятся только по старой памяти. И Ароя не возражала, потому что как жена флотоводца знала, что военных кораблей у Крита мало, людей не хватает. Пришла 20 лет назад Ферская Тьма и 20 лет не могут вернуть бывшее могущество. Дворец и тот не восстановили полностью. Дворцовые дети играют в разрушенных помещениях в прятки.

Только эти разговоры огорчали Арою в плавании. Когда брат говорил о другом или молчал, Ароя была совершенно счастлива. В конце плавания Ароя поймала себя на кощунственной мысли. Она счастлива, потому что... рядом нет любимого!

Да, любимый далеко, и не надо волноваться, что он вернется из гавани, налюбовавшись на жалкий флот, мрачнее Ферской Тьмы. В дурном расположении духа Сатур никогда не оскорблял жену, а руку поднять – упаси Богиня! В печали Сатур принимался жалеть Арою и горевать, что с ней будет, если Крит захватят ахейцы. Пленнице Арое придется ткать для ахейской госпожи, носить для нее воду и улаживать в постели господина. Когда Ароя забеременела, к цветистым сатуровым рассказам прибавились ужасные подробности, как бородатые ахейцы скинут с крыши будущего сына Царского Быка, а если родится дочь, быть ей ахейской наложницей. Ароя не понимала: зачем губить своего ребенка прежде ахейцев? От таких рассказов запросто скинуть можно!

Были и другие приятности – не нужно было ежедневно справляться о здоровье нестарой, но квелей царицы и выслушивать язвительные речи её великолепной сестрицы Акакары. На шестой день, к вечеру, Ароя узрела наконец причудливые скалы Мелоса. Открылась гавань – полная, как верша рыбой, ахейских узких военных кораблей. Вскоре корабли Тано гусь-

ком плыли между двумя рядами ахейских кораблей, и медные носы зловеще поднимались слева и справа. Бородатые ахейцы вопили по-своему, лезли на мачты, колотили мечами в щиты, приветствуя счастливо возвратившегося мелосского царевича и его сестру. Ароя стояла на палубе рядом с Тано и вздрагивала от особенно громких приветствий. Тано передал Арою в лодку. А на берегу – батюшка, матушка, трое братиков семи, десяти и двенадцати годков. Старшенький уже в башмаках с гетрами, с кинжалом, ну прямо жених! Естественно, толпа народу: такое трогательное событие – царевна погостить приехала! Всю землю весенними цветами забросали...

Ароя переобнималась-перецеловалась со всеми, поздоровалась с пресловутым Писистратом – он в числе прочих прибыл её встречать. Ахеец как ахеец, рыжеватый, борода подстрижена, роста среднего, в белой ахейской рубахе до колен, золотые браслеты да меч богатый – вот и вся роскошь. Защитник Мелоса. Союзник!

Арою вместе с матерью усадили в носилки и понесли к дворцу. Тано с Писистратом на своих колесницах умчались вперед.

– Я беременна, – первое, что сказала Ароя матушке, оказавшись с ней наедине в своей спальне. – Уже месяц!

– Ой! – ответила мать, скорее испуганно, чем радостно. – Ну, постаралась!

– Пора! Три года ждали!

– Пора так пора, – вздохнула матушка. – Только смотри, никому не говори, отцу я скажу, а ты молчи. Ахейцы сглазят!

Ароя подумала, что глазливее Акакары, наверное, нет никого, но послушалась и даже своей старой няне ничего не сказала. Ночь проспала в своей девичьей постели – просто замечательно!

– Примерь-ка платьице, госпожа! – Утром няня вошла в спальню, откинула крышку кипарисового сундука, достала нарядное красное с синими полосами платье тонкой пушистой шерсти. – Прохладно, изволь тепло одеться.

– Откуда платье? – удивилась Ароя. – Я своих привезла три сундука!

– Подарок Писистрата, госпожа.

– Выдумал! Замужней женщине платье дарить! – поджала губы Ароя, но послушно полезла в платье, распыленное на руках няни.

– Писистрат всем дары привёз, – объяснила няня. – А как платье-то сидит! И золотые бляшки по подолу! Царица ждет тебя к завтраку. А отец твой, Тано и Писистрат в гавань поехали. Важного гостя встречать – старшего пилосского царевича. Нынешний царь умрёт – ему править Пилосом!

В приемном зале было пусто и тихо. В углу за небольшим столом ца-

рица-матушка ела белые лепешки с медом, запивая простоквашей. Служанки пододвинули еще один стул для Арои.

– Ну, Ароюшка, как спалось в родительском доме? – спросила мать.

– Слаще не бывает!

– Нет у нас критской роскоши, – продолжала царица. – Кстати, Писистрат пару золотых ваз подарил... Да росписи на стенах подновили. – Царица кивком указала позади себя на стену, расписанную голубыми летучими рыбами и прочими морскими красотами.

– Хорошо подновили роспись, как новая! – обрадовалась Ароя. – Наш дворец поменьше Кносского, но что до изысканности...

– Не хуже, говоришь? – Царица приосанилась на своем стуле. – И на море спокойно. Так хорошо, будто Тьмы не было... А вокруг Крита, говорят, так и кружат разбойники... Так?

– Так, – сказала Ароя. – Кружат, но наши их отгоняют.

– А как твой царевич?

– Сатур меня любит, – правдиво ответила Ароя.

– Любит... – мать вздохнула зачем-то. – Но там есть... другие...

Другие! Достаточно одной Акакары, чтобы отбить охоту сидеть в царичьих покоях.

Ароя промолчала, но лицо, видимо, говорило само.

– Ароюшка, скажи мне, хотела бы ты жить с мужем в родительском доме?

– А как это возможно? – спросила Ароя с досадой.

– А вот так возможно, – начала царица, избегая смотреть дочери в глаза.

– По обычаю ты как единственная дочь не должна покидать нас. Сатур обаян был остаться в доме жены, но он как сильнейший забрал тебя на Крит. А Писистрат хочет поселиться у нас. Прекрасный жених для тебя. Молодой, добросердечный, храбрый. В 26 лет командует флотом и несколько побед одержал!

– Что? – Ароя подпрыгнула на стуле. – Жених? Для меня?

Две служанки пододвинулись поближе – на случай, если царевна упадет в обморок.

– Ароюшка, Ароюшка, – пригорюнилась мать, – разве я виновата, что нет у меня другой дочери! Увидишь, какой Писистрат добродетельный! Он уже внес за тебя выкуп, понимаешь! Нам очень нужен союз с Пилосом! Голову даю на отсечение, он не хуже твоего Сатура!

Надо же – рыжий бородатый сын рабыни не хуже богоподобного Сатура! Вот каковы «дары дружбы»!

– Значит, Тано меня обманом выкрал? Выманил?!

– А что ему оставалось? Мы обещали...

– А если я скажу, что не хочу Писистрата в мужа? – у Арои было такое лицо, что мать испуганно приподнялась со стула.

– Ты поговори с ним сначала. Зачем сразу отвергать... Он герой. Ты не вернешься на Крит, пойми, Ароюшка! – залепетала царица.

– Меня украли, как... как дуру!

Ароя зарыдала и, сорвав с головы ленту и нити жемчуга, стала биться о стену, расписанную летучими рыбами.

– Прекрати, – сказала мать сурово, – ты непустая.

И Ароя немедленно затихла. В самом деле, непустая. И спросила:

– А как же дитя?

– Писистрат не знает. Знаю я, отец, Тано и вот эти две служанки, в которых я уверена. Свадьбу устроим поскорей. А дети часто рождаются раньше срока. Тебя я не доносила, и Тано – недоносок, и ничего, все выжили! Если хочешь знать, Писистрат, увидев тебя, пришел в восторг.

Какое дело Арое до восторгов рабьего сына, если любимый Сатур будет ждать и не дождется! Какой удар нанесен ему! Зачем Сатур отпустил! Погулять ему захотелось, и попал муженёк в ловушку, как прекрасный дикий бык в крепко сплетённую сеть! Нет, это Ароя попала в сеть, а все скажут: Ароя – предательница, Ароя коварная, Ароя – развратница. А уж как Ака-кара порезвится! Ей хотелось умереть. Около получаса она серьезно размышляла, как... Потом думать перестала, просто плакала. И мать плакала. Надежные служанки вздыхали. Выплакавшись, мать и дочь вдвоем отправились смотреть работы. Ожидалось много гостей.

На скотном дворе работники в заляпанных кровью овчинных набедренниках резали баранов, на кухонном дворе жарили на вертелах мясо и рыбу. В пекарне пахло свежее испеченным хлебом, и Ароя подивилась, как много во дворце хлеба – и ячменного, и пшеничного. И это весной! Раньше весной хлеб во дворце берегли, а простолюдины и вовсе питались рыбой, ракушками и молодой зеленью. «Ничего удивительного, – объяснила мать, – хлеб везут из Азии и Египта. На острове в прошлом году хорошо уродились маслины и виноград, обсидиан хорошо покупают, есть, чем за хлеб платить. А главное, разбойники из наших вод убрались: боятся писистратова флота». Ароя слушала похвалы Писистрату и вертела в руках сорванный в саду пестрый желто-пурпурный ирис. «Если заметила цветок и сорвала – значит, не так уж мне и плохо», – внезапно подумала Ароя.

Почетный гость, старший сын пилосского царя был увешан золотом так, что если бросить его в море, – не выплывет. Он брил по критскому обычаю бороду и хорошо владел языком Киклад. Первое приветствие адресовал царице, следующее царю, Арою же назвал любезной будущей невесткой. И подарок вручил: золотой чеканный обруч на голову и пурпурное платье в золотых бляшках. Тяжелое.

Ароя благодарила, показывала гостю дворец и отведенные ему и свите покои, присматривала за подготовкой к пиру, на пиру поднесла чашу сначала гостю, потом отцу, потом Тано, затем – ЖЕНИХУ! И пела заздравную песню. Мать велела нарядиться по-девичьи, в белое платье, и напялить веночек из ирисов – смешно и ужасно!

Писистрат смотрел на нее ласково. Ароя еще не успела с ним поговорить, но заметила, что улыбается он гораздо чаще, чем Сатур, и глаза веселые. Хотя подгуляли глазки – небольшие, серенькие. У Сатура же глаза огромные, черные, бездонные, как ночное море, то печальные, то грозные.

Она вспомнила, что с утра ничего не ела, взяла с блюда жареную рыбку и жадно съела, запивая вином. Быстро захмелела и начала посылать кокетливые взгляды сидящему в противоположном конце зала Писистрату. Мужчины и женщины пировали за разными столами в противоположных углах. Мать, пригорюнившись, смотрела, как резвится пьяная Ароя. А пьяная Ароя размышляла, каково целоваться с бородатым мужчиной, и вспоминала тот пятилетний давности пир, устроенный по случаю приезда критского царевича, прекрасного Сатура. Сатур восседал за столом по левую руку от батюшки, в густейших кудрях при свете масляных плошек поблескивали золотые украшения, как звезды в тучах. Длинные, на вид нежные, но сильные пальцы изящно держали кубок, огромные печальные глаза мерцали. Долго любоваться блистательным Сатуром Арое тогда не дали. Съела куропатку, выпила четверть кубка вина, протанцевала с подругами перед гостем и была уведена няней спать. Долго не могла заснуть – вспоминала точно изваянную из золота руку Сатура, огненные глаза, волосы, выходящие, как священные змеи. Наутро служанки, хихикая, рассказали Арое, как знатный гость, упившись, бесился. Сделался слезливый и, рыдая, цветисто описывал, как пронзит ему горло медное жало ахейского копья, и могучее тело станет пищей рыбам, а душа чайкой воспарит над соленым морем, и подымет плат любезная мать и её священные девы-жрицы, и возрыдает царь-отец – а больше никто в пышно устроенном Кноссе его не пожалеет. Сатур был незаконным сыном критского царя. Родила его прекрасная провинциальная жрица, на которой царь чуть не женился, родня еле отговорила. Но сына царь в четырёхлетнем возрасте забрал во дворец и обожал! Дальше пьяный Сатур стремительно повеселел, потребовал еще вина, да не в кубке. Велел принести ванну и наполнить ее вином. Приказ критского царевича немедленно выполнили. Слуги приволокли огромную ванну царицы, когда её наполнили до краев, хохочущий Сатур залез в неё одетый и «плавал», и «нырял», пока его не вырвало в ту же ванну.

– Сколько вина испортил! – веселились служанки.

Ароя им не поверила. Тогда, в четырнадцать лет, она знала, что женщины – и простые, и знатные – обожают порочить прекрасных мужчин, если понимают, что те на них никогда не взглянут. Целый день искала она тогда

Сатура по дворцу и садам, но нешла. Сатур отсыпался. На следующий день он был, как обычно, прекрасен и рассудителен. В конце концов, ничего страшного: буен во хмелю, так ведь и в бою, как ураган!

В этот раз взрослая пьяная Ароя могла сидеть до конца пиршества. Хмель не помешал ей заметить, что Писистрат ушел с пирса трезвый. Может, раскраснелся слегка, так при светильниках не видно.

Утром царица пряла в саду в обществе своих сестер и теток и наблюдала, как Писистрат учит Ароюшку править колесницей. Все знатные ахейки правят. Дворец мелосского царя, как и критские дворцы, опоясывала гладко вымощенная дорога процессий, по ней и возил Писистрат невесту в красивой, но тряской колеснице, а кто видел нетряскую?

Ароя должна была ровно стоять, держа поводья и стрекало, а Писистрат водил коней под уздцы. Круг за кругом. Каждый раз, провозя колесницу с Ароей мимо царицы, Писистрат улыбался будущей теще. Бедной Ароюшке было не до улыбок, не упасть бы. А если упадет? Время-то самое опасное – второй месяц едва пошел!

Будь Ароя юной девушкой, мать ни за что бы не позволила ей гулять с женихом без присмотра. Но сейчас Ароя вроде как вдовушка, сама себе голова. На островах женщин сроду не запирали. Убедившись, что Ароя стоит крепко, Писистрат отпустил лошадей, Ароя правила сама, повизгивая:

– Ой, боюсь!

– Ничего, – утешал Писистрат. – Я сам недавно научился. У меня долго не было колесницы, и я боялся лошадей.

Ароя утешения слушала, но ойкала при каждом толчке. Когда она проезжала мимо матери, царица старалась не смотреть и незаметно утирала слезы. Жестоко поступили с Ароей! Оторвали беременную от любимого мужа, и вот с риском для жизни своей и ребенка она изображает резвую юницу! Что поделаешь, если нет других невест. Есть жених – Тано, так в Пилосе свободных царевен не оказалось, одни худородные девицы. Царь Эхефрон Пилосский велел передать свои слова: «Даю вам царевича Писистрата в зятя, если есть для него достойная невеста». Когда сам царь пилосский предлагает союз, вынь да положь невесту, хоть с супружеского ложа сорви! Ах, благодетельные богини! А еще говорят, что мужчины страдают от женщин...

Последние два круга Ароя проехала уже без визга.

– Будешь править не хуже моих сестер! – ободрил Писистрат. – А Сатур разве не учил тебя править? У него, я знаю, есть колесница.

Сатур пытался как-то научить Арою править, но едва лошади хорошенько дёрнули колесницу с места, Ароя закричала, подбежавший Сатур схватил лошадей под уздцы, снял Арою с колесницы, сказав, что учиться

ей незачем. Ароя и не просила, кносские жены предпочитали носилки.

Услышав, как равнодушно Писистрат говорит о Сатуре, точно о каком-то её дальнем родственнике, Ароя от удивления чуть не свалилась напоследок с колесницы. Вернулась в свои покои Ароя уже целованная. И такая веселая – даже забыла, что непустая! Там, на Крите, ее трясло от слова «ахейцы», а теперь она совсем не боится бородатого Писистрата! Он такой простой. Прекрасный Сатур казался Арое богом, бога нельзя не бояться. От первого сатурова божественного поцелуя Ароя, помнится, чуть в обморок не упала. А хорошо любить смертного!

Вот тебе и сон про козла! Писистрат небось радуется – у самого грозного Царского Быка похитил красавицу-жену! Похитил чужими руками, да и красавица так себе. Такая же, какой Писистрат красавец.

Рыдайте, девы критские, бейте себя в белую грудь! Коварная Ароя покинула несчастного Сатура, в самое сердце его поразила. Рыдайте вместе с Сатуром! Радуйтесь – он ваш!..

Магия и реальность

Говорят, что профессия влияет на личность. Говорят, что у психиатров не всё в порядке с головой. Вступлюсь за психиатров. Во-первых, следует понимать, что их профессиональный и житейский опыт дополняют друга и помогают улавливать в собеседнике чувства и мысли, о которых сам собеседник не догадывается или пытается слухавить. Во-вторых, я и сам испытывал неловкость, когда невольно уличал, даже приятелей, в неискренности. Так создаётся впечатление о недоразумениях и странностях психиатров. В данном эссе я, со своим сорокалетним стажем клинического психиатра, не намерен доказывать проницательность психиатров. Мне хочется рассказать о нескольких случаях, пережитых мной, представляющих «сумасшедший» интерес.

1. Однажды я, начинающий психиатр, зашёл в ординаторскую перекусить и выпить чашку киселя. За столом сидела пожилая старшая медицинская сестра Селезнёва с бутербродом. После нескольких не очень значительных слов разговор переключился на неожиданную тему. Медсестра без каких-либо эмоций, как о чём-то обыденном и давно пережитом, рассказала семейную историю.

Дело было во время Первой Мировой войны. Однажды ночью она с ужасом увидела во сне своего отца, выскочившего из окопа, взмахнувшего руками и свалившегося вниз. Через десять дней семья получила письмо от приятеля отца, в котором подробно был описан случай гибели отца. Линия фронта проходила в двадцати километрах от их села. Через месяц дочь с матерью съездили к тому месту. Дочь не только узнала это место, но и увидела бревно, свалившееся на отца и описанное в письме. Могилы не было, хотя его закопали явно поблизости. На краю окопа валялась лопата...

Рассказ был обыденным, и я соответственно отнёсся к нему.

2. Когда я уже работал в психоневрологическом диспансере, ко мне обратилась девушка, моя пациентка Дина, больная эпилепсией в состоянии истерической депрессии. Со страхом и слезами она пожаловалась на необъяснимые, пугающие её предчувствия. Так, увидев во дворе мальчика с велосипедом, она вздрогнула и крикнула ему, чтобы он не смел кататься завтра. На следующий день мальчишка попал под мотоцикл, и его госпитализировали. Три дня назад она встретила глазами с проходящим мимо пожилым соседом, и её вновь охватила тревога. На следующий день сосед умер. С тех пор Дина стала бояться смотреть на окружающих, опасаясь за них. Сегодняшний визит был связан с тем, что утром бабушка

собралась в магазин, и Дина, снова испытывая страх, крикнула ей, чтобы она не трогала дверную скобу. Бабушка не послушалась и была госпитализирована со сломанной рукой.

3. В том же диспансере однажды, в конце рабочего дня, в кабинет заглянул мужчина средних лет, неопрятно одетый, в заношенной телогрейке и что-то пробормотал. Я сказал ему, чтобы он пришёл в другой день, так как диспансер закрывается. Однако он не уходил и протягивал мне какую-то бумажку. Его жалкий вид и умоляющий взгляд подкупили меня, и я подошёл к нему. На бумажке было коряво написано: «мне нужен только рецепт». Я понял, что он глухонемой, и уговорил в регистратуре дать мне его амбулаторную карту. Он подошёл к столу и положил передо мной новую записку: «Я обладаю белой и чёрной магией». Такого я не ожидал и незаметно отодвинулся подальше: за таким заявлением могло последовать непредсказуемое поведение психически больного. Овладев собой, я заглянул в его амбулаторную карту, в которой были очень короткие записи: диспансер посещает один раз в год, жалуется на головные боли, получает курс внутривенных инъекций глюкозы или хлористого кальция. Никаких анамнестических сведений, описаний психического состояния – чисто формальные, непрофессиональные записи врачей... Подумалось: как можно в течение нескольких лет не углубиться и не поинтересоваться душой пациента!?

Я спокойно спросил его: «В чём выражается твоя магия?» Он встал и полез в карман тужурки. Я снова насторожился. Уже не обращая внимания на меня, он вытащил пачку папирос и положил на стол так, что мне были видны папиросы в отверстии пачки. Отойдя на пару шагов, помассировал ладонями глаза и стал делать движения руками, как бы выманивая папиросы из пачки. Было видно, насколько он сосредоточен. Через несколько секунд я заметил, как шевельнулась пара папирос, и одна из них стала выдвигаться наружу лёгкими толчками. Когда папироса вылезла из пачки, мой пациент явно расслабился, подошёл к столу, естественным движением засунул папиросу в пачку, с любопытством посмотрел на меня и присел к столу. Крайне озадаченный увиденным, я спросил его, может ли он повторить такое в присутствии постороннего? Получив согласие, я пригласил коллегу (доктора Льва Журавлёва) из соседнего кабинета и в процессе эксперимента как бы случайно прошёл между пациентом и сигаретами. Всё повторилось без малейшей задоринки. Коллега всё это время сидел с открытым ртом. С тех пор мы не касались этого случая. Возможно, Лев решил, что я его хитро разыграл.

4. В 1964 г. мы с супругой посетили в зале Дома Офицеров Новосибирска выступление Вольфа Мессинга, демонстрировавшего способность находить спрятанные в зале предметы, держась за руку спрятавшего. По

окончании выступления мы остановились у выхода без какого-то намерения. Вскоре мы увидели Мессинга, выходящего с женой из дворца. Я спонтанно подошёл к ним. Так же спонтанно между нами завязался приветливый разговор, несмотря на мою стеснительность. Вольф предложил проводить их до гостиницы. С тех пор мы продолжали встречаться, как в гостинице, так и у нас дома. В дальнейшем мы продолжали переписываться.

Общение с ним было лёгким и приятным, даже когда у меня невольно возникало чувство, что у него проявляются лёгкие признаки когнитивных нарушений. Это чувство вызывало стеснительность: мне казалось, что он управляет мои мысли, но он, улыбаясь, не обращал внимания на такие ситуации.

В одной из бесед он с горечью жаловался на свою способность предвидеть трагические события. Он говорил, что многократно обследовался в лучших клиниках и у известных специалистов, но всё оставалось необъяснимым. Мне он писал: «Вы молодой психиатр, возможно, Вам удастся найти объяснение». Я отреагировал: «Через десять лет Вы сами откроете эту тайну». Он внимательно посмотрел на меня и промолвил: «Тогда меня уже не будет...» Беседа состоялась 8.11.1964 г. Он умер 8.11.1974 г.

В том далёком 1964 году он подарил мне свою афишу с посвящением на идиш: «Человеку с умным сердцем». Этот сувенир я храню до сих пор, тщетно ожидая своего прозрения. Иногда мне казалось, что я близок к ответу, но сомнения одолевали надежду.

5. Однажды в новогоднюю полночь я шёл по проспекту возле медицинского института и обратил внимание на необычное свечение неба. Подняв голову, я увидел среди облаков продольно растянутый светящийся объект с рядом продольных тёмных пятен. Типичная летающая тарелка. Висит не шелохнувшись. Я замер. Вокруг меня стояли деревья и кусты, густо покрытые инеем. Тишина. Ни машин, ни прохожих. Спят прозрачные облака...

Через несколько секунд тарелка внезапно сорвалась с места и ринулась вертикально вверх. Беззвучно, без огня и дыма, пронизывая своим светом облака, молниеносно исчезла в чёрной глубине неба. При этом самым удивительным было не столько отсутствие атмосферной реакции, сколько моя собственная реакция: тогда я совершенно не смог вспомнить, откуда и куда я шёл, а позже был не в состоянии вспомнить, в каком году я наблюдал этот случай. Зато я чётко и ярко запомнил место (рядом с мединститутом), где находился, и всё непосредственно видимое, включая иней.

6. Следующий случай нуждается в небольшом предисловии.

В 20-х годах прошлого столетия замечательный учёный, биолог Л. Л. Васильев заинтересовался основными направлениями исследова-

ний, относящихся к выявлению физической природы передачи мысленного внушения на большие расстояния. Лаборатория основывалась на строгих научных принципах, эксперименты постепенно усложнялись. Васильев создал учение о трехфазной волновой реакции биосистем на экстремальное воздействие, в том числе на воздействие при многокилометровых расстояниях (парабиоз, 1925–1937), позже описанной Г. Селье (1936) и получившей всемирную известность под названием стресс. Первые опыты в области исследования стресса были сделаны Л. Л. Васильевым совместно с проф. К. П. Краузе на 13 лет раньше Г. Селье. В книге, посвященной научному истолкованию так называемых «таинственных явлений» человеческой психики, авторы сосредоточились на удивительных явлениях, связанных с гипнотическим внушением. Вскоре Васильев разработал метод лечения аэроионами. Открыл первую в России лабораторию парапсихологии в Ленинградском университете, был президентом Ленинградского общества естествоиспытателей.

На эти исследования обратили внимание в КГБ. Лаборатория была сформирована, а сотрудникам пришлось искать новые места работы. Один из учёных, биолог Сергей Владимирович Сперанский устроился научным сотрудником Новосибирского Института Санитарии и Гигиены. Широкообразованный, хранивший в памяти жизнь и творчество поэтов, запрещённых советской цензурой, он в свободное от работы время устраивал лекции и чтения стихов. Мы вскоре познакомились и подружились с ним.

В тот период я готовился к защите диссертации, но кто-то донёс в секретный отдел института, что после защиты я намерен эмигрировать в Израиль. Последовали разбирательства, вмешались сотрудники КГБ. Оппоненты один за другим стали отказываться от участия в защите. По совету одного из учёных я обратился к Сперанскому, который согласился дать ответ через два дня (до дня защиты оставалось четыре дня). Согласие Сергея и положительный отзыв я получил утром через три дня. Повторно была назначена защита в Московском Институте Медико-биологических наук, и прошла успешно. Сперанский победил Комитет Государственной Безопасности! Он рисковал больше меня. Никогда не забуду!

Мы с ним продолжали общаться, но, как, собственно, и докладывал докладчик, в 1981 году мы с семьёй уехали в Израиль. А Сергей Владимирович продолжал научную деятельность, в том числе исследовал экстрасенсорные психобиологические связи на больших расстояниях. Он издал несколько монографий и сотни статей на эту тему, стал член-корреспондентом Международной Академии Энергоинформационных Наук. Среди многих экспериментов, признанных достоверными, приведу два. Разделив несколько десятков белых мышей на две части, учёный поместил половину в подвале института, а вторую половину на пятом этаже соседнего здания. Условия содержания были одинаковыми. Через несколько дней, когда

мыши обжились и организовались в свои семейные группы, экспериментатор в подвале начал их травмировать. Экспериментатор на пятом этаже в то же время фиксировал поведение мышей. Мыши забеспокоились, изменилась функция надпочечников, увеличилось количество адреналина. Связь на таком расстоянии была бесспорной. Подобные опыты на дистанции Новосибирск–Москва подтвердили эту реальность. Очевидно, связь индивидуальных информационных полей с единым информационным полем не только существует, но и взаимодействует с нами. Масса самых разнообразных примеров экстрасенсорики, телепатии, квантовой физики и прочих пси-феноменов, представлена в книге Сперанского «Да, скоро!» (Новосибирск, Изд-во «Ли Вест», 2004).

Лет через десять я съездил в Коми почтить память репрессированного отца. Тогда в Новосибирске мы встретились с Сергеем. Распили бутылочку коньяка, вспомнили прошлые времена. Обсудили его теперешнюю работу и разъехались, по-видимому, навсегда. Он в Россию, я в Израиль...

Не могу не похвастаться его автографом на подаренной мне книге: «Психиатру, поэту, прозаику, художнику, скульптору, автору самой интересной диссертации, которую когда-либо читал. 26.12.06».

Теперь вернёмся к теме пережитых мной чудес. Вот еще случай, возможно, – последний.

7. После репатриации в Израиль я побывал на выступлении экстрасенса Рони Маркуса. Среди его «фокусов» были не только знакомые изгибания и поломки металлических вилок и ложек, но и более сложные проделки: он исполнял просьбы, записанные на спрятанных клочках бумаги кем-либо из присутствующих, находил спрятанные предметы без телесного контакта. Воспользовавшись случаем, я незаметно опустошил коробку спичек, положил в неё стандартную белую таблетку с риской для перелома, закрыл коробку, положил на стоящий рядом стол и попросил назвать содержимое. Рони, не прикасаясь к коробке, сказал, что в ней находится таблетка с риской в диагональном положении. Осторожно открыв коробку, я увидел таблетку. Он ошибся только в названии (таблетка была названа иначе), но риска лежала диагонально.

По окончании выступления я спросил его, может ли он управлять машиной с закрытыми глазами? Его ответ озадачил меня: в то время я только-что купил новый «Форд», и рисковать было страшновато. Рискнул. Он сел за руль, я тщательно обмотал его голову плотным чёрным шарфом, сел рядом, супруга села сзади.

В десять часов вечера горели уличные фонари, сновали прохожие, на узких улочках Хадеры было полно машин. Мы тронулись с места. Рони ехал не торопясь, но лавировал на дороге и, по необходимости тормозя, давал проехать лихачам. Проехав квартал, он остановился и снял с головы шарф. Было уже поздно, и я отвёз его в Тель-Авив. Говорили мало:

дорога отнимала внимание. Больше мы не встречались.

Мистика... Реальность... Фокусы... Шарлатанство... Не заблуждаемся ли мы среди всех этих чудес? Как отличить семена от плевел? А не попробовать ли учёным навести в этот порядок? Или так и будем продолжать презрительно отмахиваться от непознанного? А вдруг в навозе алмаз? Быть может, добравшись до Искусственного Интеллекта, нам кажется, что мы достигли вершины познания?

Что мы знаем о квантовом подсознании, связанном с глобальной информационной системой Вселенной? Что мы знаем о различии между животной лингвистикой и квантовым языком Мирового Сознания, где нет пространства и времени? Не являются ли привидения и «летающие тарелки» квантовыми сущностями Единой Вселенной? Что мы знаем о слабых и сильных барьерах между информационными полями элементарных частиц ДНК и общим информационным полем Вселенной? Нельзя ли предположить, что при ослаблении барьера подсознательной информации облегчается коммуникация внутри глобальной информационной системы.

Возможно, квантовая теория вскоре устареет. Не знаю, что ответил бы Мессинг на поставленные вопросы, но думаю, что продолжать искать ответы необходимо.

Загадка Спруса

Еще в школе я приобрел 6 томов энциклопедии «Жизнь растений», откуда узнал, что к голосеменным относится лишь два вида паразитов...

Поскольку далеко не всем известно, **кто такие голосеменные**, в отличие, скажем, от мхов или папоротников, которые, кстати, семенами не размножаются, расскажу об этой группе.

К семенным растениям относятся два отдела (типа) – голосеменные и покрытосеменные (или цветковые), отличающиеся друг от друга примерно как акулы от костных рыб или земноводные от пресмыкающихся.

У наиболее знакомых читателю голосеменных – хвойных – зрелые семена скрыты в шишках, а у некоторых цветковых, например, у подсолнечника и злаковых, плоды выглядят как голые семена. Не случайно великий Линней отнес к голосеменным то, что ныне относят к покрытосеменным.

Главное отличие голосеменных от покрытосеменных заключается в том, что у них пыльца оседает на отверстие в оболочке незрелого семени, тогда как у цветковых семена изначально скрыты в плоде, а пыльца попадает на рыльце, которое увеличивает поверхность контакта с пыльцой, не говоря о прочих приспособлениях, сделавших покрытосеменные, они же цветковые, буквально процветающей группой растений.

Более древние голосеменные подразделяются на несколько хорошо различимых классов.

К хвойным относят две близкие группы. У одной из них зрелые семена скрыты в шишках. Это сосны, кипарисы, араукарии и их родственники. Во второй же группе семя не скрыто в шишке и отсутствует смола. Из них наиболее известны тисс и тропический ногоплодник, или подокарп (рис. 1).

Листья же в обеих этих группах приобрели игловидную форму независимо друг от друга. Так что их объединение представляется искусственным.

Ко второй группе принадлежит и паразитический кустарник *Parasitaxus usta* (в переводе – паразитический тисс опаленный). Произрастает он в Новой Каледонии. Был открыт в 1862, а повторно обнаружен лишь в 1979 году.

Ближайшим родственником т. н. хвойных является знаменитый гинкго (рис. 2):

Рис. 1. Подокарп крупнолистный (*Podocarpus macrophyllus*), родом из тропической Азии, Мадридский ботанический сад

Рис. 2. Гинкго двулопастный (*Ginkgo biloba*) в осеннем уборе, королевский парк Эль-Ретиро, Мадрид.

Из-за внешнего сходства с пальмами менее известны процветавшие в эпоху динозавров саговниковые, родственные папоротникам.

Только женское растение рода саговник (*Cycas*) несет крону видоизменённых листьев, несущих семена. Казалось бы, крупные семена саговника нуждаются в питании, т. е., в зеленых листьях, но у материнского растения они укорочены и лишены хлорофилла. Вероятно, зародыши отравляют их своими выделениями. Налицо борьба поколений.

У других же саговниковых образуются шишки (у мужских растений – сежки) до метра длиной (рис. 3, 4).

Рис. 3. Саговник поникающий (*Cycas revoluta*), женское растение, украшение субтропических и тропических садов, Израиль. Кроны вегетативных и семяночных листьев.

Рис. 4. Мужское растение того же вида. Исключительный экземпляр того же вида.

Наконец, к голосеменным относится класс гнетопсид, состоящий из трех родов. Его характеризуют членистые стебли с парой зачаточных или развитых листьев на каждом узле, вырост оболочки семени, напоминающий пестик, и пр.

В субтропиках и в теплых умеренных областях обычна эфедра, чьи малозаметные линейные листья быстро опадают, а их функцию берет на себя стебель (рис. 5).

Еще один род, состоящий из одного вида, вельвичия удивительная, растет в пустыне Намиб в Африке. Растет она вниз, с помощью вытягивающих корней; на поверхности остается пенек с женскими и мужскими шишками и парой ремневидных листьев, растущих всю жизнь, длящуюся столетия. С возрастом они отмирают на концах и рвутся вдоль жилок. С их помощью растения поглощают влагу из туманов, приходящих из Индийского океана (рис. 6).

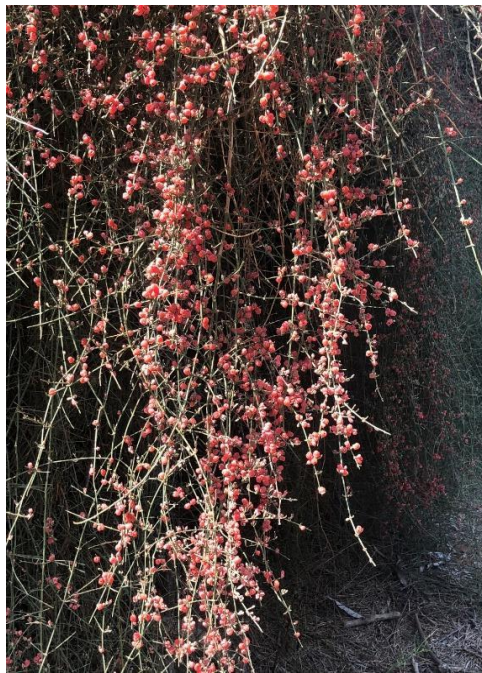

Рис. 5. Лазающая эфедра (*Ephedra campylopoda*), Израиль

Рис. 6. Вельвичия удивительная (*Welwitschia mirabilis*), молодые экземпляры, Тель-Авивский ботанический сад, фото Ротем Шалом.

Третьим, наиболее скромным представителем голосеменных является гнетум, два вида которого произрастают в Африке и десятки – в тропиче-

ской Азии и Америке. Только два азиатских вида представляют собой низкие деревья. Прочие растут как лианы, нередко поднимающиеся на кроны высочайших деревьев. Листья их цельные, напоминающие лавр или фикус. Семена, покрытые мягкой оболочкой, красного цвета, располагаются в гроздьях.

Согласно «Жизни растений» к этому роду относится еще один паразит, гнетум трехжилковый (*Gnetum trinerve*). В «Жизни растений» паразитаксусу посвящена статья с черно-белой иллюстрацией, а гнетуму трехжилковому – несколько строк.

Впоследствии, желая узнать об этих растениях больше, я обратился к интернету. Информация о паразитаксусе оказалась обильной, включая статьи и фотографии.

Что до гнетума трехжилкового, то его не нашел в «Википедии», приводящей список всех признанных видов рода гнетум.

На научном сайте “Plant List”, ботанического сада Кью, который ограничивается лишь названиями, я нашел гнетум трехжилковый с пометкой “unresolved name”, т. е., неразрешенное название. К сожалению, объяснение этого, как выяснил впоследствии, строгого термина, оказалось достаточно расплывчатым: «К неразрешенным названиям относятся те, которым пока (по какой причине?) невозможно предоставить статус *принятых* или *синонимов*» (Unresolved names are those to which it is not yet possible to assign a Status of either ‘Accepted’ or ‘Synonym’).

Наконец, многочисленные сайты на русском языке ограничились копией строк из «Жизни растений». На сей раз я не мог не обратить внимания на имя Чимборасо, потухшего вулкана, одной из высочайших гор Южноамериканского континента, расположенного близ центра Эквадора, поскольку недавно побывал в этой стране.

Согласно источнику, гнетум трехжилковый был собран в цинхоновых лесах, где *Cinchona* – хинное дерево, названное Линнеем в честь излечившейся от малярии жены вице-короля Перу, Чинконы (*Chinchona*).

На склонах Чимборасо проводились и, к сожалению, ведутся интенсивные вырубki, так что цинхоновые леса там не сохранились. Лесовод Карлос Хумбо из Кито, с которым познакомился незадолго до поездки, сообщил, что хинное дерево следует искать в провинции Лоха, в нескольких сотнях километров от Чимборасо.

Благодаря этому, как оказалось впоследствии, ошибочному совету, я побывал в городе Лоха и познакомился с ним, его Университетом и рядом исследователей и студентов. В 2024 году благодаря уникальному стечению обстоятельств здесь вышла моя книга «Реконструкция прототипа цветковых растений» на испанском языке, которым владею.

При поездке в ближайший национальный парк «Подокарпус» меня особенно поразили влажные высокогорные луга, парамос (ок. 3 тыс. м н. у. м.) своим сочетанием субарктической и тропической флор: сфагнум, вересковые, в т. ч. брусничные, с одной стороны и бромелиевые, бамбук, орхидеи – с другой.

Рядом с аркой, ведущей в заповедник, расположена другая, приглашающая навестить национальный парк “Ruta de cascarilla”, где первое слово означает путь. Когда узнал, что последнее переводится как хинное дерево (На испанском хинное дерево – “quino” (из кечуа), либо “cascarilla” от “cascara” – кора), отправился туда. Пройдя километра три по деревне, раскинувшейся за аркой, и не видя ей конца, обратился к одной сеньоре, которая посоветовала вернуться и навестить «Подокарпус», – что и сделал. Впрочем, возможно, что лес расположен гораздо дальше, и туда надо добираться на машине.

Буквально за несколько дней до поездки, сообщая о своих намерениях Карлосу Хумбо, наткнулся на статью, где сообщалось, что гербарный экземпляр т. н. *Gnetum trinerve*, собранный Р. Спрусом в 1860 г., был перепределен в 1916 г. как цветковое растение *Phoradendron trisulcatum*. Согласно господствующим воззрениям, этот вид был описан десятки раз. Ныне он отождествлен с *P. chrysocladon*, собранным в 1864 г. в Рио-де-Жанейро.

Достаточно тривиальному видовому названию, означающему «с золотистыми ветвями» – признак, характеризующий многие виды форадендрона и омелы, соответствует и описание с фотографиями, приведенными на многих сайтах. *Как будет показано ниже, именно данное обстоятельство делает сомнительным это определение.*

Естественно разочарование, испытанное мною. Билеты уже приобретены, я собрался ехать, однако в качестве не туриста, а исследователя. Именно это побудило меня в ближайшую ночь просмотреть доступную информацию. Выяснил, что форадендрон является крупнейшим родом семейства омеловых, обитающим исключительно в Новом Свете. С другой стороны, Спрус был одним из выдающихся ботаников. Его экспедиция в Южную Америку длилась пятнадцать лет, начавшись в Бразилии и закончившись в Эквадоре. Странно, если он не заметил столь обильных паразитов.

Может быть, Спрус из стремления к славе принял определенный вид форадендрона за представителя голосеменных?.. – Нет: он не знал о принадлежности гнетума к голосеменным...

Может быть, он побывал в цинхоновых лесах, чтобы вылечиться от ма-

лярии, и описал новый вид в состоянии лихорадки?.. – Нет, он действительно отправился за хинным деревом, но не для того, чтобы лечиться от малярии, а, чтобы лечить от нее других...

Всякое могло быть. Нельзя исключить и то, что куратором гербария руководила излишняя любовь к порядку: зачем какой-то аномальный гнетум, если существуют нормальные форадендроны?

И еще одна, в принципе, еретическая версия, подсказанная знакомым агрономом: а не близки ли упомянутые два рода? Не является ли их сходство не только внешним, но и генетическим?

Пожалуй, для выяснения этого стоило сменить Кито на Лондон, и попросить дать гербарный образец. Впрочем, речь идет ведь не только об определении, но и о самом пути исследования, и здесь наткнулся на нечто важное.

Во время визита в Эквадор убедился, что древесные паразиты встречаются на каждом шагу. В Испании их называют “muérdago”, омела. Слово происходит от искаженного баскского “muir taco”, для клея.

Это свойство отражают названия и во многих других языках: русское «птичий клей», «омела», а в ряде славянских языков – «имела» от «иметь» → «поиметь» → «поймать»; латинское “viscus”, однокоренное с русским «вязкость»; דבֿקוֹן [дивкон], от דבֿק [дэвек] – клей на иврите и т. д.

Попробовав плод омелы белой, я долго не мог отодрать его языком от нёба. Тем не менее, это вещество может быть смыто обильными осадками, и семя прорастает еще внутри зрелой ягоды, выпустив первую пару веточек.

Оказалось, что в Эквадоре не знакомы со словом “muérdago”. Название этих растений на южноамериканских диалектах испанского и, как узнал у Спруса, португальского – matapalo (убей палку). Правда, в настоящее время слово “palo” в латинской Америке является синонимом дерева, но на литературном испанском дерево – “arbol”, а ветвь – “rama” (“arbor” и “ramo” на португальском). К сожалению, тем же словом нередко обозначают деревья-удушители, фикусы и клузиевые, которые, в отличие от паразитов, всегда убивают своих хозяев.

Это и подобные ему названия происходят от видоизмененной фамилии “Matamoro” – «убей мавра», существующей поныне и восходящей к Реконкисте.

Из растений можно назвать виды опунции, лишенные шипов, но оснащенные щетинками (глохидиями) и опасные для пасущейся скотины, – “mataburro”, «убей осла»; кустарник сем. вьюнковых Ipomea carnea, богатый алкалоидами – “matacabra”, «убей козу», а “mataperro”, «убей собаку» (ср. с волчьей ягодой) в Испании обозначает безвременник, а в Южной

Америке – несколько видов паслена.

В настоящее время слово “mataperro” перешло и на бампер автомобиля, подобно австралийскому “roo bar” (где “roo” – сокращение от “cangaroo”), N. В. не “killgaroo”! – «кенгуровая решетка», «кенгурятник».

Что до животных, то крупнейшую и редчайшую ядовитую змею, *Lachesis muta* (бушмейстер) здесь называют “matabuey” («убей вола»), согласно словарю американизмов “matacaballo”, «убей лошадь» обозначает удава, но знакомый из Миндо, где удавы не водятся, назвал так древесную ядовитую змею *Bothriechis Schlegelii*; название “matacaimán” носит сомик *Centrochir crocodili*, в случае опасности растопыривающий прочные и длинные шипы на спинном и грудных плавниках и т. д.

По возвращении из первой научной поездки в Эквадор я приобрел «Заметки» Ричарда Спруса, автора текстов, но не книги. Его письма, адресованные различным людям, дневники и соответствующие публикации, собрал, объединив в два тома и снабдил собственными комментариями после его смерти Альфред Уоллес, бывший его другом и известный тем, что создал теорию эволюции на основе естественного отбора независимо от Дарвина, но признал верховенство последнего, в свою очередь готового отказаться от приоритета.

Нужно заметить, что книга, изданная Кембриджским Университетом, не свободна от существенных недостатков.

Прежде всего, Спрус в переписке со знакомыми то и дело вставляет хорошо известные им слова из португальского, испанского и ряда индейских диалектов, которые в основном остаются без перевода и часть которых, судя по всему, ныне не употребляется. Можно догадаться, что “montaria”, похищенная с каноэ, – это малая лодка, служившая для местных вылазок, но как она выглядела, узнать не удалось. На современных сайтах под этим названием фигурируют моторные яхты.

Один революционер говорит Спрусу “¡En tiempo de revolución todos los bienes son comunes!” – «Во время революции всё добро общее!». Эта фраза осталась непереуведенной: вероятно, любой англоязычный читатель способен вообразить, что она означает в Латинской Америке...

Упомяну еще об одном курьезе. Спрус описывает сбор растения под названием salsa, оно происходит из латинского слова, обозначавшего соленую похлебку. На испанском и итальянском оно означает соус, отсюда и французское “sauce”, перешедшее в русский.

На португальском же “salsa” обозначает петрушку.

У одного экземпляра «сальсы» из кроны выходило пять стеблей (stems). Корни росли горизонтально, достигая 3 ярдов (~2,7 м) в диаметре. Сборы производились в селении штата Баия. Я запросил ближайший с.-х.

институт, не знают ли они, какое растение на местных диалектах называют “salsa”, разъяснив затруднение. Вскоре мне выслали обширный материал о петрушке, где, в частности, говорилось, что в Бразилии она растёт плохо из-за жаркого климата.

Казус разрешился просто. Я не обратил внимания на заголовок, где растение названо не “salsa”, а “salsaparilha”, лиана, родственная спарже и распространенная в тропиках и субтропиках. Возможно, что местное население спутало этот «корнеплод» с петрушкой, поскольку там ее не выращивают.

В письме к Дж. Бентаму от 9/3/1861 Спрус характеризует свое пристанище окказионализмом “roomackity” от “room” – комната, вернее, судя по тексту, каморка и “rickety” – ветхость [Spruce vol. 2, p. 316]. Надеюсь, что слово “salsa” в указанном значении возникло в результате народного, а не авторского творчества.

В этой связи отмечу богатый и выразительный, порой нарочито архаизированный английский. Благодаря этому узнал, в частности, что окончание “s” глаголов настоящего времени 3-го лица единственного числа возникло в результате редукции “th”, например, старое “taketh” вместо современного “takes” (берёт). Отсюда и уменьшительное “Tommy” от “Thomas”.

Особый интерес для зоолога представляет переход от местоимений “he” и “she” («он» и «она») к “it” («оно», нечто неодушевленное) в отношении животных. Так на одной и той же странице о вампирах сказано, что «животное /“the animal”/ обмахивает /жертву/ своими, /дословно, его, “his”/ крыльями» – по мнению Спруса, чтобы усыпить ее; и «Вампир прилетает к малым венам. Оно /“it” (!)/ предпочитает кончики пальцев ног».

Выше я написал, что местные слова в основном остаются без перевода. Он приведен для немногих из них, прежде всего, для растений и животных.

Там же имеется недифференцированный список, включающий, скажем: «Голоса животных Амазонки», равно как и научные названия растений и животных, разумеется, крайне неполные. Оба списка отнесены в конец второго тома.

С той же особенностью сталкивался в примечаниях к двухтомникам «Философия религии» Гегеля, изд. «Мысль» 1975 г. и «Опыты» Монтеня, изд. «Литературные памятники» 1979–1980 гг. Правда, в отличие от указанного труда, сноски помечены цифрами.

В начале издания указано, что «Содержание и язык отражают взгляды (beliefs), практику и терминологию своего времени и не исправляются», что, на мой взгляд, желательно было сделать в отдельных примечаниях.

Так, ползучее растение *Herpestes* (от *herpes* – змея) ныне переименовано в “*Herpistes*” во избежание путаницы с мангустом; а папоротник *Mertensia* теперь разбит на близкие роды *Diplopterigium*, *Gleichenia* и *Sticherus*. Первое же название, в честь ботаника Мертенса-старшего, увлекавшегося папоротниками, в соответствии с принципом прецедента закреплено за родом цветковых растений.

Замечу также, что карты приведены в сильно уменьшенном виде. Для прочтения пользовался 40-кратной линзой. Впоследствии нашел, что копии размещены в интернете, но ведь впервые книга была опубликована еще в 1908 г., задолго до появления соответствующих технологий. Наверное, можно было разместить полноразмерные карты в сложенном виде – или вовсе не размещать их.

Перейду к основной (для данной работы) части «Записок».

Спрус начал свою экспедицию в Бразилии в 1849 г., т. е., за 11 лет до своей находки. Время от времени он приводит списки растений, в том числе, названных в его честь, что дает представление о его квалификации.

Уже в начале первого тома он уделяет незначительное внимание паразитам, не приводя ни единого научного названия, в отличие от представителей таких «тривиальных» семейств, как бобовые или злаковые, и практически отождествляя омеловые и ремнецветниковые, хорошо отличающиеся скромными и роскошными цветами соответственно.

Вот характерный отрывок: «Похоже, что они не растут на деревьях с резким или едким смолистым соком, таких как клузии, амириевые, хлебные деревья. Ремнецветники (*Loranth*s), *они же* Омелы (*Mistletoes*), насколько я мог наблюдать, совершенно отказываются расти на подобных деревьях. Это объясняется тем, что их корни не просто прилегают к коре, но проникают сквозь древесину и оттуда извлекают соки.

Многие напоминают обычную омелу, как общим обликом, так и невзрачными цветками, чья скромность, однако, нередко восполняется изысканным ароматом; *тогда как другие* обладают броскими трубчатыми пурпурными или желтыми цветками, нередко в несколько дюймов длинной».

Что касается замечания Спруса, то прямо у входа в Национальный Университет Лохи на олеандре, который обладает крайне ядовитым млечным соком, встретил роскошный экземпляр *matapalo*, форадендрона или очень близкого рода *Dendrophthora*, отличающегося незначительными особенностями строения пыльников (рис. 6).

Рис. 6. *Phoradendron* или *Dendrophthora* sp. на олеандре (*Nerium oleander*). Национальный Университет г. Лоха, Эквадор.

Когда же мой знакомый указал, что на местном молочае *matapalos* действительно не встречаются, вспомнил, что одна из самых мелких омел, *Viscus minima*, паразитирует на африканских кактусовидных молочаях, а ныне – и на завезенных в Африку кактусах.

В конце первого тома Спрус упоминает гнетум в связи с судьбой знакомого Спруса, Кустодио, рассказ о котором несколько больше обычного текста, занимающего столько же места (чуть меньше 4 страниц), поскольку набран мелким шрифтом «перл» (1,88 мм) вместо «петита» (3,008 мм). Очевидно, Уоллес ошибся, поскольку таким образом он отмечал отрывки, представляющие интерес лишь для специалистов, что оговорил в начале издания.

«Кустодио – темнокожий, почти черный мулат красивой внешности, высокий, плотного телосложения в возрасте от 45 до 50 лет. Родился рабом в селении Барроа /Бразилия/ на Рио-Негро».

Хозяин воспитывал его как сына; брал к индейцам, с которыми вел дела. К сожалению, названный отец женился на молодой, отлучился на некоторое время, и, поверив рассказам соседей, попытался пристрелить Кустодио, однако промахнулся.

Кустодио бежал к индейцам. Рассказывая о происшедшем, он не обратил внимание на гостивших там белых. Те вышли из хижины и затаились, намереваясь поймать беглеца. Однако он заметил их и, привязав нож к

палке, стал размахивать ею, так что преследователи не осмелились приблизиться. Остаться в этом селении он уже не мог. Отправившись в джунгли, Кустодио снял кору с дерева и соорудил пирогу, на которой проделал долгий путь вверх по Рио-Негро.

Где-то он встретил другое племя, которое его и приютило. Он обзавелся семьей. По счастливой случайности племя находилось в Венесуэле, где рабство было отменено. К тому же его хозяин умер. Спрус не сообщает, каким образом узнал об этом. Наверное, весть пришла от других индейских племен, с которыми покойный вел дела, или даже от его представителей.

Дошли слухи и в обратном направлении. Бразильцы ворвались в селение, похитили Кустодио и бросили в трюм баржи вместе с повстанцами. К счастью, капитан, будучи бразильцем, выпускал узников каждый вечер под честное слово на бразильский карнавал.

Два вечера Кустодио возвращался. На третий он помог одной сеньоре разгрузить арбузы с лодки и попросил одолжить ее, якобы чтобы навестить друга...

Плыл он в сумерках. Спал в сельве, предпочитая людям анаконд, крокодилов, ягуаров и прочих опасных животных.

«На протяжении всего пути по Рио-Негро пищей ему служили **плоды** любопытной лианы (Gnetum) с членистыми ветвями; членики вздуты и несут пару листьев; растение в Бразилии называют “ltuan”⁴, и вид, который обеспечивал Кустодио пищей, обычен на всем протяжении пути вверх по Рио-Негро, где я его собрал с **цветками и плодами**» [Spruce vol. 1, p. 446].

Здесь допущена неточность. Во втором томе, после сообщения о Gnetum trinerve Спрус упоминает о том, что в пищу употребляют «ядра плодов» (см. ниже). Конечно, одно не исключает другого, но, как мне сообщил гид-индеец из верхней Амазонии, Ливио Тангвила, которого подробно расспросил о растении, мясистая оболочка «плода» терпка и несъедобна. Отсюда название на языке кечуа “ауа-тиуо”, где последнее слово означает плод, а первое – душу умершего, поскольку терпкость, как в русском горечь, ассоциируется с горем.

Т. о., Кустодио восполнял свои силы семенами гнетума, которые более питательны, нежели сочные плоды.

Ко времени знакомства бывший раб стал вождем племени, основав два селения. Правительство Венесуэлы предоставило ему официальный титул Комиссара реки Пасимони и основателя селений Санта-Мария и Сан-Кустодио.

⁴В интернете такого названия гнетума найти не удалось. Само же слово встречается в самых различных контекстах: фамилия, футбольный клуб и т. д.

Из бассейна Рио-Негро Спрус описал два несомненных видов гнетума, гнетум метельчатый (*Gnetum paniculatum*) и гнетум жилистый (*G. venosum*). Странно, что Спрус не присвоил ни одному из них имя Кустодии, о котором рассказал с таким участием.

Ср. с письмом Дж. Бентаму: «Прекраснейшее дерево из Рио-Негро, судя по всему, неописанный представитель *Bignoniaceae*. Если это новый род, надеюсь, Вы позволите мне назвать его *Henriquezia*, в честь сеньора Энрике (*Henrique*) Антонидажа <...>, более тридцати лет обитающего в Барра-де-Рио-Негро, где он оказывает всевозможную помощь ученым и путешественникам».

Наверное, Спрус повстречал указанные виды до знакомства с Кустодией по дороге из Бразилии в Венесуэлу. Возможно, он и пытался исправить название, но на сей раз ему не разрешили сделать этого из-за консерватизма номенклатуры.

Предлагаю переименовать один из видов гнетума в *Gnetum Custodio*, пригласив представителей Великобритании и Венесуэлы.

Замечу также, что Спрус не знал о принадлежности гнетума к голосеменным. Похоже, что это понятие в то время еще не возникло.

Соответственно, в комментариях Уоллес сообщает, что согласно современным ему взглядам, архаичная пальма *Phytelephas* является переходной формой между саговниковыми и пальмовыми [Spruce vol. 2, p. 131].

Основанием мог быть, во-первых, тот факт, что первые зеленые листья фитэлефаса или тагуа выходят перистыми, как у саговниковых, а не цельными, как у большинства пальм [Имханицкая, с. 89, 181].

Можно заметить, что и соплодия отдаленно напоминают шишки некоторых саговниковых, хотя навряд ли этот критерий в данном случае был решающим (рис. 7).

Рис. 7. Автор у соплодия пальмы тагуа (*Phytelephas* sp.). г. Кито, Эквадор.

Более существенно наличие крупных семян, достигающих размеров куриного яйца. Развиваются они крайне медленно. На прорастание уходит около года. Медленно развивается и растение, начиная цвести в 15 лет, еще до развития ствола, достигающего 6 м в высоту в возрасте около сотни лет. Научное название объясняется тем, что зрелые семена по консистенции и цвету напоминают слоновую кость, и используются для поделок (рис. 8).

Эта древняя черта гипертрофируется у кокосовой и, в особенности, у сейшельской пальм в связи с распространением плодов морскими течениями.

Семена последней теряют всхожесть вдали от Сейшельских островов, несмотря на свои размеры и водонепроницаемые оболочки, позволяющие им проплыть тысячи километров до Мальдив, Калимантана и Суматры, сохранив свежим питательный сок, в былые времена суверенно почитавшийся универсальным противоядием.

Полагаю, что ранее между этими пунктами располагался архипелаг, погружившийся в океан. Отсутствие реликтовых популяций близ Индии

объясняю более поздним появлением соответствующих островов. К тому же вероятно, что за этот промежуток времени отбор благоприятствовал семенам с быстрой всхожестью и закреплением в грунте, приспособленным к «каботажному» плаванию.

С другой стороны, у величественной вашингтонии из архаичного подсемейства корифовых, размер плодов составляет всего 3×4 мм.

Рис. 8. Статуэтки из семян пальмы тагуа (Phytelephas sp.) в доме автора.

С 18 июня по 12 сентября 1860 г. Спрус отправился на склоны Чимборасо в районе г. Вентанас, поселок Лимон (обычное название для Южной Америки). Лес сохранился в районе селения Ресинто-Камарон, но хинного дерева там более нет. Уже во время экспедиции оно находилось на грани исчезновения. Спрус выехал туда для сбора и отправки саженцев хинного дерева в Индию через близлежащий порт Гуайякиль. Судя по описанию, они приживались не хуже ивовых.

Спрус сообщает о любопытном предрассудке: по мнению тамошнего испаноязычного населения, всякая болезнь вызывается холодом или жаром. Согласно этому суеверию, и малярия, и кора хинного дерева «горячат», а значит, последняя должна усугублять лихорадку. Аптекари были вынуждены продавать препараты под различными псевдонимами, например, «растительный алкалоид» вместо «сульфата хинина».

За 15 лет экспедиции Спрус неоднократно сталкивался с опасностями. Не миновали они его и в этот раз. В стране разразилась гражданская война. На участок, где расположился Спрус, пришли правительственные войска. Военные конфисковывали у населения выючную скотину, которая в массе гибла из-за ужасного ухода, и смрад падали заражал воздух. Один из помощников-индейцев узнал своего единственного мула и попытался увести. Его, а заодно и его товарищей, заподозрив в пособничестве, арестовали. К счастью, командующий оказался знакомым Спруса, соблаговолив освободить и людей, и скотину после того, как тот уступил половину

своего жилища и окружил заботливейшим уходом, тщетно мечтая пригласить вместо этого гостя сотню английских стрелков.

После того как власти овладели Гуайякилем, Спрус и его помощники погрузили материал в количестве 637 саженцев на плот, устройство которого Спрус любовно описывает, и сплавились по реке со скоростью, доходившей, по моим подсчетам, до 8 км/ч. Плавание длилось 4 дня, с 24 по 28 декабря 1862 г.

В некоторых местах над водой нависали заросли *Uncaria Guaianensis*. В «Википедии» на разных языках, включая испанский, рассказывают о морфологии этого растения, о его применении в медицине и т. п. Авторы забывают указать, что эта лиана, использующая для закрепления на опоре изогнутые шипы, обладает достаточной прочностью, чтобы сорвать человека с плавсредства и удержать несчастного в подвешенном состоянии. На сей раз экипаж отделался рваной одеждой и глубокими царапинами, а также – потерей крыши над каютой.

Рис. 9. Монумент борцам за свободу. Политехнический Университет г. Мачала, Эквадор.

На грани гражданской войны Эквадор оказался и незадолго до моей поездки в августе-сентябре 2022 г. Протестуя против произвола нефтеперерабатывающих компаний, индейцы перекрыли главные трассы страны. В осажденный Кито продовольствие поставляли ВВС Бразилии, Колумбии

и Перу. Я раздумывал, не поехать ли в Перу или даже в Боливию, где меня заинтересовал национальный парк Мадиди с его обильнейшей фауной млекопитающих.

К счастью, стороны сумели проявить гражданскую мудрость и спасти страну.

В одной из вылазок, задремав на поляне после утомительной горной грунтовки, был разбужен пламенной речью из громкоговорителя на легковушке, красноречиво обличавшей угнетателей трудового народа. Был канун выборов, и я решил, что агитаторы разъезжают по удаленным асьендам, дабы заручиться поддержкой избирателей... То были коммивояжеры, представлявшие партию товара. В общем, говорить в Эквадоре умеют, но и договариваться тоже.

Спрус разместил подробный список растений, характерных для этого района на высотах 2–3 тыс. футов (~ 600–1500 м). Впрочем, как и прежде, некоторым группам, скажем, перцевым⁵ и папоротникам, доля которых от высших растений здесь составляет 10%, уделено гораздо больше внимания, чем другим.

Вот что сказано о предмете настоящего поиска: «Гнетум (а Gnetum) (G. trinerve), похоже, паразит, примечательный трехжилковыми листьями. Это первый вид данного рода, который я нашел на холмах (hills)⁶, тогда, как гнетовые достаточно обычны в долинах, особенно, Рио-Негро, **где ядра плодов поедают в жареном виде**».

И это всё! Термин “unresolved name” означает “nomen nudum”, «голое имя» без описаний. Естественно было предпочесть грамотный диагноз от 1916 года.

Скрепя сердце продолжил чтение. Через 8 страниц нашел традиционно лаконичное описание matapalos: «Ремнецветник (а Loranthus) с многочисленными маленькими желтыми цветками, со сладким ароматом, растущий

⁵ На самом деле, черный перец (Piper nigrum), лиана с гроздьё черных ягод, является истинным перцем. Наряду с популярными в цветоводстве пеперомиями, она принадлежит к древнему семейству перцевых (Piperaceae). Поскольку в странах умеренного климата его не культивируют, здесь перцем из-за жгучего вкуса называли представителя семейства пасленовых, отбросив эпитет «стручковый». На испанском настоящий перец, как правило, называют pimiento, а для стручкового (Capsicum) имеется целый ряд местных названий, из которых наиболее известно – chile.

⁶ Ceros на испанском и hills на английском означает как холмы, так и пологие горы. Меня поражали такие пассажи, как «Неделю назад я собирал /растения/ на лесистом холме высотой около 9000 футов /~2700 м/». Некоторое время спустя на схеме недавно сооруженного метро г. Кито обнаружил названия «холмов», возвышающихся над этим высокогорным городом более, чем на километр.

обильно, особенно, на Inga⁷. Имеется много других видов, причем без крупных цветков» [Spruce vol. 2, p. 287].

Рис. 10. Плоды различных видов рода Inga, г. Вилькабамба, Эквадор.

Судя по этому скромному пассажиру, эти паразиты по-прежнему оставляли Спруса безучастным, а растение, которое он правильно или ошибочно принял за гнетум, сильно отличается от прочих видов, что заставляет усомниться в отождествлении *Gnetum trinerve* и *Phoradendron chrysocladon*.

В начале первого тома размещены отзывы выдающихся ботаников Англии о собранном гербарии.

Дж. Бентам: «Экземпляры прекрасны и столь хорошо упакованы, что прибыли в изумительном порядке... По качеству образцов это – одна из лучших тропических коллекций, какую я когда-либо видел».

Дж. Хукер: «Я вспоминаю прибытие одной из партий /растений/ к Бентаму в Кью, и его удивление превосходным состоянием экземпляров; их целостью, пригодной для описания, и *полнотой информации на этикетках* (tickets)».

Помощник Дж. Бентама, профессор Д. Оливер: «Экземпляры м-ра Спруса собраны, высушены и упакованы самым тщательным образом, что

⁷ Род деревьев семейства мимозовых южноамериканского происхождения. Выращивают в теплых странах ради мякоти продолговатых плодов от 20 см до 1,5 м, в зависимости от вида, по цвету, консистенции и вкусу напоминающей зефир. В дикой природе – излюбленное лакомство обезьян (рис. 10).

с учетом всевозможных затруднений, с которыми он столкнулся, представляется невероятным. *Особенно ценно то, что они снабжены прекрасно читаемыми этикетками (labels), несущими точную информацию о местности, условиях обитания, образе жизни (habits) и пр., необходимую в качестве приложения к сухому экземпляру».*

Т. н. гнетум трехжилковый оказался исключением из правила. Тем не менее, учитывая, что Спрус не просто заметил его, но и дал научное название, собрал, засушил и отправил в Англию, скорее всего, он приложил и ботаническое описание, которое было утеряно в дороге.

Судя по скучным строкам «Жизни растений», академик А. Л. Тахтаджян мог ознакомиться с «Записками» Спруса – и это, пожалуй, тоже не вполне обычно. Книга не переводилась на русский. В библиотеке РАН ее не обнаружил. К тому же, Тахтаджян интересовался флорой тихоокеанских островов, а Южную Америку не посетил. Правда, у Спруса, чей вклад Уоллес сравнил с таковым Гумбольдта, многому можно поучиться...

Автору вновь пришлось иметь дело с честью Спруса после очередной вылазки в «Подокарпус», где для иллюстрации к книге он заснял прекрасный фрагмент вайи папоротника (рис. 11).

С первого же взгляда понял, что тот относится к обширному роду *Blechnum* (древнегреческое название неясного происхождения). Ныне группа, присвоившая себе титул *Pteridosperm Phylogeny Group* (Группа по Филогенезу /Эволюции/ Папоротников), разбила этот род на несколько более мелких.

Наиболее сходным с этим видом оказались представители рода *Cranfillia*, названного в честь пионера молекулярного исследования семейства блехновых, Брайана Кранфилла. В Эквадоре произрастает кранфиллия хвостатая (*C. caudata*), прежним названием которой было блехнум Спруса (*Blechnum Sprucei*)! В книге я отметил эту шутку, указав, что она ставит под сомнение правильность обособления рода *Cranfillia*, а если оно и верно, то имя Спруса следует вернуть на место.

Рис. 11. *Blechnum stipitellatum*, национальный парк «Подокарпус», Лоха.

Автор надеется собрать экспедицию на склон Чимборасо, оценить состояние оставшегося леса, провести сбор паразитов, а в перспективе – постараться восстановить исконную растительность по списку Спруса и организовать национальный парк «Миссия Спруса», пригласив научных и/или официальных представителей Великобритании.

Над пропастью⁸

Этого места давно нет. Его уничтожили, затопили в 70-х годах в связи с сооружением гидроэлектростанции на Днестре. Где жили люди, где на улицах и переулках стояли дома, где цвели сады и пели птицы, там разлилась вода.

Когда спустя годы я стоял на берегу водохранилища, мне было не по себе. Казалось, что под водой заживо погребена жизнь, что под ней застыло всё, «...что пело и боролось, сияло и рвалось...» И было ощущение, что стоит только убрать воду, и на том месте снова увижу улицы и дома, знакомых людей и себя, молодого, среди них.

Этим местом был посёлок, районный центр Старая Ушица Хмельницкой области, самый отдалённый от областного центра и, пожалуй, самый маленький райцентр – довоенное еврейское «местечко». Оттуда в 1953 году начинался мой трудовой путь в органах прокуратуры. Там узнал я историю, о которой хочу рассказать.

Рассказ будет кратким, потому что написан в рамках некогда полученной информации. В нём не будет тех подробностей, которые должны быть в таком повествовании и которые делают его более ярким. Но люди, от которых я узнал эту историю, и, прежде всего, её герои, не посвящали меня в подробности. Выдумывать же здесь ничего нельзя потому, что это не художественный вымысел, а история живых людей.

Но если бы мой очерк был ещё короче, если бы это было просто сообщение телеграфного типа, то и тогда, думаю, его следовало бы предложить читателям. Потому что есть вещи, о которых нельзя не рассказывать.

К месту назначения мы с женой добирались в кузове грузовика. Из города Каменец-Подольского до Старой Ушицы вело 50-километровое шоссе – удивительная экзотическая дорога. Короткие редкие прямые участки её перемежались крутыми подъёмами и спусками, резкими поворотами и извилинами. Лесные массивы сменялись высокими, подчас отвесными, скалистыми обрывами, за которыми была пропасть. Мы ехали

⁸ Из книги «Воспоминания прокурора-еврея из советской Украины» («Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine»).

дорогой над пропастью. Дух захватывало от красоты и опасности той дороги.

Вскоре после приезда познакомились со своими соседями, супругами Аней и Петром. Это были очень простые, скромные люди. С тремя детьми, девочками, они жили в собственном домике. Аня была продавцом газированной воды в киоске, Пётр – дезинфектором в санэпидемстанции.

Находясь ещё под властью дорожных впечатлений, мы поделились ими со своими новыми знакомыми. Выслушав наши восторги, Аня сказала:

– «Эту дорогу строили евреи, которых немцы потом расстреляли, я тоже была там...»

Так неожиданно в первые дни на новом месте мы узнали историю, связанную с той самой дорогой, которой только что любовались. Наши восторги исчезли, чтобы никогда больше не возобновляться. Их заменили совсем другие чувства.

Девушка Хана жила с родителями в Старой Ушице, училась в средней школе и пред войной окончила 9 классов. В этой же школе, на класс старше, учился Пётр – парень из села Лоевцы, расположенного в семи километрах от районного центра. Эти молодые люди были совсем разными. Рыжеволосая Хана была признанной красавицей. Пётр не вышел ни лицом, ни ростом. Она была общительной, весёлой, активной. Он слыл молчуном, сторонился шумных компаний. Хана хорошо училась, Пётр – так себе. Она любила музыку, стихи. Он был далёк от всего этого.

Пётр любил Хану. Девушка не испытывала этого чувства к парню, была безразлична к нему. Юноша страдал, как страдает каждый безответно влюблённый.

В Старую Ушицу немцы пришли в первые дни войны и начали осуществлять акцию, которая проводилась ими на всей захваченной территории и на протяжении всего времени оккупации. Акцию, от цели и последствий которой мир содрогается и сейчас, спустя более полувека после окончания войны.

Люди были разделены на две части по одному признаку – евреи и не евреи. Последние могли жить. В неволе, в угнетении, под страхом, но жить. Евреи должны были погибнуть. Исчезнуть с лица земли, все до одного. Линия жизни или смерти прошла водоразделом между людьми, которые вчера ещё были соседями, ходили друг к другу в гости, вместе работали, учились, влюблялись друг в друга, женились и рожали детей.

Пётр и Хана оказались по разные стороны этой линии, потому что она была еврейкой.

Шоссейная дорога между Каменец-Подольском и Старой Ушицей не была окончена к началу войны. Дорога имела важное коммуникационное значение для оккупантов, и они решили достроить её руками обречённых ими на смерть евреев. В 25-ти километрах от Старой Ушицы, вблизи дороги, был устроен лагерь, в который согнали евреев не только Старой Ушицы и окрестных мест, но, по имеющимся сведениям, из дальних регионов, включая страны Восточной Европы. В этом лагере находилась и ждала своей участи Хана.

Пётр узнал об этом, находясь в своём селе, в родительском доме. Он взял небольшую котомку, уложил в неё буханку хлеба, кусок сала, нож, мешок и, никому ничего не сказав, отправился в путь. К вечеру он добрался до еврейского лагеря и выкрал оттуда Хану.

Пётр поместил девушку в мешок и понёс. Тридцать два километра отделяли лагерь смерти от села, в котором он жил. Почти весь этот путь по дороге над пропастью, по лесным и скалистым тропам юноша нёс в мешке свой бесценный груз, боясь любых встреч, любых глаз. Ночью он принёс Хану в свой дом и освободил её из мешка перед удивлёнными домохозяевами.

Все годы оккупации Пётр и его семья скрывали Хану. В этот период она заболела тифом. Её спасли и от страшной болезни, и от гибели от рук фашистов. В доме, где скрывалась Хана, она превратилась в Анну и стала женой Петра.

Вот, собственно, и всё. Но теперь, когда история рассказана, я должен возвратиться к тому, с чего начинал свой рассказ – к вопросу о деталях и подробностях. Потому как, думаю, что у читателя неизбежно возникнут вопросы. Как всё-таки удалось выкрасть Хану из немецкого охраняемого лагеря? Как удалось скрывать Хану в доме Петра в течение долгих, страшных лет оккупации?

Резонные вопросы, но я не могу ответить на них, потому что Аня и Пётр не рассказывали об этом, а я не расспрашивал.

Эту историю в первое послевоенное время знали многие в Старой Ушице. От некоторых людей мы слышали версию о том, что Хана была выкуплена Петром из лагеря через одного из полицаев, что затем удалось оформить на неё фиктивные документы, как на родственницу семьи Петра.

Может быть, так оно и было, не знаю. Я констатирую только то, что

услыхал, узнал из уст Ханы и Петра – сельский юноша освободил из фашистского лагеря еврейскую девушку, которую любил, пронёс её в мешке десятки километров, скрыл в своём доме и спас.

Полюбила ли Хана Петра, ответила ли любовью на любовь, которая спасла ей жизнь?

А может быть, чувство высокого долга, уважения и признательности заменило любовь?

Мы этого не знаем, и это не наше дело.

Когда мы познакомились, перед нами была преданная жена, заботливая мать, прекрасная хозяйка. Ну, а Петя смотрел на свою Аню-Хану такими же влюблёнными глазами!..

Перед тем, как Старая Ушица была затоплена, её жители разъезжались кто куда, покидая тонущий корабль. Перед отъездом Пётр побывал в Каменец-Подольском, где я тогда работал, и зашёл попрощаться. Он уезжал со своим семейством в Одессу...

С тех пор я не видел ни Аню, ни Петра. Не знаю, где они, как они – в наше беспокойное время.

Надеюсь, что всё в порядке, что судьба всё так же благоволит им, их детям... Ибо если не им, то кому же?..

Маленькое послесловие внука Михаила Гольдиса, Марата Гринберга: «Петр Гуцол (1922-2005), спасший Анну Бирман и женившийся на ней после войны, был объявлен «Яд Вашем» Праведником народов мира в 1994-м году».

Чарну

1

Они пришли сюда в давние-давние времена. Но до сих пор люди в долине иногда зовут их «вирлину», что значит «пришлые». Сами себя они называют «чарну», что значит «изгнанники». Чарну поклоняются каким-то невиданным птицам, которые будто бы поют в новолуние в лунных горах, и к скалам, где высечено в базальте изображение священных птиц, никого из чужих не пускают, сторожат неусыпно – и ночью, и днем.

Осенью, когда погреба наполняются доверху плодами нового урожая, внезапно, в каких-то несколько дней, у чарну за спиной вырастают крылья, чудесные крылья – всех цветов радуги, размером чуть меньше гусиных. Тогда надевают чарну одежды из грубой кожи, с прорезями для крыльев, оставляют свои жилища, где им, крылатым, становится тесно, и собираются все на окраине в двух огромных домах, ничем не заставленных, – только стены да крыша, да пол земляной, устланный толстым слоем свежей соломы и душистыми травами.

В это время водят чарну медленные, бесконечные хороводы и поют тягучие песни на языке полузабытом и странном, и почти не едят и не пьют. А те, кому время пришло, выбирают себе в эту пору женихов и невест – по цвету их крыл: желтые – к желтым, красные – к красным, синие – к синим...

Но чуть только начнутся первые утренники, крылья тотчас опадают. Их собирают и сносят в огромную кучу в центре селения, и крылья долго лежат под бледным осенним солнцем, как опавшие листья невиданных, чудесных деревьев, и ветер играет блестящими разноцветными перьями. Потом, в первую ночь полнолуния, торжественная процессия переносит их к скалам, и там, на огромном костре, крылья сжигают в чашеобразном каменном жертвеннике перед изображениями тотемов – ни перышка не должно остаться! И стоят чарну молча вокруг огня, взявшись за руки крепко, и смотрят, как бушует высокое пламя и сгорают дотла их необыкновенные крылья.

После этого шумно празднуют свадьбы, дерутся до крови на длинных гладких жердях, прыгают через огонь и ждут наступления лета, когда новые чарну придут в этот сумрачный, жесткий, чужой и неправильный мир.

Летом, в самое знойное время, когда солнце стоит бесконечно в зените,

рождаются новые чарну, пригожие, как и все дети. А на седьмой от рождения день вырастает у новорождённых в первый раз их странное оперение – крошечное, покрытое белым блестящим пухом – беспомощное и смешное. Наверное, крылышки причиняют боль малышам, потому что они в эти дни больше плачут, спят очень плохо и, как и взрослые, почти не едят и не пьют. Но длится это недолго. Через несколько дней крылышки опадают и теперь уже не появятся до тринадцати лет, когда осенью вырастут снова, уже разноцветные, и будут с этого времени вырастать каждый год, как у всех, до последнего часа.

Бывает, однако немыслимо редко, рождается по непонятной причине младенец обычный, без крыльев. Тогда самый старый старик запрягает белого мула, лунною ночью спускается вниз, в долину, и там на рассвете оставляет младенца на рыночной площади. И сохрани, и спаси матери бедной хоть слезу одну обронить, сохрани и спаси!

2

Отвратителен в своем безразличии лик провидения. Непонятно творимое им под луной и под солнцем! Насылает оно мор и голод на невинных и сырых; душит походя непорочных младенцев еще в колыбели; напускает внезапную порчу на верных и праведных... Убеждают тогда нас, что это все верно и должно; распинаются витиевато, говорят, за грехи наши... Что ж карают безгрешных, а заклятые грешники насмешки над небесным взысканием строят? Ад? Геенна? Да есть ли на самом-то деле?! Не страшней ли геенны лютая кара земная?!

Злая судьба у бескрылых младенцев. Горькая доля. Разлученные с домом жестоким древним законом, никогда не увидят они матерей и отцов, их родивших. Но, скорее всего, подберут их добрые люди, вырастят в ласке, любви, тепле и покое. Станут они дальше жить и, может быть, счастливы будут.

Злая судьба у бескрылых младенцев, но бывает и злее, беспощаднее... Такое случается реже, чем заморозки в июле. Рождается вдруг младенец, всегда только девочка, с крылышками, покрытыми угольно-черным пухом. Это значит, что и взрослые крылья ее будут угольно-черного цвета. Чарну считают чернокрылых младенцев предвестием страшной беды. Вой стоит тогда жуткий в домах. Все бросают дела свои и три дня, и три ночи проводят у скал, на коленях вымаливая пощаду у высеченных в базальте священных пернатых. Только мать и отец чернокрылой остаются в селении. Теперь до конца своих дней будут они отщепенцами, и детей у них больше не будет: закон запрещает.

Сколько помнят старейшие, никаких ужасных событий – ни мора, ни голода, ни другой какой-либо напасти – после этого никогда не случилось. Но жестокое суеверие предков требует, чтобы чернокрылую дочь отобрали у матери, прочь убрали из мира живущих свободно, чтобы жила она парией до конца своей жизни, в окружении только себе подобных. И никто из живущих чарну общаться с нею не смеет под страхом лютой неминуемой смерти.

3

Если споро идти из долины по главной дороге, ведущей к горам, до самой развилки, а потом от развилки по правой тропе все в горы и в горы, то уже через пару часов можно выйти к опушке «мертвой рощи». Почти все деревья от странной болезни в роще этой повысохли, кусты поредели, трава растет низкая, жидкая; птицы здесь не гнездятся, зверье не водится, и люди появляются разве что в кои-то веки. Проклятое место, где даже пахнет бедой.

Тут, возле самой рощи, стоят три ветхих, убогих жилища. В них обретаются те, с кого слепой рок взыскал за чужие грехи, дав им черные крылья, – чарна чарну – изгои изгоев – изгнанники изгнанных. Как выживают они, что едят и что пьют – до того никому из чарну нет дела, если б все и повымерли – так даже и рады бы были.

Вот уже двадцать три года, как ни одна чернокрылая на свет не рождалась, и жили теперь в лачугах всего три изгнанницы: Окипета – старуха, совсем уже древняя, полуслепая, скрюченная напастями и годами; Келайно – рябая косоглазая баба, чей возраст определить не взялся б никто на свете; и Аэлла – красавица, высокая, стройная, медноволосая, с угрюмым и тяжким взглядом светлозеленых глаз. Чернокрылые чарну жили, во всем помогая друг другу, но вечно враждуя при этом, норовя при первом же случае затеять жестокую свару. Развлечение это было такое, порожденное одиночеством и несчастьем.

Жили изгнанницы бедно, почти нищенствовали. Был у них за домами, ближе к роще, огородишко жалкий, но почти ничего не росло на проклятой земле. Немного еды удавалось, после долгих хождений, добыть в мертвом лесу. Еще имелось несколько коз. Из козьей шерсти сучили женщины нити и вязали из них прекрасные кружева, изящные платья, платки и всякие теплые вещи, а потом продавали в долине, на рынке, где только и можно было париям появляться. Но и в долине их сторонились: боялись и презирали. Отчего? Да кто же поймет! Просто так было спокойней: мало ли что. Недаром же чарну бояться их как прокаженных. А без огня не бывает дыма, всем ведомо.

Впрочем, терпели, потому как вещи и кружева приносили необыкновенные – глаз не оторвать, но при этом трусливый и подлый народец всегда норовил забрать у несчастных работу их за бесценок и спровадить вон поскорее, а то и наддать, чтоб место свое разумели.

4

Мролик множество лет в местах этих не был. Девятилетним мальчишкой из дома сбежал, шатался, не зная пристанища, по горам и морям, городам и весям, пока не осточертела странная жизнь – невообразимо! Вернулся. Мать в живых не застал; отец погрузнел, обрюзг, на ходу задыхался и Мролика встретил не слишком-то радостно, поначалу с тупым упрямством и признавать не желал. Насилу поверив, что это сын и взаправду, спросил равнодушно:

– Надолго?

– Не знаю, – ответил блудный Мролик, усмехнувшись беспечно, – поживу пока, отдохну малость, там видно будет.

– Ну, отдыхай. Только рот лишний в доме протяжно-то мне не нужен. Наотдыхаешься, принимайся за дело, а то – иди себе дальше.

– Ты не особенно о моем рте печалься. Еще и тебя прокормлю, – Мролик презрительно усмехнулся и сплюнул сквозь зубы.

На том общение первоначальное с отцом родным и завершилось.

5

С раннего утра бродил Мролик по субботнему торжищу в смутной надежде встретить кого из прежних знакомых, но так и не встретил, а может, не узнал просто. Устав от бесцельных шатаний, зашел ближе к полудню в харчевню, купил кружку мадеры и большой кусок темно-коричневого, пряно пахнущего медовика, уселся прямо на улице за большой деревянный стол и неспешно стал лакомиться, наслаждаясь прекрасной погодой и разглядывая народ.

Прямо напротив, примостив на самом краю прилавка два пуховых платка – летом, вот дура! – стояла красивая девка в узком, прямом совершенно, уродливом платье из конопляного полотна, будто сколько материи было, так и пошили, но даже это уродство не скрывало, что фигура у нее – потрясающая. Вот только насупленная какая-то, будто не на рынок пришла, а на кладбище.

За этими наблюдениями начало разговора он пропустил, ухватил только самый кончик, когда торговка луком, дородная молодуха, стоявшая рядом с угрюмой красоткой, уже на девку орала, да так, что глухой услышал бы:

– Шесть, чего захотела, шесть – дооорого, дура. За три заберу. И ка- тись, штоб здесь не видали. – Торговка аккуратно, по-хозяйски, стала скла- дывать платок, но не успела закончить, потому что...

Он сам даже не понял, отчего так мгновенно и резко взорвался:

– Эй, хозяйка, почем лук торгуешь? – Как был, с кружкой в руке, Мролик стремительно двинулся к луковой куче.

– По два отдаю, – оторвалась та от платка.

– Нее, по два не пойдет. За один забираю. – И Мролик, поставив кружку, деловито стал горстями накладывать лук на весы.

– Что значит, ты забираешь?! Что значит... – Торговка отшвырнула пла- ток, оббежала прилавок и стала всей грудью (благо было чем) надвигаться на Мролика. Это выглядело довольно забавно, потому что Мролик был на голову выше и задохликом тоже не выглядел.

– Так ты ж только сама так платок купила. Ну я и подумал, что у вас тут порядки такие. Чего рот разинула? – Мролик отпил из кружки и как ни в чем не бывало с улыбочкой потянулся через весы за гирькой.

Тут торговка заголосила так, что окрестная публика дела свои побро- сала и стала поближе к дармовому балагану подтягиваться.

– Ты што, малый, совсем ошалел, какие-такие порядки, то ж чарнушка, тебе повылазило, што ли?

– Так-то мне без разницы, чарнушка она, белушка, ты назначаешь цену вместо хозяйки, ну и я за тебя ее определяю. Нешто не по справедливо- сти?

Ответить Мролику озлобленная торговка не успела. Пожилая цыганка (табор уже несколько дней, как стоял в предгорье) в нарядном темно-си- реновом платье, звеня богатым монистом, решительно протиснулась с двумя рослыми цыганчатами сквозь толпу, подняла злополучный платок на вытянутых руках и стала придирчиво осматривать вязку:

– Ты что, красавица, за платок свой просишь?

– Та ты еще, холера цыганская, откуда такая взялась! – Торговка раз- вернулась к цыганке и уже не орала, а просто визжала от злобы.

– Так оттуда же, откуда и ты, – усмехнулась цыганка дерзко.

Вокруг засмеялись. Лицо молодухи уже густо цвело пурпурными и бе- лыми пятнами, рот перекивило, правый глаз дергался; она попыталась схватить цыганку за руки, но та решительно повернулась спиной, а один из подростков ловко вклинился между ними.

– Так за сколько? – Цыганка могла больше не отвлекаться на визжащую стерву, потому что второй подросток мгновенно встал рядом с первым, за- горотив ее полностью.

– Шесть у этой просила, – зло и тихо, так, что только цыганка, наверно, и услышала, – ответила девушка; ее била крупная дрожь, лицо сделалось

пепельно-серым, слезы на глазах навернулись, и горел в глазах неистовый, беспощадный огонь; казалось, еще немного – и кинется на толпу, и будет зубами рвать ее, как зверь дикий.

– Я за шесть заберу. Отличная вещь, шатрами клянусь, и цены своей стоит. Эй, красавица, ты что так распереживалась, лица на тебе нет, и глаза мокрые... Успокойся, плакать не надо! Возьми двенадцать за оба. – Цыганка передала платки цыганченку и стала отсчитывать деньги. – Ах, какие глаза у тебя изумрудные! Такие глаза с ума сводить должны, а не слезы лить. Ты, чаяло, приходи к нам как-нибудь вечером. Песни слушаешь, потанцуешь. Повеселишься – все печали и беды с души своей сбросишь. И защитника своего приводи, если желание твое будет. А одна придешь, тебя домой внуки мои проводят. Приходи, смарагдовая. Ружа меня зовут.

6

– Ты, зараза, кого за собой притащила! Кого притащила! – Истошно вопя, низенькая костлявая фурия с огромным желто-лиловым синяком под правым глазом выскочила из дома и понеслась навстречу Аэлле.

– Ты что, ты что, кого я могла... – Аэлла испуганно обернулась – за ее спиной, метрах в ста, прислонившись к сухому вязу, стоял Мролик, улыбался хитро и ивовый прутик крутил. Он всю дорогу шел потихоньку следом: ему очень хотелось снова увидеть девушку, а подойти познакомиться он не решился, потому что даже после ласковых слов цыганки она так и ушла, вздрагивая от плача, а торговка безостановочно орала ей в спину проклятия и угрозы. Какое знакомство!

Теперь, когда Мролик увидел, как ее разъяренно трясут за грудки, реальность в нем вдруг начала расплываться, превращаясь в густой, непроглядный туман, почудилось, что он в полдень так за нее и не заступился, мало того, что они так еще и не выбрались с треклятого рынка... От этой дурацкой мысли он неожиданно испугался, не за себя испугался, а когда Мролик пугался, все равно, отчего, то немедленно и решительно принимался действовать.

В два прыжка подскочил он к костлявой мегере, схватил крепко за плечи, встряхнул так, что у вздорной пигалицы клацнули зубы, и, не отрывая от ее лица бешеных глаз, заорал:

– Никто не привел! Усвоила?! Сам пришел. Ясно?! Кончили! Убирайся к чертовой матери!

На ор из среднего дома показалась старуха. Крыльца в старухином доме не было, была пологая насыпь из мелких камней, и старуха на такой насыпи, видимо, чувствовала себя неуверенно, потому стала спускаться из дома спиной вперед, руками придерживаясь за насыпь.

Только теперь, в свете уже начавшего свой вечерний путь солнца, Мролик заметил, какое царит здесь убожество, и аж присвистнул, отшвырнул онемевшую от перепуга мегеру и устремился к старухе, помочь ей спуститься.

7

Они сидели после ужина на крылечке, курили.

– Послушай, кто эти чарнушки?

– Так кто ж его знает. Верлину они, а когда появились, никто уже и не упомнит. Наособь живут, в горах; болтают, колдуны они; крылья по осени вроде у них вырастают; а так, с виду, все, как у прочих. С нами почти что не знают, но и зла от них никакого. Живут себе – и живут.

– А те, что у мертвой рощи?

– Это когда ж ты про рощу дознаться успел? Неужто добрался?

– Успел, значит, и добрался.

– Этих баб свои же вон выгнали. Предание будто есть, беда от них может статься, а какая – не знает никто, но только от чарнышей слух идет, беда страшная; оттого и гоняют их отовсюду, что боятся. Рябой чарнушке на рынке давеча боки намяли, чтобы рот свой поганый не раззевала, да по рынку не шастала. Гляди, станешь в «мертвую рощу» таскаться, и тебе то же будет. Лучше не суйся!

– Ну, это я сам порешаю, куда мне соваться, да чего будет. А за сказку спасибо. Скажи, а у нас в доме инструмент какой столярный отыщется?

– Так наверно. Сходи в сарай, да бери, чего надобно. Неужто работать надумал?

– Там поглядим. Я возьму на деньков несколько.

8

– Эй, нелюбезные дамы! Живы еще?! Выбирайтесь! Встречайте гостя! Да поживее! – Мролик шел к лачугам и орал во все горло. В поводу он вел тяжело груженого пегого мула, и еще на спине у него была кой-какая поклажа. Заслышав громоподобный ор, Аэлла с Келайно выскочили наружу, а старуха Окипета так и застыла в двери.

Аэлла налетела на Мролика черным вихрем, схватилась за повод мула, вонзила во Мролика, будто нож, испепеляющий взгляд, попыталась что-то сказать – не успела, жарко вспыхнула, превратившись вдруг в зеркало, отражающее восходящее солнце, в глазах заблестели слезы... опрометью кинулась прочь, в домишко, и больше, аж пока неожиданный гость не убрался, не показывалась.

А Мролик на короткое время застыл – ошеломленный, смущенный невероятно, но скоро природная легкость взяла в нем верх над всеми другими чувствами, и он, разгрузив усталого мула, принялся отгребать камни и пристраивать к домику Окипеты крыльцо, насвистывая при этом нехитрую песенку, чтобы хоть как-то заглушить нескончаемое шипение Келайно.

С этого дня Мролик стал приходить постоянно, но с обитательницами «мертвой рощи» никак не общался; приходил, доставал инструмент и принимался за дело. Старуха Окипета к кому-нибудь на это время перебиралась (он первым делом решил починить ее развалюху – самую ветхую), рябая Келайно ходила вокруг и шипела, впрочем, если Мролик в подмоге какой нуждался – всегда на подхвате оказывалась; а Аэлла, как и в тот, первый, раз, запиралась в своей лачуге или взбиралась, рискуя каждый раз жизнью, на скалу, что черным зубом торчала сразу за рощей – там была у нее площадка, где Аэлла могла, ни малейшего страха не ведая, часами сидеть над бездонною пропастью и смотреть на долину, в которой жили бескрылые и свободные люди; потому Мролик с ней почти что и не встречался, а насильно увидеть и в мыслях у него не было, ждал, что все само образуется как-то...

9

Мролик как раз подошел с пегим мулом к развилке, когда с придорожного камня встал навстречу ему низкорослый сухой старик в длинном темно-синем плаще из верблюжьей шерсти. Голову и лицо старика скрывал большой капюшон – только злые глаза посверкивали, да борода седая клином наружу торчала, а правой рукой старик опирался на длинный посох, закрученный на конце в виде козьего рога.

– Ты в рощу идешь? – Голос у старика был презрительный, жесткий, будто Мролика за каким нечистым делом застал.

– Так в рощу, а ты кто будешь, чтоб вопросы мне задавать? – Мролик сорвал травинку, сунул в рот и хитрым недобрым взглядом выжидающе уставился на старика.

– Я староста чарну. Не ходи туда больше. Наш закон запрещает с ними общаться. Ты понял!

– Это ж что за закон такой и кому чего запрещает? – В глазах Мролика постоянно прыгали дерзкие бесенята, казалось, он всегда и над всем насмехается, а теперь, когда в голосе старика появилась угроза, бесенятки просто бешеный танец устроили. – Ты разъясни по-простому, а нет – убирайся с дороги, пока не...

Договорить не успел. Молниеносным движением старик посохом ткнул

его в пах так, что Мролик со стоном повалился на землю и только попытался подняться, как старик приставил ему острие рога к горлу и с ненавистью процедил:

– В другой раз убью, – и неспешно стал подниматься в горы.

10

Мролик навез из долины сухого вереска и стал примеряться, как будет сподручней одному крыть крышу Окипетиной развалюхи, когда наверх к нему взобралась Келайно и молча – вот диво – подсоблять стала. Только не долго молчала, да и понятно вскоре Мролику сделалось, что в этот раз затем только и взобралась, чтобы...

– Слышь, Работник (женщины имени странного парня не знали и не спрашивали, но чтоб хоть как-то к нему обращаться, Работником прозывали – поначалу с насмешкой и удивлением, а там это и вовсе в имя его превратилось, а имена, как известно, смысл свой напрочь теряют), слышь, Работник, – Келайно смотрела хитро и голос был – чистая патока, никакого тебе шипения, – новолуние скоро.

– Так что, работа будет напрасной, или крыша худая выйдет? – Мролик, не прерываясь, соорудил гримасу брезгливую, преуморительную, Келайно аж прыснула.

– Та нет. Не к тому я. Ты ведь к нам не Окипетину крышу чинить наладилась? Тебе Аэллку охота видеть, а Аэллка и глаз не кажет, все бесится. Осень пришла. Ты до того, как первый ледок на лужах поутру появится, не ходи к нам, не надо. В новолуние только приди, к полуночи ближе. Увидишь свою симпатию, какой и не ждешь. Новолуние уже скоро! – Ухмыльнулась, замолкла и больше ни слова не проронила, аж пока на закате Мролик в обратный путь не стал собираться.

11

– Кто из ваших к чарна чарну повадился, знаешь?

– Знаю, как же. Здоровенный такой? Только он не из наших. Наезжий. Мроликом звать. Толстого Кралиса сын. Валандался двадцать лет где ни попадя, воротился вот, дурью мается от безделья.

– Никогда и никто закон наш здесь не нарушал! Дурь бы окоротить.

– Можно и окоротить. Только он последнее время карабин с собой всюду таскает.

– Знаю. Если б не так, сюда б не пришел.

– Больше и не ходи. Только быстро управиться не удастся – силен больно да ловок. Потерпите там малость.

– Мы-то потерпим. Поздно бы не оказалось. Да и вам тоже. Запомни,

что я сказал!

12

В это время водят чарну медленные, бесконечные хороводы и поют тягучие песни на языке полузабытом и странном...

И Мролик это увидел!

Высокий костер горел на площадке перед домами; порывами налетал с гор сквозной, леденящий ветер, рвал, разметывал пламя, злобно выл в вышине, гнал вокруг огня косматые, кривляющиеся тени.

А возле огнища, будто в трансе, будто гостя из стороннего, невероятного мира, кружилась и голосом низким, гортанным, леденящим сильнее ветра, пела бесконечную, безотрадную песню Аэлла, а за спиной у нее – точно волшебный цветок – все в огненных отблесках, распустились широкие угольно-черные крылья. Непривычные, крылья мешали ей, и потому все движения были скованными, угловатыми, но в этом была удивительная, непривычная, не похожая ни на что потусторонняя красота.

Аэлла кружилась, протягивала к огню то руки, то крылья, становилась перед пламенем на колени и падала ниц, и лежала у огня неподвижно, вся распластавшись; иногда расправляла вдруг во весь мах роскошное свое оперение, подпрыгивала высоко-высоко и повисала над огнем неподвижно – казалось, сейчас охватит ее беспощадное пламя, и она в самый жар рухнет огненным ангелом (ужас охватывал тогда Мролика, он чуть не выскакивал из-за вяза), но потом осторожно, будто нехотя, опускалась танцовщица невредимой на землю с другой стороны костра и снова принималась кружиться, то прикикая, то отпрянывая от огня, и все пела и пела – не переставая, и лицо у нее во все время было неподвижным, каменным, невыносимо ужасным...

13

Необыкновенный, завораживающий танец околдовал Мролика, но вид крылатой, ужасной лицом Аэллы взорвал душу, ночью терзали кошмары, не высыпался, от долгого недосыпания сделался раздражительным, угрюмым... Временами чуть не лишался рассудка от желания снова увидеть, потом представлял ее с крыльями, с этим каменным, страшным лицом... и тошно так становилось, мутно... А через какое-то время уже снова бессилен и не находил себе места и никак не решался прийти снова в «мертвую рощу», увидеть, близко...

– Эй, нелюбезные дамы! Выбирайтесь! Встречайте гостя!

С этим кличем всегда появлялся он на площадке, даже если три женщины уже крутились перед домишками и хорошо его видели. Так было и в этот раз. Аэлла немедленно, как и всегда, убежала за рошу, старуха Окипета стала приветно махать руками, а Келайно застыла, как в ступоре, рот у нее приоткрылся, глаза чуть не выкатывались из орбит... Только когда Мролик уже подошел к домам совсем близко, она вышла из оцепенения и бросилась на него, вопя и брызжа слюной:

– Ты что, сдурел, совсем сдурел, ополоумел?! Явился зачем, придурочный, зачем снова явился?! Неужто не навидался?! Теперь чего, чего надо?!

– Так ты охолонь маленько. Чего разоралась? – Мролик со всегдашней своей дурацкой улыбочкой потянулся, лениво потрепал пегого мула по холке, положил Келайно на плечо тяжелую руку, согнул чуть не до земли, так что Келайно аж взвизгнула... – Вот пол у старухи dokonчу, там видно будет, а так-то работу на полдороге бросать вроде неже, – и закончил с небрежной угрозой, оттолкнув Келайно, как щепку, прочь с дороги, – иди, своим занимайся, в мое не встревай, а то ноги повыдергаю. Осмыслила? Ну и ладушки.

14

– Ты... долго не приходил.

Мролик и не услышал за работой, как вошла и теперь совсем близко стояла Аэлла, вся алая, точно от жара – он уже знал, как легко и мгновенно она краснеет.

– Да недомогал я что-то.

– А будешь к нам приходиться?

– А то как же. Мне еще надо вашей придурочной Келайно починить развалюху, да и твою после. Не брошу. Мне до запретов дрянных дела нету, разве сама скажешь, чтоб не приходил. И тогда тоже посмотрю, взаправду ли так желаешь.

– Проводи меня в табор. Помнишь, цыганка нас приглашала. Они еще здесь? Я никогда и нигде не была, ни разу праздник не видела.

– Да здесь они. Говорят, до весны останутся. Куда им в горы на зиму глядя карабкаться? Хочешь, я завтра одежду нормальную захвачу – не идти же мне грязным, как раз до полдня пол dokonчу, да и пойдем. Еще до заката там будем. А сегодня я к той цыганке схожу, попрошу, чтобы нам с тобой в таборе развлечение справили.

Они отчего-то говорили совсем-совсем тихо, почти шепотом, будто боялись, что услышит кто, будто могли кого-то или что-то спугнуть... и стояли

теперь совсем рядом, так близко, что Аэлла игру бесенят в глазах его синих видела. Ей вдруг стало спокойно, весело, всегдашняя хмурость сошла с лица, и так захотелось дотронуться до него, что она, неожиданно для себя, осторожно коснулась его руки...

Он в то же мгновение взял ее сильно за плечи, притянул, осторожно прикоснулся к губам... Это было мгновенное, огненное прикосновение, и они обожглись оба и, как от ожога, тут же отпрянули. Аэлла стремглав унеслась на свою площадку за рощу и до заката там просидела, а Мролик попробовал дальше работать, только все у него не ладилось, и он вскоре ушел.

15

– Келайно, сходи на базар, а, Келайно. Что Работник наш не приходит? Обещал, что придет Окипетин пол доделывать, сказал, обязательно – и не приходит. Сходи на базар, Келайно, ну пожалуйста! Может, случилось что.

– Аэлла, Аэлла, иди к нам, слышишь, Аэлла.

– Да зайди, не упрячься. Иди, милая. Садись, садись лучше. Сюда садись. Вот так. Говори, Келайно, ну говори, не тяни!

– Да что не тянуть-то. Понимаешь, сказать как, не знаю. Не придет сюда больше Работник. Мроликом его звали. Не придет больше. Понимаешь, не сможет прийти. Убили его... понимаешь? Он от цыган возвращался ночью, рядом с табором и убили. Нож в спину кинули...

– Аэлла! Ты что, Аэлла! Келайно! Да шевелись ты, ведь падает! падает!

До самого вечера молча, ни единой слезинки не проронив, просидела Аэлла на пороге своего дома, обхватив себя руками за плечи и раскачиваясь, точно маятник, из стороны в сторону, взад и вперед, и лицо у нее было белое, страшное, как у мертвой.

А когда опустилась ночь и на безоблачном звездном небе набрала полную силу луна, обдираясь о камни и не чувствуя боли, взобралась Аэлла к себе на площадку, постояла немного неподвижно над самой пропастью и, руки раскинув, будто в воду, бросилась в бездну. Но внезапно у нее за спиной с грозным шелестом развернулись огромные, угольно-черные крылья, и, набирая в полете скорость и мощь, глаз не спуская с долины, залитой дымчатым лунным светом, вихрем помчалась через ущелье обезумевшая от горя беспощадная гарпия.

Пузиков из Биробиджана

Может быть, мне стоило бы как-то переименовать героя. Но без этого имени наша семейная легенда потеряет прелесть...

Билеты в театр я покупала для родителей. Они всё на потом откладывали развлечения: мол, выйдем на пенсию и начнем ходить – по музеям, театрам и так далее. Отец и семейные альбомы собирался в порядок привести, как от работы освободится. Вышел на пенсию, открыл первый альбом – и закрыл, прослезился: никого из его обитателей уже не осталось. Так и с театром получилось – у мамы все равно нашлась куча неотложных дел – и с папой отправилась я.

Не суть важно, что именно и где мы смотрели, что позволили себе взять в буфете, – домой возвращались наполненные впечатлениями. Народу в метро было уже немного, мы оказались одни в пустом вагоне, но на следующей станции вошел какой-то растерзанный тип и уселся напротив нас. В форменной – или полуформенной? – черной шинели, распахнутой на груди. Из-под шинели виднелась грязно-голубая горловина нижней рубашки – кальсонный вариант, верхней рубашки почему-то не было. В руках шапка-ушанка со спущенными ушами и измочаленными шнурками, болтающимися от покачивания вагона. Голова обрита, но успела обрасти колючим бобриком.

Едва скользнув по нему взглядом (что нам до него?!), мы продолжали разговаривать. Вдруг этот странный попутчик встал и, покачнувшись без опоры, пересел к нам, а точнее, к папе. И что-то начал ему говорить. Что – слышно не было, гул поезда мешал, но было очевидно, что он о чем-то просит. Я поняла: сейчас нам испортят наш замечательный вечер. Потому что отец терпеть не мог попрошаек любого толка, всегда отвечал им сухим отказом, и теперь до самого дома я буду созерцать брезгливо поджатые папины губы, и разговорить его уже не удастся...

Чего я никак не могла ожидать – что отец растерянно повернется ко мне и спросит:

– Что делать? Он просится переночевать...

Я только развела руками. В семье сызмальства это была моя специальность: притаскивать с улицы всех, кому нечего есть, негде спать и не с кем поговорить, – выросла на «Тимуре и его команде».

Мы подъезжали к нашей станции. Папа не слишком радостно кивнул этому субъекту, и тот поспешил за нами к эскалатору.

– Понимаешь, – попытался объяснить мне папа, – он заговорил со мной по-еврейски!

Надо сказать, что отец вырос в Ленинграде, бабушка с дедушкой между собой говорили только по-русски, и отец на идиш знал разве что несколько слов: «лехаим», «шлемазл» и «мешугене», – что там еще входило в обязательный праздничный комплект?

Тем временем столь неожиданно обретенный нами постоялец, с некоторой судорожностью ухватившись за поручень, установил себя на ближайшей ко мне ступеньке эскалатора и, довольный, что с главой семьи вопрос уже решен, радостно представился мне:

– Здравствуйте! Я Пузиков! Из Биробиджана!

В трамвае ничтоже сумняшеся Пузиков плюхнулся на сиденье рядом с папой и всю дорогу что-то ему рассказывал. К моему удивлению, отец не отмалчивался, как-то тоже участвовал в разговоре. Но в лифте замолк, и к девятому этажу папино лицо приобрело окончательно виноватое выражение.

Дверь открыла мама.

Неопределенно пожав плечом, папа просочился по коридору вглубь квартиры. Гость, не прерывая разговора, на ходу вежливо представился маме:

– Пузиков! Гриша Пузиков, из Биробиджана! – И попытался проследовать за хозяином. Но не тут-то было.

– А документы у вас есть? – загородив проход, поинтересовалась мама.

– Да, конечно, – осознал неожиданное перераспределение ролей Пузиков.

Он слегка отвернулся и расстегнул штаны. Повозившись там, он вытащил из потайного кармана теплый и еще не потерявший форму прилежавшей к документу части тела паспорт.

– Пузиков, Григорий Федорович, – еще раз представился он по всей форме. – Из Биробиджана. Работаю весовщиком на станции «Биробиджан-2».

– А к нам как?

– Так у меня билет бесплатный. Давно хотел посмотреть Ленинград. Я каждый отпуск выбираю маршрут – где еще не был.

– Простите, а почему у вас голова бритая? Вы, случайно, не сидели? – мама прочно стояла на воротах.

– Сидел! – радостно подтвердил Пузиков. – От звонка до звонка!

– За что? – представляя себе самое ужасное, мама растопырила локти, своим телом защищая семью.

Необходимость допроса была очевидна. Пузиков не обиделся.

– Понимаете, – стоя у входной двери, начал объяснять он, – служил я

тогда в армии и попал в госпиталь. Возвращаюсь в часть...

– С чем? В госпиталь – с чем?

– А! С шизофренией! – разудыбался в ответ Пузиков. Мама побледнела.

– Так вот, возвращаюсь я в часть, устал с дороги, а тут старшина приходит и говорит: «Пузиков, иди зарплату за время болезни получи». А я говорю: «Ну ее, я спать хочу». А старшина пошел и пожаловался лейтенанту.

– И что?

– Тогда лейтенант пришел ко мне и спрашивает: «Ты это почему не подчиняешься приказу? Иди и немедленно получи деньги!» А я говорю: «Товарищ лейтенант! Если я сейчас послушаюсь вас, то получится, что я не уважаю товарища старшину. А я ведь на самом деле его уважаю!» И не пошел. А товарищ лейтенант пожаловался капитану. И капитан пришел ко мне и очень сердился. Ну, мне пришлось и ему сказать, что если я сейчас подчинюсь и пойду за деньгами, то получится, что я не уважаю товарища лейтенанта и товарища старшину. А я ведь их очень уважаю! Тогда капитан доложил майору – он у нас тогда в части самым старшим был. И мне опять пришлось отказаться – иначе бы получилось, что я не уважаю уже всех троих. Майору докладывать дальше было некому, и он отдал меня под трибунал.

– И долго сидели?

– Как раз получилось, что всю войну и просидел.

Маме пришлось отступить, и гость был допущен на кухню.

За столом Пузикова прежде всего предупредили, что утром мы все уходим рано, и сразу после завтрака ему придется уйти.

Хотя час был уже поздний, Григорий Федорович успел рассказать немало.

Что маршрут его составлен по железнодорожной карте, мало где он пользуется другим транспортом. Что останавливается он и в городах, и на небольших станциях. Что по дороге он навещает и своих, и Таниных (жены) родственников, в том числе знакомится с теми, которых ни он, ни Таня никогда не видели. Заезжает и – по просьбе соседей – к их друзьям и родственникам. А в нашем городе у него никого нет, в Доме колхозника мест не было, а в гостиницу не пустили. И он не знал, что делать, и тут в метро увидел еврея. И заговорил с ним на идиш.

– Так вы еврей? – спросила мама.

– Нет, я русский. Но у нас все идиш знают, мы же с соседями разговариваем.

На ночь мама на всякий случай перецеловала нас, взрослых детей, чего не делала уже много лет. И несколько раз за ночь обошла квартиру дозором.

Утром Пузикова напоили чаем и отпустили.

За неимением в доме серебряных ложек мама пересчитала мельхиоровые, одной, разумеется, недосчиталась, расстроилась, и на этом мы все разъехались по своим работам. А когда вернулись, нас ждала телеграмма. С обращением к каждому из нас по имени и отчеству, с благодарностью за гостеприимство и подписью: «Гриша».

Ложка нашлась – в вазочке с вареньем.

С дороги Григорий Федорович посылал письма. С рассказами о встречах и людях. Кстати, до конца свой маршрут он так и не проехал. В одной из семей услышал о больших проблемах незнакомых ранее людей, отдал им все деньги, что у него были припасены на путешествие через всю страну. Оставил себе на самолет и на пару дней – перекусить.

А потом пошли посылки. Ящик с сухим молоком и яичным порошком – в нашем разговоре я успела восхититься, что у них в Биробиджане есть такие замечательные продукты, которые такгодились бы в моих туристских походах. Ящик с дальневосточными травами – он запомнил, что папа жаловался на больные суставы. К этой посылке была приложена подробная инструкция: траву следовало четыре часа кипятить в баке с мочой, после чего... Дальше мы читать не стали, поэтому я всего рецепта не помню.

Поздравления к праздникам и письма приходили много лет. Многоцветные – он их писал разными фломастерами. С поговорками и философствованиями, с отчетами о сборе профсоюзных взносов на станции «Биробиджан-2» и перечислением должников, с известиями о том, насколько успешно идет снабжение углем на зиму жильцов его улицы.

Мы отвечали.

А потом письма приходить перестали.

Героический подвиг семьи тен Бом

Смысл жизни не в ее продолжительности, а в помощи людям, нуждающимся в этом.

Корри тен Бом, Рыцарь Нидерландов, Праведник народов Мира

Голландская христианская семья тен Бом в годы гитлеровской оккупации спасла от уничтожения около 800 человек, свыше 700 из которых были евреи. В феврале 1944 года фашисты арестовали главу семьи Каспара и его дочерей Корри и Элизабет. На волю вышла только Корри, она, несмотря на слабое здоровье, посетила 60 стран, где страстно выступала против зверств нацистов, и, исходя из своих религиозных убеждений, призывала недавних убийц к искреннему покаянию, а узников к искреннему прощению. Спасенные люди помогли ей создать книги о пережитом и кинофильм. Королева Нидерландов присвоила Корри звание Рыцаря, а Яд ва-Шем присвоил Корри, ее отцу и сестре звания Праведников Мира.

Вместо предисловия

Пару лет назад мой друг Борис Годин, мудрый, смелый и скромный человек, с энтузиазмом рассказывал мне о величественном Музее друзей Сиона в Иерусалиме, построенном христианами-евангелистами для увековечивания памяти их многолетней помощи еврейскому народу. В моем окружении он – единственный истинно верующий человек, добросовестный консультант по всем религиозным вопросам. Я рассказал Борису, что видел подобный музей, правда, в меньших масштабах, в Голландии, созданный в честь героической семьи тен Бом, спасшей от фашистов сотни евреев. Борис сразу стал настаивать, чтобы я написал статью об этих героях, обещая любую помощь. Во время своих туристических поездок я всегда записывал рассказы экскурсоводов. Но когда мы взглянули в записи 15-летней давности, то оба ужаснулись. Большинство слов состояли только из первых двух-трех букв, во всех многочисленных цитатах приведены лишь первые слова. Стало ясным, что предстоит большая подготовительная работа. Борис сказал, что все это возьмет на себя, а мне нужно начать писать те фрагменты, о которых есть полная ясность. Мы регулярно обсуждали написанный текст, и нередко возникали споры. Самый яркий пример. Из записей рассказа музейного гида следовало, что главной мотивацией подвига семьи тен Бом была искренняя вера в библейские

принципы, требующие помогать невинным людям, попавшим в беду, а я, как человек нерелигиозный, представил их как людей мужественных, решительных и честных, не особенно подчеркивая религиозный фактор. Борис убедительно возражал: «Свои наблюдения и мысли ты можешь трактовать как хочешь, слова гида ты можешь изменять, но идеологию ее рассказа изменять не следует. Ты должен дать правдивую картину того, чему был свидетелем». Когда черновик статьи был готов, я, учитывая, сколько труда и времени потратил на это Борис, сколько дал полезных советов, решил включить его в число авторов, но он возражал: «Я не был в этом Музее, но хочу, чтобы как можно больше людей узнало об этих героях и, конечно, помогал тебе просто по-дружески. Я не желаю, чтобы кто-то мог подумать, что я помогаю из меркантильных соображений». Я полагал, что этот вопрос с помощью наших общих друзей легко решится в дальнейшем, но судьба решила его сама. Совершенно неожиданно Борис навсегда покинул нас...

После такого события мне больше не хотелось заниматься статьей, но друзья Бориса убедили меня возобновить работу и непременно написать, что она вышла в свет благодаря настойчивости Бориса и его огромной помощи. Это мотивировало меня возобновить работу как дань его светлой памяти. И теперь, пишу это со слезами на глазах, ничто не сможет помешать мне поставить имя Бориса Година как соавтора статьи.

В 2007 году я путешествовал по Голландии в составе израильской группы русскоязычных туристов. Голландия для туристов страна очень интересная – много значимых средневековых памятников, отношение к природе благоговейное. Всюду клумбы с цветами, да что там клумбы – в определенные дни центральные площади ряда городов закрываются для движения, а на них создается яркий ковер из живых цветов – фантастическое зрелище. Голландцы очень трудолюбивые люди, недаром в соседней Бельгии существует поговорка: «Если Вы приехали в страну, где коровы более ухожены, чем доярки, значит, Вы приехали в Голландию».

Три дня мы провели в Амстердаме, столице страны, хотя по конституции правительство и парламент находятся с 1588 года в Гааге. Название Амстердама возникло после возведения *дамбы* на реке *Амстел*. В городе сотни каналов, которые делят его центр на 100 островов, соединенных 1500 мостами. Не удивительно, что его называют «Северной Венецией». У Амстердама есть и другое название – «Город бриллиантов». Из-за вечных гонений на евреев в Испании многие из них уехали в Амстердам и там создали новые отрасли хозяйства. Особенно значимым стало возникновение алмазного производства, связанного с гигантскими финансами. Вскоре огромная инфраструктура возникла вокруг алмазной фирмы с весьма высокими заработками, что резко улучшило уровень жизни многих

жителей, ставших убежденными противниками антисемитизма. Но и антисемитов оставалось предостаточно, потому одни амстердамцы спасали Анну Франк, а другие выдали ее фашистам.

Утром на третий день нашей жизни в Амстердаме, гид объявляет расписание: «В 11 часов от гостиницы отправляемся в музей Анны Франк, вечером 15 человек со мной в театр, 10 человек с местным гидом в район Красных фонарей, четверо во главе с Вениамином на стадион «Аякс», пока можете сходить в соседний супермаркет, но не опаздывайте. Голландцы очень ценят порядок и порядочность! Опоздаем – могут не пустить».

Но вскоре оказалось, что, несмотря на любовь к порядку, и в Голландии беспорядки случаются. Выявилось, что из-за какой-то ошибки экскурсия нашей группы не запланирована, и нам предложили встать в общую длинную очередь, а это, наверно, 4 часа. Я представился администратору и спросил, как лучше использовать эти 4 часа. Она говорит: «Израильтянам я советую пойти в родственный нам музей семьи тен Бом в Харлеме, которая в годы войны спасла сотни евреев. Главная героиня этого подвига Корри тен Бом прошла фашистские лагеря и, вернувшись, описала все это в книге «Убежище», по которой поставлен знаменитый кинофильм». Короткое совещание нашей группы – никто и не слышал о Корри тен Бом, и 11 человек согласны ехать в Харлем. Это радует администратора, она быстро звонит по телефону, а потом сообщает, что там нас ждут, и через 3 минуты у соседнего дома будет большое такси на 11 человек, так что поездка станет дешевой. Услышав слово «дом», я вспомнил о наших спорах и спросил: «Почему в старинных домах фасады такие короткие?» Она отвечала, что налог на домовладельцев определялся длиной фасада, вернее, площадью окон. Уже уходя, я услышал поразительные слова: «Группенфюрер Бенджамен!» Я растерянно оглянулся и увидел, что администратор машет мне рукой: «Бенджамен, возьмите мою визитку, если будут трудности – позвоните мне, я помогу». Только тут я понял, что для нее слова «группенфюрер» означают всего лишь «руководитель группы», это для нас они общеизвестный штамп – «группенфюрер Мюллер». Кстати, потом, когда я рассказывал эту историю, то выяснилось, что подобное происходило и в других местах. Наш израильский гид, присутствующий при этом разговоре шепнул мне: «Яркий пример, что голландцы за порядок и порядочность».

От Амстердама до Харлема 20 километров. Через 30 минут мы подъехали к музею, он расположен в магазине, принадлежавшем семье тен Бом и примыкающем к их дому, на котором надпись: «ТЕН БОМ». Первый вопрос местному гиду: «Что значит слово *тен*?» Она объясняет, что во многих странах есть приставки перед фамилией, уточняющие ее статус. В Гер-

мании слово «фон» указывает на принадлежность к дворянству, во Франции, Испании, Италии эту роль выполняют приставки «де» и «ди», в Ирландии буква «о» означает потомок, в Армении наличие приставки «тер» указывает на наличие в семье предка с религиозным авторитетом. В Голландии приставки «ван, де, ден, дер, тен, тер» указывают на место проживания родоначальника семьи, его профессии, его прозвища, удачные и неудачные события в его жизни. Сначала гид сказала несколько слов о городе. Харлем основан в X веке, т. е. он старше Москвы. В нем проживает 150 тысяч жителей, а по улицам курсируют 150 тысяч велосипедистов. Его житель Клас ван Рузвелт в XVII веке уехал в Америку. Его семья дала США двух президентов, 26-го и 32-го, фамилии которых стали Рузвельт. В городе два общеизвестных музея. Научно-технический музей Тейлора основан в 1778 году – один из старейших в Европе.

Тут мы вмешались, заявив, что царь Петр создал в Петербурге Кунсткамеру на 60 лет раньше. Гид разъяснила, что кунсткамера – это коллекция диковинок, как зоопарк, где можно увидеть то, что не видим каждый день, а в музее Тейлора энтузиасты науки работали с новинками техники и продвигали Науку. Еще более известен музей художника Франса Хальса. Его картины экспонируются в главных художественных галереях мира, включая российский Эрмитаж. Музей Хальса создан в 1862 году, на 5 лет раньше Третьяковки. За 100 лет до Гуттенберга в нашем Харлеме была отпечатана типографским способом, пусть и очень примитивным, первая книга в истории человечества – «Зеркало нашего спасения».

Гид продолжает. Хватит общих сведений. Перейдем к рассказу о героях семьи тен Бом. Сначала поговорим о династии этой семьи. В СССР говорить о династии было опасно. Вдруг выяснится, что кто-то из твоих далеких родственников был белым офицером, царским чиновником или, не дай Бог, служил под начальством осужденного в 1937 году. В Голландии всё иначе, и все семьи собирают сведения о своей истории.

Рассказ начнем с Геррита, прадеда Корри, о нем есть конкретные данные. В 1795 году армия Наполеона захватила Голландию. Вольнолюбивый Геррит часто указывал французскому жандарму на случаи нарушения французской полицией существующих законов. Однажды жандарм не выдержал его критики и закричал: «Что ты себе позволяешь, кто ты, у тебя даже фамилии нет!». Действительно до Наполеона в Голландии обходились без фамилий, он приказал всем выбрать себе фамилию и узаконил их. Когда Наполеон оказался на острове Святой Елены, народ хотел отказаться от «оккупационных» фамилий, но чиновники увидели, что при наличии фамилий управление упрощается, и фамилии остались. В ответ на оскорбительные слова жандарма, Геррит отвечал: «Ты спрашиваешь, кто я, а я всеми уважаемый человек за профессиональное мастерство и презрение к лжи». Жандарм поинтересовался: «А в чем ты профессионал?».

Услышав в ответ, что сейчас, зимой, он выращивает клубнику, жандарм усмехнулся и предложил принести свежих ягод. После пробы он дружелюбно сказал: «Геррит, ты большой дурак. Хорошо, что ты нарвался на меня, а не на такого же дурака, как ты сам. С таким талантом надо растить клубнику, а не бездельничать в тюрьме. Сейчас подпишем договор, что мы покупаем весь твой зимний урожай». Но последнее слово Геррит оставил за собой: «Продать тебе все я не смогу, я уже обещал разным людям ягоды. Но что осталось – продам по той же цене, что и всем».

Про Геррита очень мало сведений, неизвестны даже точные года его жизни, но приведенный эпизод хорошо характеризует менталитет семьи тен Бом – высокий профессионализм, честность, доброжелательность и готовность постоять за свои убеждения даже в борьбе с властью имущими.

Виллем (1817–1891), сын Геррита и дед Корри, первым в семье учился на часовщика и в 1837 году и нарисовал часы на фасаде своего дома. Его семья по традиции придерживалась нидерландской реформатской церкви и очень уважала взгляды одного из ее идеологов Жака Кальвина, убежденного в абсолютном приоритете искренней веры в Бога для спасения души, и потому не ценившая чрезмерного преклонения перед институтами церкви, главное – ваш личный контакт с Богом. Виллем активно сотрудничал с еврейской общественностью, и когда в 1844 году пастор Амстердама попросил его вступить в христианскую «Общину за Израиль», он незамедлительно вступил и энергично действовал. Вскоре он перенес молитвы за возрождение Израиля из церкви в свой дом, и так продолжалось почти 100 лет до 28 февраля 1944 года, когда гестапо арестовало его детей, внуков и правнуков. В книге шведской писательницы Каролы Карлсон «Корри тен Бом – веселая служанка Бога» сообщается, что Виллем часто рассказывал детям, как в молодости ему помогали друзья-евреи: «Я полюбил Божий древний народ, который дал нам Библию и Мессию». В кабинете Виллема висел портрет его современника, известного поэта и богослова Исаака да Косты, который в 1821 году перешел в кальвинизм, но, вопреки большинству выкрестов, сохранил интерес и к иудаизму, и к судьбе еврейского народа. Однажды какой-то гость, указывая на портрет да Косты, спросил Виллема: «Неужели ты всерьез веришь, что прогноз о возрождении Иудеи когда-нибудь сбудется?» И Виллем отвечал: «Ты на днях, выступая в суде, клялся на Библии, что будешь говорить правду. А ты прочти в Библии в Дварим главы 28 и 30. Там четко сказано, что, когда евреи покаются за отход от Торы, Бог простит их и поможет *вернуться в дом отцов*; Библия нужна не для того, чтобы клясться в суде, а чтобы жить по ее Заветам». В остром богословском споре в ответ на слова, что Иисус после воскресения перестал быть евреем, а стал «Братом всему человечеству», Виллем уверенно возразил: «Ты, безусловно, прав: Иисус – Брат всему человечеству, а, следовательно, и евреям.

Вспомни какие самые последние слова Иисуса в Новом Завете: «Я Иисус – корень и потомок Царя Давида – звезда утренняя и светлая». И затем уверенно добавил: «Когда мы помогаем евреям, мы помогаем членам земной семьи Иисуса».

Каспар (1859–1944), сын Виллема и отец Корри. Он пошел по стопам отца и как часовщик достиг большой известности. Он был известным членом кальвинистской религиозной общины и активно сотрудничал с еврейской общественностью, имея много близких друзей-евреев. К началу войны он и две его незамужние дочери – Элизабет, Корри, – и три сестры Каспара жили в его доме, двое семейных детей, сын Виллем и дочь Нолли, жили отдельно. Помимо этого, у него было трое приемных детей. Первого, немецкого мальчика, потерявшего родителей, он усыновил еще в 1918 году. Когда фашисты захватили Голландию, они ввели множество антиеврейских законов – запрет на ряд профессий, запрет ходить по тротуарам, требование носить Звезду Давида. Каспар в знак протеста стал носить Звезду Давида и ходить вместе с евреями. Один его приятель, пытавшийся приспособиться к оккупантам, сказал ему, что он понимает причину антиеврейских законов – это вечное стремление евреев к превосходству. Каспар отвечал: «Ты прав, евреи действительно стремятся к превосходству, но лишь потому, что им отказано в равенстве».

Многим в нашей группе эти слова показались знакомы. При проверке выяснилось, что они принадлежат известному сионисту Максу Нордау. Этот эпизод еще раз показывает мировоззрение Каспара и помогает понять мотив его героических действий.

Когда начались облавы на евреев, он стал прятать их, сначала соседей, потом и незнакомых людей. Незадолго до ареста к нему пришел знакомый пастор и сказал: «Даже мне известно, что в доме тен Бомов прячут евреев, а ты, нееврей, ходишь по улицам со Звездой Давида. Неужели тебе не ясно, что это приглашение немцам посетить твой дом? Немедленно прекрати делать и то, и другое. Сейчас не 1940 год, а начался 1944-й, по новым законам за укрывательство евреев тюрьма, а то и показательный расстрел». Каспар, подумав, отвечал: «Новые законы несправедливы, посягают на Божью власть, когда немцев победят – эти законы отменят и восстановят Божьи, которые требуют помогать тем, кто в этом нуждается. Ты же сам всю жизнь меня учил этому». И, еще подумав, добавил, что насчет Звезды Давида ты, конечно, прав. Пастор ушел со слезами на глазах.

Элизабет (1885–1944), дочь Каспара и старшая сестра Корри, в семье все называли ее Бетси. Она родилась с очень слабым здоровьем, врачи даже не рекомендовали ей заводить семью. При этом она отличалась изяществом и редким чувством комфорта, ее подруги по немецким тюрьмам единодушно отмечают, что она умела с помощью нескольких листочков и

лоскутков ткани украсить их убогое жилище. Искренне верующий человек, она решила посвятить всю свою жизнь добрым делам: «Вместе с Богом сквозь огонь и воду». С 15 лет вела хозяйство в доме отца и работала бухгалтером в его магазине, примыкающем к дому. Учитывая менталитет Бетси как подлинной подвижницы, неудивительно, что она сразу активно включилась в опасную работу по спасению невинных людей, а в условиях фашистской оккупации в основном это были евреи.

Виллем (1866–1946), брат Корри. С раннего детства отличался большими способностями. По семейной традиции активно сотрудничал с еврейской общественностью, выучил иврит и провел ряд исследований древних текстов. Его менталитет становится понятным в свете искреннего упоминания известных слов рабби Гамлиэля в «Пиркей авот»: «Чем больше богатств, тем больше беспокойных забот». Иногда он произносил эту фразу в редакции Бенджамена Франклина: «Умножаешь свое богатство – умножаешь свои слезы». В 1930 году он написал книгу о грядущем подъеме антисемитизма в Европе и особенно в Германии. Конечно, он не мог даже представить себе Освенцим и Бабий Яр, но почему он так уверенно определил будущую Германию как главного антисемита Европы? Виллем объясняет это таким образом. Немцы очень быстро и охотно поверили, что их поражение в Первой Мировой войне произошло из-за предательства евреев. Многие евреи добровольно пошли на фронт, многие, служившие солдатами, сержантами, младшими офицерами за личную храбрость были награждены, а в высшем руководстве после отставки Отто фон Бисмарка еще в 1890 году не осталось ни одного еврея, и немцы отлично знали, что виновность евреев за поражение в войне – это подлая ложь, но с радостью стали ее соучастниками. Люди, которые возражали этой лжи, например, известный писатель Эрих Мария Ремарк, подвергались преследованиям. И не забудьте, что книга Виллема вышла в 1930 году, еще до захвата власти Гитлером. Виллем предсказывает, что все, кто хорошо знает немцев, не сомневаются, что эта ложь перерастет в антиеврейскую истерию.

Тут мы спросили гида: «Как Виллем оценивал Теодора Герцля?». Она отвечала, что он прочитал все книги Герцля и характеризовал его как человека, для которого судьба родного народа была важнее собственной судьбы. В спорах с «благополучными евреями» он часто цитировал Герцля: «Спасение нации только в ее собственных руках, если она на это не способна, ей невозможно помочь». Она добавила, что у Виллема были длительные споры по поводу правильности одного вывода в знаменитой книге Герцля «Der Judenstaat»: «Еврейское государство по разным причинам потребно всему миру и, следовательно, оно возникнет». Очень многие полагали, что это ошибка, еврейское государство не нужно многим странам, оно не нужно даже многим евреям. К сожалению, Виллем не дожил

до 29 ноября 1947 года, когда все признали правоту этого прогноза Герцля. Сталин, готовивший массовую ссылку советских евреев в Сибирь, вдруг на Сессии Генеральной ассамблеи ООН проголосовал за создание еврейского государства и помог получить оружие. Конечно, его не интересовало еврейское государство, а интересовало создание нового очага конфликтов, нежелательного для колониальных стран, и вскоре он уже поставлял оружие арабским террористам.

Но вернемся к семье тен Бом.

Кристиан (1920–1945), сын Виллема, спас американского летчика, но затем был схвачен гестаповцами, считается, что он погиб в апреле 1945 года.

Нолли (1890–1953), сестра Корри. Работала школьным учителем, была матерью семерых детей, жила вдали от родного дома и потому меньше других детей Каспара участвовала в спасении людей, но также была арестована.

Корри (1892–1983) – главная героиня нашего рассказа. Она была обыкновенной голландской женщиной, правда, человеком с высочайшей моральной ответственностью, но очень скромной в отношениях с людьми, работала часовщиком в мастерской отца и, конечно, даже не представляла, что в недалеком будущем превратится в героиню борьбы с гитлеровской оккупацией, пройдет через немецкие лагеря смерти, затем получит звание Рыцаря Голландии и будет признана одной из самых выдающихся евангелисток XX века. Ее имя по паспорту Корнелия, но все называли ее Корри, что менее формально. Как если в России вместо «Екатерина» говорить: «Катя». Даже на ее книгах имя автора звучит как Корри тен Бом. Кстати, «бом» по-голландски означает «дерево», что позволило нашей группе красиво обыгрывать это обстоятельство, так как «Дерево жизни» – это посаженное Богом дерево в райском саду, плоды которого дают бессмертие. Корри родилась очень болезненной, врачи сомневались, что она выживет, но беспримерная забота родителей помогла восстановить ее здоровье. От родителей Корри унаследовала искреннюю веру в Бога и симпатию к евреям. Как и старшая сестра Элизабет, она не смогла создать семью и всю жизнь нежно заботилась о сестре. Корри очень хотела иметь возможность помогать людям, а не находиться на иждивении отца, поэтому закончила в Швейцарии специальные курсы и в 30 лет стала первой в Голландии женщиной с дипломом часовщика, успешно проработавшей до своего ареста в 1944 году. Одновременно она закончила церковное училище и преподавала в обычной школе Закон Божий. Кроме того, она организовала Клуб для воспитания молодежи, добиваясь повышения ее морали и интеллекта. Многие ее ученики рассказали о педагогических приемах «нашей Корри». Так, одна девушка пишет, что «Корри заметила мое беспрестанное волнение и спросила о его причине.

Я ответила, что не могу решить, какое платье надеть на завтрашний праздник. Тогда она сказала: «Мама говорила, что чрезмерное беспокойство не поможет тебе в решении завтрашних дел, но уже сегодня лишает тебя сил». Другая девушка спросила: «Что же такое *счастье*?» Корри опять ответила словами своей мамы, умершей еще в 1921 году: «Счастье не очень зависит от окружающих нас обстоятельств, это то, что *мы сами* создаем в своем сердце». Корри в своей книге «Убежище» пишет, что она вспоминала эти слова мамы каждый раз, когда видела, как радовалась в фашистской тюрьме ее умирающая сестра Элизабет, если ей удавалось подавить паническое настроение у своих подруг. На вопрос «откуда берутся дети?» она вспомнила слова своей тети: «Когда младенец еще очень слабый, чтобы пережить тяготы этого холодного мира, он живет там, где всегда тепло и где он сможет вырасти, чтобы затем переносить тяготы нашего холодного мира». И еще один случай, но совсем другого плана. Корри получает сложный вопрос о мироздании. Она отвечает: «Этот вопрос я задала своему папе много лет назад. Мы с ним тогда относили заказчикам исправленные часы и брали в ремонт другие. Вес нашей сумки не снижался. Папа в ответ на мой вопрос о мироздании предложил мне нести сумку. Я взмолилась: «Папа, сумка очень тяжелая, я не могу ее поднять». И тогда папа взял сумку и сказал: «Через несколько лет ты сможешь нести такую сумку и сможешь понять этот сложный вопрос, обожди немножко. Всему свое время, а твое время скоро придет!»

Благодаря своим профессиональным делам, Корри была знакома с множеством людей. И все они уважали ее за истинно благородный характер. Когда пришло время спасать людей, то Корри ко многим обратилась за помощью. Более 80 человек согласились помогать ей, и это без всякого материального вознаграждения, при огромном риске для собственной свободы. Так Корри совершенно неожиданно для себя стала руководителем крупной подпольной организации, вступившей в борьбу с фашистскими оккупантами.

Первая Мировая война обошла Голландию стороной. Многие голландцы в 1939 году верили, что так будет и на этот раз. Но на этот раз случилось иначе. 10 мая 1940 года войска Германии вошли в Голландию. Началась 5-летняя оккупация. Немцы сразу ввели против евреев оскорбительные законы и лишили их права работать во многих профессиях. Власти Голландии умоляли оккупантов, чтобы это не касалось работников алмазной отрасли – одной из важных доходных статей бюджета. В конце концов разрешили ДО КОНЦА ВОЙНЫ сохранить из 5000 евреев-специалистов только 1000 наиболее необходимых.

В первые полгода арестов евреев практически не было. Немцы хотели, чтобы этими делами занималась местная полиция при активной помощи местного населения. За выдачу каждого еврея полагалась премия в 7,5

гульденов, сейчас это примерно 90 долларов. Люди, вставшие на этот путь, желали победы Германии, ибо в противном случае им грозил суд. Только в трех завоеванных странах немцы не смогли добиться этой цели: в Албании, Дании и Болгарии, а в Голландии добились, и в начале 1941 года на улицах появились спецподразделения голландских нацистов, устраивающих совместно с гестаповцами облавы на евреев. В середине февраля 1941 года немцы впервые арестовали большую группу евреев – 380 человек. В ответ началась общеголландская забастовка. Немцы поняли, что большинство голландцев не принимает нацизм, и летом 1942 года сами приступили к массовой депортации евреев. До войны в стране проживало 140 тысяч евреев, после войны осталось 30 тысяч. Всего в Европе по данным за 2020 год было 1,3 млн евреев. Миллион из них живет в Англии, Германии и Франции, в Голландии – 44 тысячи. Следует особо отметить, что подпольный антифашистский комитет Нидерландов создал в своем составе специальную группу по спасению евреев. Редчайший случай для оккупированной Европы.

Первого человека семья тен Бом спасла в ноябре 1941 года. Это был сосед-еврей, попросивший ночлега в их доме. Каспар дал согласие, не задавая никаких вопросов. Потом такие просьбы, в том числе от совершенно незнакомых людей, стали очень частыми. Иногда спасающимся, пережидая облавы, приходилось по многу часов находиться в доме тен Бом. Затем людей прятали в надежных местах или вывозили из страны.

В мае 1942 года положение резко осложнилось. Немцы, помимо облав на улицах, стали врываться в частные дома по наводке своих голландских агентов. На семейном совете тен Бом было решено создать секретную комнату размером 2х0,8 метров с искусно запрятым входом и системой циркуляции воздуха. В случае налета полиции в комнате могло укрыться 6 человек. В это время к ним в гости пришел человек, отца которого Каспар хорошо знал, и стал спрашивать: «Зачем Вы ищете строителя?». Каспар рассказал о планах секретной комнаты. Гость возмутился: «Как можно незнакомому человеку сообщать такие смертельно опасные вещи?!» Каспар отвечал: «Я хорошо знал Вашего отца, не поверю, что его сын мог потерять благородство». Гость усмехнулся: «Каспар, дорогой, выбросьте такие мысли из головы. Я знаю немало людей, чьи родители были примером благородства, а дети активно сотрудничают с оккупантами. Я завтра пришлю строителя, он выберет момент, когда рядом с Вами не будет людей и скажет фразу-пароль: «У моей сестры старинные часы шведской фирмы, возьметесь их чинить?». Каждый, кто будет приходить от меня, скажет этот пароль. К Вам многие приходят чинить часы. С теми, кто приходит без этой фразы, никаких антигерманских разговоров. Все беженцы должны находиться на верхнем этаже дома, где будет убежище, никакие их контакты с

посторонними посетителями не допускать». Затем гость дал много полезных советов. Например, увеличить число замков на дверях, чтобы в случае облавы затянуть время их открытия, один из многочисленных членов семьи должен всегда смотреть в окно и немедленно сообщать об опасности, если беженец спал на матрасе, то необходимо сразу после подъема матрас перевернуть на другую сторону: замечено, что немцы сразу же ощупывают матрасы, и если в доме лишь два жильца, а в трех кроватях теплые матрасы, то... И самое главное – когда комната-убежище будет готова, каждого вошедшего в дом беженца немедленно тренируйте на умение быстро оказаться в убежище». Уходя, гость сказал: «Прежде, чем зайти в ваш дом, я целый час наблюдал за ним, по-моему, слежки за ним нет, но я видел, как Ваши дочки несли в дом кирпичи. Это совершенно недопустимо, никто не должен видеть это, может быть донос в полицию, прекратите эти работы на несколько дней». Лишь после войны выяснилось, что этот гость был членом спецгруппы по спасению евреев подпольного антифашистского комитета Голландии.

Вечером Каспар рассказал детям о прошедшей беседе, особо выделяя такие слова утреннего гостя: «С позиции конспирации вы совершали серьезные ошибки, но Небо было к вам милостливо. Но так не может продолжаться вечно, будьте более осторожны». Каспар попросил детей рассказать об их наиболее рискованных действиях, которые они теперь считают ошибочными и не повторяют. Самое интересное могла бы рассказать Корри, что она и сделала, но лишь в своих послевоенных книгах: «Беженцев надо кормить, а поскольку немцы ввели продажу продуктов питания только по спецкарточкам, то у нас не хватало для этого еды. Я пошла к Фреду, отцу своей любимой ученицы, который служил в учреждении по распределению этих карточек в Харлеме, и попросила 100 штук. Он сказал мне: «Корри, как вы не боитесь прийти к малознакомому человеку и просить такие вещи? За два года оккупации многие наши люди изменились. Корри, дорогая, я очень уважаю Вас и отлично понимаю, что для себя Вы не пришли бы с такой просьбой, а просите для *хорошего* дела. Я ничего не обещаю, но постараюсь помочь. Приходите завтра, а сегодня одна, но большая просьба – никому ни слова о нашем разговоре, даже Вашему благородному отцу». Назавтра я снова пришла к нему и увидела на лбу большой синяк. Оказалось, ночью к нему в квартиру влез грабитель, взял со стола 100 карточек, предназначенных для меня, и пытался открыть сейф. Фред проснулся, с криком вступил в борьбу, и грабитель убежал. Я стояла растерянная и не знала, что сказать, а Фред с улыбкой вручил мне пачку карточек и сказал: «Корри, я сам разбил себе лоб, сходил в полицию и рассказал им эту историю, сообщив номера потерянных карточек, ибо они все равно узнают эти номера, так что разумнее это сделать мне самому. Покупать по этим карточкам надо не в нашем маленьком Харлеме,

а в Амстердаме. И самое главное – никому ни слова о наших делах. Я искренно поблагодарила Фреда и за карточки, и за урок конспирации, который он преподавал мне, школьному учителю Закона Божия».

После ввода в строй «убежища» масштаб спасательных работ увеличился. Всего в доме семьи тен Бом нашли спасение примерно 800 человек – более 700 евреев и около 100 подпольщиков из системы антифашистского Сопротивления, разыскиваемых немцами. Обычно беженцы находились у тен Бом несколько часов или одну ночь, после чего удавалось переправить их в надежные руки, но с лета 1943 года полицейские облавы настолько участились, что иногда не удавалось переправить людей по нескольку дней. Это резко усложнило жизнь семьи тен Бом, но в начале 1944 года Каспар ждал, что вот-вот в Европу войдут войска США, Великобритании и родной Голландии, и верил, что Победа близка, а с ней окончатся фашистские законы.

Конец любой войны обычно предсказуем, но непредсказуем конец войны для любого ее непосредственного участника. Так случилось и с семьей тен Бом – 28 месяцев она в соответствии со своими моральными убеждениями, рискуя жизнью, спасала людей от оккупантов. Казалось, что так будет всегда. Но 28 февраля 1944 года пришла беда.

В этот день доме находилось более 30 человек. На первом этаже собралась вся многочисленная семья тен Бом, чтобы слушать, как Каспар будет читать главу из Библии. К ней, как обычно, примкнули несколько соседей-христиан. А на верхнем этаже мирно сидели 6 беженцев, которых должны были вскоре переправить по уже указанному адресу. Но никто в доме не знал, что провокатор-голландец выследил эту шестерку и сообщил в полицию. Когда к дому подъехала полиция, прозвучал сигнал тревоги. И ранее в доме объявлялись тревоги: учебные, когда тренировали новую группу спасаемых, или ложные, когда рядом появлялась полиция, но она проходила мимо. На этот раз тревога оказалась реальной. Бетси умышленно долго отпирала замки и открыла их, когда ей сказали, что «гости» спрятались. Гестаповцы перерыли весь дом, нашли несколько десятков продовольственных карточек, выданных в совершенно другом районе Харлема, и они не могли на законном основании находиться в доме тен Бом, а за куплю и продажу карточек полагалось 6 месяцев тюрьмы. Но секретной комнаты они не нашли и решили поджечь дом, чтобы узникам пришлось выйти из убежища. Но тут даже голландские полицаи стали возражать – это старинный район, застройка очень плотная, огонь перейдет на соседние здания, и будет общегородской пожар. Гестаповский начальник согласился с ними и приказал поставить в доме засаду и «ждать, пока они не выйдут от голода». Затем он приказал арестовать всю семью Каспара (кроме его престарелых сестер) и нескольких соседей, наиболее активно ему возражавших.

Когда почти всех затолкнули в арестантскую машину, гестаповец сказал Каспару, что не любит отправлять в тюрьму стариков: «Пообещай, что больше не будешь заниматься такими делами и останешься дома вместе со своими сестрами». Неясно, эти слова гестаповца были его искренним нежеланием ареста Каспара или хитрой уловкой, ибо их принятие фактически было признанием в незаконной деятельности. Ответные слова Каспара в разных источниках звучат по-разному и зависят от воображения авторов, но их сущность всегда такова: «84 года я живу по библейским заповедям и не откажусь от них, все, кто нуждается в помощи, найдет ее в моем доме». После таких слов его втолкнули в машину. На следующий день сменить засаду поручили голландскому полицейскому, который в действительности был патриотом, вступившим в полицию по указанию антифашистского подполья. Он и вывел шестерку из убежища и переправил ее в безопасное место. После войны Корри, оставшись одна в большом доме, поселила в нем бывших узников, а когда они вернулись в свои семьи, дом был продан. Новые владельцы не знали о наличии в доме секретной комнаты до 1971 года, когда появилась книга «Убежище».

Тут наш гид прервала свой рассказ и спросила нас: «Как вы думаете, почему Корри тен Бом назвала свою книгу «Убежище»? Мы поразились столь простому вопросу. Ясно, что убежище – это место, где рассчитывают уберечь, спасти кого-то или что-то. Она уточнила: «Вы, конечно, правы, но Корри – искренне религиозный человек, она долго думала о названии книги и даже хотела поставить эпиграфом псалом 118.114 из Псалтыря, гласящий: «Ты – мое убежище и щит мой, уповаю на твое слово». У Корри искренняя вера в Бога и является тем убежищем, которое позволяет сохранить нравственную чистоту в нашем реальном мире».

Из всех арестованных гестаповцы главное внимание уделили Каспару, поскольку все остальные стремились молчать и не отвечать на вопросы следователей. А Каспар страстно защищал право помогать невинным людям, беспрестанно цитируя Иисуса Христа. Немцы пытались доказать Каспару, что евреи виновны во многих бедах Германии, но он возразил, что наши евреи никаких наших законов не нарушили, а вот вы их нарушаете. Многие считают, что немцы, стремясь выбить у него имена соучастников, применили пытки, и это привело к его смерти на десятый день ареста. Важным доказательством этого является то, что похоронили Каспара тайно, в безымянной могиле, без оповещения семьи и Реформаторской Церкви, которая неоднократно запрашивала немецкие власти о его судьбе. Уже после войны семья тен Бом с помощью кладбищенских работников разыскала могилу героя и перезахоронила его на национальном мемориальном кладбище Лоенен.

В сложившейся ситуации лучшее положение было у Нолли. Она могла, как заранее ее уговорили сестры, заявить, что в семье не было никаких

секретов, она никогда не слышала о планах помощи каким-то людям и поэтому объясняет случившееся досадным недоразумением: «У меня 7 детей и 20 внуков, им я могу быть полезной, а вам нет». Немцы решили, что Бетси и Корри, не имевшие детей, не включили свою многодетную сестру в опасные дела, и выпустили ее на волю, установив слежку и телефонное подслушивание.

Виллем рассчитывал выйти на волю, так же, как и Нолли, зная и о том, что его немецкие друзья, опрошенные оккупантами, оценили его как восторженного почитателя гениев немецкой культуры Бетховена, Дюрера, Гете, Моммзена, Моцарта, Шиллера. Но гестаповцы знали Виллема и как автора книги об антисемитской Германии и не собирались его отпускать. Но тут вмешался немецкий тюремный врач. Он заявил, что Виллем очень болен и вскоре умрет, считаю целесообразным, чтобы это случилось не в нашей тюрьме.

Здесь необходимо отметить следующее. Если немцы по отношению к гражданам СССР не останавливались ни перед какими злодеяниями, то по отношению к некоторым народам, которые объявлялись «нордическими», например, голландцы, датчане, литовцы, норвежцы, проводилась иная политика, чтобы привлечь эти народы к «строительству Новой Европы». Поэтому в тюрьмах на территории Голландии допускались священники, адвокаты и даже представители Красного Креста Швейцарии, впрочем, всегда заявлявшие, что никаких нарушений законности не обнаружено. Поэтому Виллема, против которого не было реальных обвинений, выпустили на волю. Он действительно вскоре умер, но и после Победы успел немало сделать, чтобы помочь своим родным. Он имел право один раз в квартал послать письмо в тюрьму. В нем сообщалось, что они с Нолли посетили могилу матери. Сразу становилось ясным, что они ничего не знают об отце. На голландском конверте он наклеил немецкую марку с изображением летящей птицы. Сестры с радостью поняли, что узники из убежища спасены, а само убежище не раскрыто. Находясь под наблюдением полиции, он сумел выяснить, где немцы хоронят безымянных тюремных мертвецов, и завязал связи с нужными людьми. Хитроумным способом он сообщил сестрам в тюрьме, что хотя «Убежище» не обнаружено, но несколько человек, не знавших об аресте семьи тен Бом, пришли в их дом за помощью и были схвачены полицией. Поэтому он советовал не отрицать сам факт помощи людям, а объяснять ее своими евангелистскими убеждениями: «Помогать людям обязательно, но при решительном отказе от вооруженной борьбы, Бог во всем разберется лучше нас». Узнав об этом, Корри приняла благородное решение, о целесообразности которого до сих пор нет единого мнения. Желая спасти отца, о смерти которого она не знала, и сестру Бетси, она сообщила немцам, что лишь только она, тайком от семьи, помогала евреям – укрывала их во время облав, покупала

для них продовольственные карточки.

Но немцы, конечно, не поверили ей, и начались изнурительные допросы с целью выведать имена соучастников. К счастью, тюремный врач сообщил следователю, что у нее очень слабое здоровье, и она не выдержит даже слабых «силовых» приемов. Корри за 4 года оккупации стала опытной подпольщицей и защищалась очень умело: «Если я не сообщала о помощи евреям даже отцу и сестре, то как я могла говорить об этом с чужими людьми? Бывало, что в моей комнате на третьем этаже евреи пережидали облаву, и я их кормила, но после они уходили, и я никогда не спрашивала их куда. Зачем мне это знать?»

Вскоре к ней пришел новый следователь, элегантный и вежливый, никаких угроз и оскорблений, называл ее полным именем Корнелия. Он очень увлекательно вел разговоры на самые различные темы, но Корри понимала, что ему нужны только имена тех людей, кому она переправляла спасаемых евреев. Иногда он умело критиковал преступные действия многих любимых ею протестантских идеологов Мартина Лютера, Жака Кальвина, Филиппа Меланхтона: «Корнелия! Вы честный человек! Как Вы можете уважать этих людей? Лютер призывал «уничтожать евреев, как крыс», Кальвин издевался над учением Коперника и помог убить великого врача Серветта, между прочим, путем сожжения, а Меланхтон призывал уничтожать анабаптистов, таких же христиан, как и Вы». Корри обычно вела себя очень сдержанно, но при таких словах страстно возразила: «Не Вам, с Вашими безбожными делами, критиковать этих людей». Корри ожидала грубых оскорблений, но офицер спокойно сказал: «Корнелия, я знаю, что Вы очень хотите увидеть свою сестру, это в моих силах. Она содержится в Вашем бараке, но в другой камере. Следуйте за мной». Встреча сестер была короткой, но обеих очень обрадовала. Корри сразу заметила, что угол камеры, занимаемый сестрой, был более уютным, чем у остальных сокамерниц: «Значит, Бетси не изменилась!»

Вечером Корри перевели в одиночную камеру. Она долго не могла понять причину этого. Истина выяснилась лишь после войны, когда она просматривала немецкие тюремные документы и нашла такую запись: «Арестованная К. тен Бом переведена в одиночную камеру, поскольку состояние ее здоровья опасно для окружающих». Но Корри, несмотря на слабое с детства здоровье, выздоровела, и ее вернули в общую камеру. Суд состоялся через три месяца после ареста. Она говорила о своей работе школьным учителем Закона Божьего и о работе с умственно отсталыми детьми, которых по фашистским законам следовало убить. Судья прервал ее словами: «Хватит про умственно отсталых», на что в судебных архивах зафиксирован ее ответ: «К Вашему сведению, для Бога одинакова ценность жизни и судьбы, и часовщика, и умственно отсталого человека – все они божьи дети».

6 июня 1944 года войска Англии, США и Канады высадились во Франции, открылся долгожданный Второй Фронт. Гитлеровцы в панике стали перевозить заключенных в концлагеря на территории Германии. За короткий срок сестры тен Бом сменили несколько мест заключения. В одном из таких мест с ними в камере находилась полька, которая в своих воспоминаниях пишет, что сестры тен Бом были людьми величайшей духовной силы. Бетси много внимания уделяла одной заключенной, на глазах которой охранники застрелили ее мужа-коммуниста, крикнувшего палачам в последний миг своей жизни: «Гитлер капут!». После этого несчастья женщина потеряла всякий интерес к жизни и хотела покончить с собой. Бетси старалась поддерживать ее, рассказывая соответствующие эпизоды из Библии, но это не помогало. Тогда она высказала ей известный библейский постулат: «Бог приходит на помощь человеку лишь когда тот уже сделал все, что было в его силах». А в ответ на слова несчастной женщины: «А что я могу *тут* сделать, твой Бог отвернулся от меня» последовало спокойное разъяснение: «Нет, ты сделала не всё. Твоя цель – выжить и рассказать всему миру, какой благородный человек был твой муж, и вызвать отвращение к гитлеризму». В жизни несчастной женщины появилась ясная цель, и ее поведение резко изменилось. Польский автор сообщает интересные сведения и о Корри. В одном концлагере заключенных заставляли собирать мелкие детали. Корри, профессионал-часовщик, быстро выполняла дневную норму и продолжала трудиться, чтобы помочь в этом другим узницам, т. к. не выполнявшим норму урезали и без того голодный рацион питания.

В самом конце июня 1944 года сестры оказались в Равенсбрюке, центральном женском концлагере гитлеровской Германии, расположенном в 80 км севернее Берлина. В этом чудовищном лагере не было священников, адвокатов и делегаций Красного Креста, но были газовые камеры, мучительные опыты врачей-извергов над живыми людьми, 12-часовой рабочий день при полуголодном питании и зверства надзирателей. Немало женщин, чтобы спастись от этой жизни, уходили в публичный дом, созданный руководством концлагеря. Всего через Равенсбрюк прошло 132 тысячи женщин из разных стран. Когда Красная Армия 29 апреля 1945 года овладела этим лагерем смерти, там находилось 24.5 тысячи узниц. Бесчеловечный режим лагеря предусматривал лишение узницами всякого личного достоинства. Им запрещалось использовать даже личные имена, а лишь лагерные номера. Так, Корри пишет в «Убежище», что когда по лагерному радио сообщали об освобождении узниц и называли: «Номер 66730 – Корнелия тен Бом», то она растерялась: «Это ошибка, это же мой номер».

Корри с ужасом видела, как слабеет ее сестра, но ничем помочь не могла. В то же время ее духовное поведение было изумительным. Она ни

на что не жаловалась, всех поддерживала, а по вечерам читала сокамерницам Библию, что было строжайше запрещено. В декабре 1944 года ей стало совсем плохо, но она по-прежнему убеждала всех, что выживем, будем жить в домах с цветами и любить друг друга. Когда Бетси рассказали о нехороших проделках одной сокамерницы и спросили: «Как можно любить ее?» – она ответила так: «Любовь – самая страшная сила на свете и если она не взаимная, то это большие страдания. Но меня Господь наградил любовью, которая всегда взаимная, я люблю всех людей и рада всем помочь. Поэтому моя любовь всегда взаимная и никому не причиняет страданий».

Утром 14 декабря 1944 года Бетси сообщила сестре, что ночью у нее было сновидение, что она завтра умрет, а ты, Корри, выживешь и продолжишь бороться за справедливость. Очень важно привести нынешних палачей к *искреннему* покаянию, а их нынешних узников к *искреннему* прощению. Если мы этого не добьемся, нынешние безумства будут повторяться. Корри усомнилась, что лагерных палачей можно реально перевоспитать, но Бетси решительно закрыла спор: «Если людей можно научить ненавидеть, то это значит, что их можно научить и любить». И действительно, на следующий день Бетси умерла. По строгим санитарным правилам Равенсбрюка вся одежда умерших сжигалась. Корри смогла убедить охранницу отдать ей голубую кофту сестры. В книге «Убежище» глава об этих событиях в концлагере Равенсбрюк так и называется: «Голубая кофта».

В самом конце 1944 года в Берлине в связи с приближением советских войск приняли решение освободить узниц Равенсбрюка из западноевропейских стран, которые были осуждены по статьям, не связанным с применением оружия. Это решение распространялось только на женщин не старше 50 лет, поскольку состояние здоровья более старших и их внешний вид служил прямым обвинением против гитлеризма. Поэтому с первых взяли подписку об отсутствии претензий к Германии, а вторых отправили в газовые камеры. Корри родилась в 1892 году, и ей в этот момент было 52 года, но ее освободили. Почему? Большинство считает, что это обычная канцелярская ошибка. Некоторые предполагают, что какой-то скрытый христианин сделал это из-за восхищения перед сестрами тен Бом. И лишь только один человек на свете знает истинную причину. Это сама Корри, она не сомневается, что это сделал Господь Бог, чтобы она смогла выполнить предсмертное завещание Бетси.

Вернувшись в родной Харлем, Корри быстро разыскала знакомых антифашистов и до конца войны была связной между подпольными организациями. Вскоре после Победы она приобрела за свой счет помещение, которое превратила в госпиталь для раненных немецких солдат и узников

фашистских концлагерей с целью их и лечения, и нравственного примирения, как было завещано сестрой Бетси. С медицинской точки зрения дела шли хорошо, сказывались и добросовестная работа врачебного персонала, и вера пациентов в конец мучений, но с примирением было плохо, не проходило дня без конфликтов. Корри в искреннем смятении пришла к знакомому пастору: «Неужели завет Бетси невыполним?» Пастор успокоил ее: «Конечно, выполним, но значимого успеха сможем добиться лишь в следующем поколении, однако и там будут люди, которые будут ругать правительства не за преступные войны, а за их проигрыш». По совету пастора Корри совершила поездки по всему миру с яркими выступлениями против зверств гитлеризма и призывами к искреннему покаянию преступников и их прощению со стороны безвинно пострадавших. Несмотря на плохое здоровье, она объездила 60 стран, и ее лекции всегда сопровождались огромным успехом. СМИ стали величать эту скромную, бескорыстную женщину «самой влиятельной евангелисткой XX века». Оценивая ее всесторонние заслуги, королева Юлиана присвоила ей звание Рыцаря Нидерландов. Яд ва-Шем, израильский Мемориал катастрофы и героизма, в 1967 году присвоил ей звание Праведника Мира, в 2007 году, как раз когда мы были в Голландии, эти звания присвоили Каспару, отцу Корри, и ее сестре Бетси.

Как настоящая героиня, Корри всегда старалась не говорить о себе, но настойчивые обращения людей, спасенных семьей тен Бом, заставили ее написать книги о пережитом. Она выпустила 7 книг, две из которых, включая знаменитое «Убежище», изданы на русском языке московским евангельским издательским «Свет» в 2004 году. В Израиле она издана издательством Керен Ахва Мешихит в 1999 году. «Убежище», как и снятый в 1975 году по этой книге художественный фильм, завоевали огромную популярность. Они имеются в Интернете. Антисемитская акция, когда при показе фильма в США в зрительный зал была брошена дымовая граната, лишь резко увеличил число зрителей.

В последние годы жизни у Корри были очень болезненными. По советам врачей она переехала в южную Калифорнию, климат которой более соответствовал состоянию ее здоровья. Но и там она продолжала общественную деятельность. Она постоянно посещала местную тюрьму и старалась подготовить заключенных к честной жизни после их освобождения. Естественно, что главным рычагом воздействия было стремление вернуть заключенных в лоно искренней веры в Бога. Когда одна заключенная поразилась, что такие несправедливые и страшные мучения не заставили ее отказаться от своих убеждений, она ответила библейскими словами: «Если Господь отворил перед тобою дверь, то никто не сможет ее затворить».

Корри тен Бом, великая гуманистка, умерла 15 апреля 1983 года, в день

своего 91-летия.

Сразу после ее смерти в Голландии создали «Общество друзей семьи тен Бом», которое выкупило дом семьи, восстановило тот вид, какой он имел 28 февраля 1944 года, и в 1988 году устроило в нем музей. Руководителем Общества является американский миллиардер Майкл Эванс – христианский писатель евангелистского направления. Делом его жизни стала поддержка евреев. Он вывел из небытия многих героев-евреев и восславил очень многих христиан, спасавших евреев. В Израиле к нему двойственное отношение, но для таких музеев, как наш, он истинно надежный покровитель.

Этимися словами экскурсовод завершила свой рассказ. Наша группа, пораженная тем, что еще сегодня утром никто из нас и не знал об этих героях, долго молчала, а потом пошли вопросы. Приведу 5 вопросов, на мой взгляд наиболее значимых, и ответы на них.

Вопрос 1. Какова идеологическая сущность музея, каковы его задачи?

Ответ. Если Музей Анны Франк в Амстердаме – это музей о спасаемых людях, об их мировоззрении в сложных условиях жизни в длительном заточении, то наш Музей – это музей об их спасителях, о героях, мировоззрение которых заставляло помогать незнакомым невинным людям, несмотря на смертельную опасность для своей жизни. Наш Музей иногда называют музеем христианских сионистов. Это не совсем правильно, потому что люди, подобные семье тен Бом, помогают невинным, попавшим в беду, независимо от их национальности.

Вопрос 2. Какова посещаемость Вашего Музея?

Ответ. В прошлом 2006 году Музей Анны Франк посетило более миллиона человек, наш – всего 28 тысяч. Харлем город небольшой, групповые туристические экскурсии редки, обычно их направляют в более крупные города с общемировой известностью. Так что рассказывайте всем, особенно в Израиле, о нашем Музее! (Дополнение автора: согласно интернету, в 2020 году Музей Анны Франк посетило 1,3 млн., Музей семьи тен Бом 33 тысячи).

Вопрос 3. Население Голландии в 1940 году было в 4 раза меньше, чем в Польше, а число евреев меньшим в 22 раза, но по числу Праведников Мира, которое присваивает Яд ва-Шем, Голландия занимает второе место (5000), уступая лишь Польше (6000). Чем объяснить столь большое количество Праведников в Вашей стране?

Ответ. Обычно при ответе на подобные вопросы указывают на два фактора. Евреи, приехавшие в Голландию из-за их преследований в ряде стран, создали новые отрасли инфраструктуры, что заметно подняло уровень жизни всего населения. Поэтому большинство голландцев искренно желало сохранения еврейской общины. Есть и еще один важный фактор –

это влияние реформатской евангелической церкви, которая уже в XVI веке считала евреев союзником в беспощадной борьбе с испанскими оккупантами, а затем и поддержала идею возрождения еврейского государства. Яркий пример этого – подвиг жителей деревни Ньивланде (Nieuwlande, в пер. Новые Земли), расположенной в труднодоступном районе страны. Все жители деревни – христиане евангельской церкви. Когда фашисты начали аресты евреев, то все жители приютили в своих домах евреев, и не было ни одного случая доноса в полицию. Жители Ньивланде не придавали особого значения своему подвигу: «Христиане-евангелисты не признают самовосхваления, но всегда поступают так, как им положено». Лишь в 1985 году израильский турист случайно узнал об этом и сообщил в Яд ва-Шем. Были опрошены десятки спасенных людей, некоторые из них к тому времени стали израильтянами, после чего всем 202 взрослым жителям Ньивланде, участникам спасения присвоили звания Праведников. Однако и сейчас мало кто знает об этом массовом героизме голландских евангельских христиан, практически нет ни книг, ни кинолент. И в мире есть лишь два памятника, посвященных этому событию, один в парке Яд ва-Шем, второй в Ньивланде.

Вопрос 4. Вы сказали, что к американскому христианскому писателю М. Эвансу, сделавшему много полезного для еврейского народа, в Израиле сложилось двойственное отношение. Почему?

Ответ. Это действительно так. Он восславил многих ранее неизвестных героев-евреев и героев-христиан, мужественно спасавших евреев, но некоторые его взгляды в Израиле остро критикуются. Например, он считает, что евреям следует организационно объединиться с евангельскими христианами, согласиться с божественным происхождением Иисуса и невнятной идеологией Троицы, что противоречит идеологии Торы. Сейчас он работает над планом постройки в Иерусалиме величественного музея, посвященного многолетней поддержке еврейского народа христианами-евангелистами.

(Дополнение автора: после посещения Музея в Харлеме я много лет наблюдаю по интернету за деятельностью М. Эванса. Его отец – убежденный христианин-евангелист, мать – еврейка. Такие христиане в США составляют 27% избирателей, 77% из них голосуют за Дональда Трампа, причем сам Эванс – один из активных организаторов его выборных кампаний. Вслед за отцом он твердо верит, что объединение евреев с евангельскими христианами на их идеологической платформе – лучший выход для еврейского народа во всем мире и особенно в Израиле. Большинство израильских политологов не согласны с этой идеей, уверенно считая, что ее реализация приведет современный Израиль к резкой потере значимости провозглашенного Торой договора Небес с патриархом еврейского народа Авраамом и к неизбежным вредным последствиям, причем особенно

вредным для самого Государства Израиль. Эванс выпустил 74 книги, в том числе «Столкновение с ядерным Ираном» и «Израиль – ключ к выживанию Америки». В 2015 году он осуществил свою мечту – основал в Иерусалиме «Музей друзей Сиона», посвященный пятивековой поддержке евреев евангельскими христианами, но в нем мы видим и людей других конфессий, осуждавших антисемитизм, как английская королева Виктория, Уинстон Черчилль, понтифик Иоанн Павел II, Авраам Линкольн. В одном из залов есть стенд героини нашего рассказа Корри тен Бом и знаменитого Убежища. В Книге Отзывов некоторые посетители записали, что считают Музей чудом современных технологий, а его тематику – чудесное возрождение Израиля – явным доказательством небесной помощи. В музейном проспекте приведены слова Эванса: «Евреи на пути к возрождению страны встретили массу врагов, но они нашли друзей, кто верил в их древние пророчества и предложил свою помощь. Их называют христианскими сионистами, но, чтобы быть такими, требуется особое мужество. Этот Музей – их музей, их песня о любви к Сиону»).

Вопрос 5. Почему вход в Музей бесплатный? Это не очень типично для музеев.

Ответ. Такова воля наследников семьи тен Бом. Они хотят восславить своих героических родственников, но не обогащения за счет их славы.

Читатели, возможно, уже подзабыли, что четверо туристов нашей группы хотели посмотреть игру футболистов амстердамского «Аякса», который своими победами в Кубке европейских чемпионов завоевал большую популярность. И мы сразу после Музея прибыли на стадион, где «Аякс» играл в матче чемпионата страны. Никто даже представить не мог, какое видение вскоре перед нами предстанет. Дело в том, что когда «Аякс» забивал гол, то на двух трибунах, взмывали вверх десятки хорошо знакомых нам флагов государства... Израиль. Мы, что называется, ошалели от неожиданности и попросили соседа на трибуне объяснить смысл происходящего, он искренне удивился нашему вопросу: «Сколько помню, фанаты «Аякса» всегда приходят на матч с этими флагами». По окончании игры болельщики подняли несколько самодельных полотен. На одном из них была удивительная надпись на голландском языке: «Аякс – супер-евреи».

Две фотографии, иллюстрирующие вышеописанное, приведены ниже на рисунках 1 и 2.

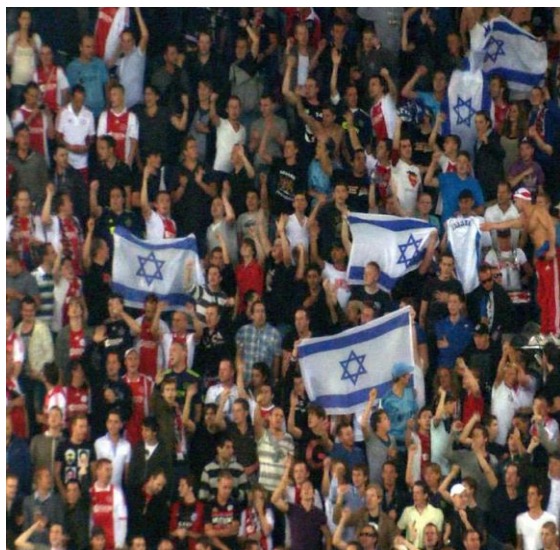

Рис. 1. Амстердам. «Аякс» забил гол, болельщики ликуют. Почему десятки флагов... Израиля над стадионом?

Рис. 2. Амстердам. После матча. На полотне слова: «Аякс – супер-евреи». При чем тут евреи?

Приехав в свою гостиницу, мы разыскали нашего израильского руководителя и попросили разъяснений насчет наших флагов. Он много лет проводит экскурсии по всей Европе и о флагах на стадионе «Аякс», как оказалось, давно знал и полагал, что мы об этом тоже знаем. Он рассказал, что когда впервые узнал об этом, то опросил многих, знающих футбол, но их объяснения были столь различны, что истина ему неясна до сих пор.

Утром я забеспокоился, что если уедем из Амстердама, не узнав правды, то не узнаем ее никогда. И тут я вспомнил о вчерашнем знакомстве с администратором в Музее Анны Франк. Она дала мне свою визитку и обещала помочь в трудном случае. Звоню ей, представляюсь, говорю о своих трудностях. В ответ слышу веселый смех: «Слава Богу, что трудности такого типа. Я немножко знаю об этом, т. к. мой сын входит в эту группу болельщиков, и у него есть флаг, который Вы назовете израильским, а он его считает традиционным символом приверженности амстердамцев к родному клубу «Аякс».

Вот, что она рассказала...

Футбольный клуб «Аякс» создан в 1900 году. Его первый стадион находился в районе, где проживало много зажиточных евреев, активно поддерживающих футболистов, и морально, и материально. В результате возникшей дружбы среди символов, которые болельщики сами изготавливали для поддержки команды, появились символы с еврейским содержанием. Во время фашистской оккупации эти символы исчезли. Старожилы полагают, что использование болельщиками флага Израиля и слова «еврей» началось в 80-е годы, но в официальных документах подобных данных нет. От своего сына я нередко слышу, что он пошел к евреям, мне понятно, что он пошел в клуб болельщиков «Аякса». Полиция неоднократно пыталась убедить болельщиков отказаться от применения израильских флагов, т. к. это приводит к расистским демонстрациям мусульманских граждан. На матчах зафиксированы возгласы: «Хамас, Хамас, евреев в газ» (Дополнение автора: напомним, что этот разговор проходил в 2007 году, а Хамас создан в 1987). Но большинство жителей и мэр города на стороне ребят, считая, что они не нарушают законов, а вот расистские выкрики нарушают.

Бенджамен, видимо, я огорчу Вас, советую не обольщаться этими флагами. Никто из болельщиков-фанатов не бывал в Израиле, не интересуется им, эти флаги – просто традиционные символы безмерной любви к родному клубу. А голландцы очень ценят порядок, порядочность и традиции.

Подумав, я задал ей еще один вопрос: «Ваш сын и его товарищи побывали в Харлеме в Музее тен Бом?». Она ответила, что сын с большой группой друзей там был, и затем они поместили в разных СМИ яркие рекламы Музея. Ее последние слова меня обрадовали, о чем я ей сказал. Ее ответ был таков: «Я понимаю причину Вашей радости, искренне желаю, чтобы она оказалась оправданной».

Я уезжал из Голландии восхищенный ее героической историей, ее ландшафтами, созданными не природой, а руками тружеников, и навсегда запомнил местную поговорку «Голландцы очень ценят порядок, порядочность и традиции».

Прежде чем закончить статью о героической семье тен Бом, спасшей сотни евреев в годы фашистской оккупации, считаю необходимым объяснить включение в статью материалов о флагах Израиля на амстердамском стадионе клуба «Аякс». Это явление необычное, очень интересное, особенно для еврейского читателя и, если бы статья сообщала, что следует посмотреть в Голландии, то тема о флагах была бы для статьи выигрышной. Но статья посвящена подвигу семьи тен Бом. Не умаляют ли фото с флагами на стадионе величия подвига тен Бом? Мы с Борисом много раз обсуждали этот вопрос, я был за исключение этой темы из статьи, Борис просил не спешить. Последний раз мы думали об этом буквально за несколько дней до того, как небеса сделали эту встречу последней. Борис задал мне вопрос: «Как, по-твоему, наша главная героиня Корри тен Бом отнеслась бы к флагам чужой страны на стадионе?» Подумав, я ответил, что она бы не возражала, т. к. это не противоречит ни государственным законам, ни общественной морали. Борис, наверно, много думал об этом, потому что ответил очень быстро: «Вот именно, в статье две главные сюжетные линии – героизм семьи и флаги Израиля на стадионе. Вектора этих сюжетных линий направлены в одном направлении, хотя их величина несоизмерима. Но ты посмотри на это с позиции сегодняшних реалий. Надо приветствовать людей, сражающихся за свои традиционные жизненные принципы, возникшие на основе государственных законов и общественной морали, тем более что враждебная сторона атакует эти принципы в рамках той борьбы, которую она ведет за уничтожение традиций, законов и морали других народов, стремясь навязать им свои принципы, лишенные элементарного демократизма». Я восхитился деловитостью и образностью анализа Борисом современного варварства, и проблема флагов была решена.

После этого, уважаемые читатели, статья приняла тот вид, с которым вы только что ознакомились.

Один дома

Точно помню, что когда я открывала жалюзи на кухне, я никого не видела, но после того, как развесила простыню и повернулась за следующей вещью, то боковым зрением заметила нечто странное, поэтому взглянула пристальнее. В доме по диагонали от моего, тоже на третьем этаже, метрах в пятидесяти, в большом окне от пола до потолка, которые у нас называют витринами, между раздвинутых в стороны жалюзи стоял абсолютно голый мужчина. Я опешила, быстро опустила глаза и продолжила своё занятие, стараясь не смотреть. Тем не менее не видеть его я не могла. Медленно и, можно сказать, вдумчиво, он выворачивал наволочку и из каждого уголка тщательно выковыривал собравшийся там пух. Затем он её вытряхивал. Не так быстро и сильно, как женщины, когда стряхивают мокрое бельё перед тем, как развесить: раз-два-три и готово. Нет, он брал наволочку за одну сторону и стряхивал. Раз... Два... Три... Потом за вторую... третью... четвёртую... Движение его пальцев, хватающих уголок наволочки, простыни или пододеяльника напоминали мне момент, когда штангист настраивается на рывок, впиваясь руками в ось штанги. Мне казалось, что я смотрю фильм на замедленной скорости. Развесив бельё, я закрыла жалюзи и вышла из кухни.

По утрам, когда я варила кофе, я его какое-то время не видела. Через неделю картина повторилась. Я решила отложить развешивание и ушла в салон, но каждый раз, когда я заглядывала на кухню, чтобы проверить, не ушёл ли он, то видела, что он продолжал в своём тягучем темпе что-то вытряхивать. На этот раз это были брюки. Он вывернул их наизнанку, потом вывернул карманы, выковырял по сусекам пух и, возможно, табачные крошки.

В середине недели, выйдя на балкон во время телефонного разговора с подругой, я увидела его за этим занятием третий раз и рассказала ей о картине, которой являюсь невольным свидетелем.

- Эксгибиционист? – спросила она.
- Сомневаюсь. Он же не демонстративно себя ведёт. Ему безразлично, что его кто-то увидит, он просто один дома.
- Ты уверена, что он один?
- Пока что я больше никого не видела.
- Всё равно это странно. Можно ходить голышом по квартире при закрытых окнах, а вот так...

И мы с ней стали фантазировать по поводу этого мужчины.

Иосиф блаженно улыбался во сне. Вдруг резко взвыла сирена скорой помощи. Он вздрогнул, открыл глаза, приложил руку к груди и тяжело выдохнул. Другой рукой потянулся к тумбочке, нащупал будильник, нажал на кнопку подсветки и поднёс к глазам. Четыре сорок.

– Чтоб вы мне были здоровы! Такой сон перебили! – недовольно сказал он, откинул одеяло и, кряхтя, сел на кровати. Наклонил голову влево-вправо раз десять, потом сделал медленные круговые движения головой. В ушах зашрипело, в шее хрустнуло. Встал, сделал несколько медленных наклонов вперёд-назад, несколько приседаний.

– Ничего это не даёт, – сказал он грустно. – Сходить, что ли, на море вечером? Давно не был.

Иосиф наведалься в туалет. Сидя при открытой двери, вспомнил, что однажды в туалете одного бара видел стенд с журналами. Подумал, что для того, кто внутри – это двойное удовольствие, а вот для того, который ждёт – раздражение. Потом зашёл в ванную. Взял из стаканчика одинокую зубную щётку, выдавил на неё пасту, начал чистить зубы и пошёл в кухню. Свободной рукой включил чайник, открыл холодильник. Ломтик хлеба никак не хотел вылезать из пакета, Иосиф разозлился, зажал щётку зубами, чтобы второй рукой придержать пакет. Ещё достал баночку творога, коробку молока и огурец. Положил ломтик хлеба в тостер и включил его. Вернулся в ванную, сполоснул рот, поставил щётку на место. Взял со стеклянной полочки пенку для бритья. Под ней увидел чистый кружок. Поднял бутылочку с одеколоном, и под ним обнаружил чистый прямоугольник. Провёл пальцем по стеклу, посмотрел на пыльный палец и недовольно покачал головой. Намазал пенкой лицо. Посмотрел на себя в зеркало, как петух – повернувшись то одним, то другим боком. Удивлённо поднял брови, сгрёб пальцем немного пенки так, чтобы она осталась по краю подбородка и в виде усов. Сказал: «Хм, а это идея!» и начал сбривать щетину только с тех мест, где не было пенки. Умылся. Снова покрутил головой перед зеркалом. Подравнял контур будущей бороды. Удовлетворённо кивнул. Брызнул на ладонь одеколон и смазал лицо. Вернулся в кухню, включил радио. Приготовил чашку растворимого кофе, нарезал огурец, рядом на тарелке положил творог, горячий хлеб и позавтракал. Передавали джаз, Иосиф его не любил, выключил радио.

«Каждый день одно и то же. На рассвете меня будит мусорщик, громахая полными баками. С этим ничего не поделаешь. Иногда его опережает

завывание «амбуланса». Никак не привыкну. О, кстати, надо в аптеку сходить. Беруши купить, валерианку, капли для глаз кончились. Даа, о чём это я думал? Что каждый день одно и то же. А кто мне виноват? Вон, соседка с первого этажа – ровесница моя, ноги у неё болят, операцию перенесла, постоянно наряженная, постоянно куда-то ходит, и к ней люди приходят по вторникам, голоса, песни, музыка. Она ведь тоже одна, но живёт по-другому. А я вот живу по инерции. Нет, если по инерции, то значит, так, как раньше, но раньше было не так. Совсем не так...» Оделся и отправился в аптеку.

На обратном пути проходил рядом с овощным магазином. Зашёл, закупился. «Ну вот, Ривка, купил всё на борщ. Увидел свеклу и вспомнил, как мы с тобой вместе готовили. Я чистил овощи, а ты нарезала, обжаривала и бросала в кипящий бульон. Правда, мяса у меня сегодня нет. Ладно, сегодня доем кашу, а свеклу отварю. Помню, что ты её варила отдельно с солью и уксусом. А дальше как? Что за чем? Не получится у меня такой борщ, как у тебя».

Вернулся домой. В подъезде на первом этаже из квартиры выходила женщина. Иосиф знал, что она приходит убирать к пожилой семейной паре. Договорился, что она и у него будет убирать.

Дома поставил вариться на малом газу свеклу. Навёл таймер на полчаса, поставил на тумбочку и прилёг вздремнуть. Уснул быстро и снова увидел сон: они с Ривкой за одним столом с его родителями, а он такой счастливый, что она согласилась выйти за него и что она понравилась его родителям! Ривка могла найти подход к любому. Всегда знала, с кем о чём говорить, кто что любит. Хорошие сны редко получается досмотреть до конца. Настойчиво зазвенел таймер. Йосиф встал, зашёл на кухню, выключил газ под кастрюлей с наполовину выкипевшей водой, поставил в раковину, долил холодной.

Перед закатом пошёл на море. Уже собирали лежаки. Солнце было не палящее, а тёплое, доброе. Людей было мало. С удовольствием поплавал, понырял, полежал на спине в прогретой за долгое лето воде, и, вполне удовлетворённый, свежий, пошёл домой. По дороге купил мороженое, ел и чувствовал себя ребёнком. Дома принял душ, поужинал гречневой кашей с молоком и лёг спать.

В этот день я ждала гостей, поэтому долго стояла у плиты. Жалюзи у соседа были, как всегда, раздвинуты. На верёвках сейчас висело застиранное постельное бельё. Видимо, процесс вытряхивания произошёл вчера. Спустя какое-то время сосед снова показался, снова голый, и начал медленно снимать и складывать бельё на стул, стоящий рядом. Делал он

это так же медленно и обстоятельно, как и вытряхивал его перед стиркой. Потом его что-то отвлекло, потому что он оглянулся, положил не сложенную наволочку на стул и ушёл внутрь квартиры. Вскоре вернулся, чтобы продолжить своё занятие, но уже в спортивных брюках. Теперь я могла рассмотреть его без стеснения. На таком расстоянии, да с учётом моего слабого зрения, мне показалось, что мужчине было под семьдесят. Высокий, худой, средней мускулистости, с седыми, коротко стриженными волосами. Я поставила тушиться говядину с овощами, форму с тестом – в духовку, а когда через полчаса прозвенел таймер, и я зашла на кухню, чтобы выключить газ, то в окне увидела полноватую женщину среднего роста в серых тайцах и очень свободной и длинной футболке. У меня даже не возникло мысли, что это его родственница. Так сноровисто и деловито работают обычно уборщицы или, как их называют в Израиле, помощницы по дому. Пока я укутывала казан с говядиной в полотенце и вытаскивала пирог на тортовницу, я видела, что женщина закрыла жалюзи и начала смахивать разноцветной щёткой пыль с каждой планочки. Пыль мутным облачком слетала и быстро развеивалась.

Ольга поздоровалась, спросила, где ванная, и зашла переодеться. Там же она увидела ведро и всё, что ей нужно было для уборки. Опытная работница, она прошла по квартире и быстро оценила, что работы тут столько, что в три часа, на которые они договаривались, она не уложится. Самая маленькая комнатка завалена книгами. Пыль в ней видна издалека. Собственно, это уже вата, а не пыль. В спальне тоже пыльно, хотя виден был определённый порядок, продиктованный привычками. Постельное бельё хоть и застиранное, вылинявшее, но пахло смягчителем. На одной из прикроватных тумбочек стоял будильник и бутылка с водой. На другой – книга, очки и настольная лампа, на подставке которой лежала зубочистка. За верхний угол зеркала возле комода воткнута фотография женщины с грустными глазами и гордым парнем в военной форме, за другим торчала иголка с длинной белой ниткой. Плита и небольшой рабочий столик стояли на балконе. Чистым был только столик.

– Значить так, – сказала Ольга, присев напротив Иосифа в салоне. – Тут, если работать как следует, можно копошиться часов восемь. Но ни у Вас нет на это денег, ни у меня нет на это сил. Поэтому сделаем так: я буду приводить в порядок квартиру помаленьку. Сегодня отгенералю балкон и спальню, но полы, конечно, помою везде. На следующий раз купите мне новые тряпки, большие и маленькие.

«В моей жизни больше ничего интересного не происходит. Не о чем писать, Ривка. Проснулся – слава Богу. Поел – слава Богу. Ничего не болит – слава Богу. Вспоминать? Воспоминания ко мне приходят лишь во сне. Вот на днях под утро приснилось, как мы с тобой в саду у твоих родителей нашли скамейку под раскидистым деревом и целовались, а братишка твой, гадёныш, как гавкнет из-за куста. И надо же, в эту самую минуту амбуланс под окном завыл. У меня чуть сердце не выскочило. Сам я вспоминать специально ничего не хочу. Плохо мне от воспоминаний, вроде как жизнь остановилась. Да она и так и не стоит, и не движется. Я иногда смотрю на уличных кошек и думаю: есть ли у них удовольствия в жизни? Да не только кошки, а и птицы, например. Они вроде делают что хотят, а на самом деле ими руководят инстинкты. Другое дело – домашние. У них есть любящие хозяева, которые погладят, вычешут, искупают, вкусняшку дадут, ласковое слово скажут. Я без вас, как бездомная кошка. Так сказать, поддерживаю жизнедеятельность организма. Сегодня вот решил написать, потому что случилось кое-что новое. В мою жизнь вошла женщина. Интересно, что ты подумала сейчас? Ты вообще ревновала меня когда-нибудь? Впрочем, хорошо, что я об этом не узнаю. Меня бы это оскорбило. Или нет, скорее, рассмешило бы. Ну какой дурак будет изменять такой женщине, как ты? Её зовут Оля. Это всё, что я о ней пока что знаю. Она будет убирать нашу квартиру. Мне было немного стыдно, когда она сказала, что отмывать её надо восемь часов, но она права. Пусть отмывает помаленьку. Она так и сказала – «помаленьку». Мне спешить некуда».

Прошло две недели. Снова стирка. Снова сосед вытряхивает постельное бельё. Снова в спортивных брюках, но вытряхивает, как мне кажется, чуть бодрее. Зашёл вглубь квартиры. За его спиной показался стол. Раньше я его не видела... Не могу понять, я фантазирую или действительно чувствую, что что-то меняется? Что-то невидимое, что невозможно потрогать руками, но существенное. По-моему, настроение.

«Ривка! Я сегодня вспомнил, как я сердился на тебя, когда ты затевала перестановку. Подходил к зеркалу, а там швейная машинка. Хотел одежду на стул повесить, а вместо стула – комод. Теперь я понял, что вы в этом находите. Это вроде как переезд, хотя квартира та же. Оля сделала гене-

ральную уборку в спальне и на балконе. Заставила меня помочь ей двигать мебель. Оказывается, нежелательно спать головой на север. Я никогда об этом не задумывался, но сегодня действительно спал лучше. Может, это из-за чистого воздуха в спальне (стыдно было смотреть, сколько пыли Оля вымела из-под кровати и из-под тумбочек), а может, из-за того, что кровать стоит по-другому. Мебель она вытирала не влажной тряпкой, а брызгала каким-то душистым спреем, и теперь в нашей спальне пахнет, как в классе музыкальной школы, где я учился. Обеденный столик она поставила посередине балкона, к стене, с трёх сторон стулья. Наверно, я переставлю, как было раньше. Мне от этого одиноко. Стулья есть, а вас с Мариком нет».

На следующий раз Оля взялась убирать в самой маленькой, но самой заброшенной комнате. Одна стена – сплошной книжный шкаф, посередине – круглый стол, на котором горой хаотично положены книги. Под старым проигрывателем, в тумбочке, из которой были вынуты стеклянные дверцы, громоздились стопки старых журналов. Оля надела перчатки, принесла ведро с водой, тряпку, бумажные салфетки и спрей от тараканов. Иосиф удивился:

- А это зачем?
- Сейчас продемонстрирую, – загадочно ответила помощница.

Она просунула руку за одну стопку и сбросила её на пол. Сразу несколько рыжих пруссаков разбежались в разные стороны. Иосиф тут же занёс ногу, чтобы раздавить, но Оля крикнула:

– Нет! Вонять будет! Я сама! – и брызнула и на беглецов, и внутрь тумбочки. – Вот я не понимаю, – начала бурчать она, – зачем люди складывают журналы? Неужели думают, что будут их перечитывать?

Иосиф молча вышел. Эти журналы любила Ривка. Оля долго возилась, перебирая и перетирая журналы сухой тряпкой и аккуратно складывая их в протёртую и сбрызнутую спреем тумбочку. Когда она начала наводить порядок на столе, то заметила на стене, которую не было видно от входа, увеличенное семейное фото: Иосиф, его жена и сынишка. Она вспомнила, что видела фото жены и сына в спальне. Вздохнула и решила придерживаться свои претензии. Когда она проголодалась и захотела отдохнуть и перекусить, то увидела, что Иосиф понуро сидит за столом на старом месте, а два складных стула стоят, прислонённые к противоположной стене возле плиты. Он поймал её удивлённый взгляд.

- Не могу смотреть на пустые стулья. Некому больше на них сидеть.
- Извините, я об этом не подумала.
- Я понимаю, ты хотела, чтобы красивее.

Оля кивнула.

– Вы завтракали?

– Кофе пил.

– А у меня зразы. Давайте вместе позавтракаем и чаю попьём.

Оля, даже не спрашивая, с привычкой, свойственной её работе, сама заварила чай, разогрела зразы в микроволновке, достала из холодильника несколько помидоров.

– А что Вы собираетесь с буряком делать?

– Вы из Украины, Оля?

– Да, а что, шокаю и гекаю? – засмеялась она.

– Да, и свеклу буряком называете. Я захотел борщ сварить, да не смог вспомнить, как его моя жена готовила.

– Так я Вам всё скажу! – с лёгкой радостью ответила Оля. – Все остальные овощи есть?

– Картошка, капуста, лук и морковка. Мяса нет.

– Не беда. Сварим постный борщик. Сами сварите, я руководить буду.

«Ривка, что я тебе расскажу! Вчера мы с Олей вместе варили борщ. Она, как начальник отдела, осуществляла общее руководство, а я готовил. Ел потом один. Во-первых, потому что она закончила работу и спешила к внукам, а во-вторых, она сказала, что борщ должен настояться. Прямо как ты когда-то. У меня появляются странные чувства. Точнее, желания. Вот Оля прибрала в маленькой комнате, (если б ты видела, что там творилось!), и мне захотелось пересмотреть старые журналы. Понимаешь, всё это время без тебя, без Марика, я боялся прикоснуться к тому, что напоминает о вас, а теперь меня тянет к тому, что с вами связано. Да, мне до сих пор очень грустно, но слёзы текут совсем другие – слёзы благодарности, что я был с вами счастлив».

Выйдя на балкон отдохнуть и поговорить по телефону с подругой, я увидела совсем новую картину: сосед сидел в спортивных брюках и рубашке на стоящем боком к перилам, но лицом ко мне, стуле и что-то читал. Ноги его лежали на низком стульчике с подушечкой. Он близоручко наклонился над книгой или, судя по размеру, журналом. Потом поднял его, уткнулся в него лицом и затрясся. Почему он плакал? Прочёл что-то грустное? Ничего о нём не зная, я почувствовала его одиночество так отчетливо, будто он – мой близкий друг. Я смотрела и думала, что если ему сейчас станет плохо, если я увижу, что он упал, то помчусь в его дом и

буду колотить во все двери на его этаже, пока не узнаю, где его квартира. Но, слава Богу, мои опасения были напрасны. Вскоре на балкон вышла та женщина и принесла ему стакан воды.

«Ривка, сегодня впервые за три года говорил о тебе вслух. Я с тобой разговариваю постоянно, а сегодня говорил о тебе и о Марике с Олей. Плакал. И она плакала. У неё муж и зять в теракте погибли, дочка работает в полиции, двое внуков: трёх и пяти лет. Не кончается горе в нашей стране».

– Иосиф, Вы не обидитесь, если я Вам кое-что предложу?

– Смотря что.

– Я дочке рассказала о нашем разговоре, о журналах старых, о столе посреди кухни... И решили мы у себя дома тоже порядки навести. Да и по фен-шуй считается плохо, если вещи без дела лежат. Ох, навспоминались, наплакались! Аж детей напугали. Короче, мы тут насобирали... Я перестирала всё и погладила... Ну... зятя моего вещи... Как Вы на это смотрите? Без суеверий?.. Я говорю: одёжки Вам принесла. Поношенные, но качественные. Будете носить?

У Иосифа сжались губы и задрожал подбородок.

– Вы не думайте, я от чистого сердца, не лишь бы сбыть. И дочка согласна...

Иосиф облокотился о стол и закрыл рукой лицо. Оля взяла стул, присела напротив и погладила другую его руку.

– И ещё мы хотим в гости Вас пригласить на дочкин день рождения. Придётся?

Иосиф поднял на Олю глаза и согласно кивнул.

Ещё через неделю я увидела соседа снимающим бельё. Он был в других спортивных брюках, покачивал головой, шевелил губами, как будто напевал что-то. Стол снова был за его спиной, и на нём стояли в вазе жёлтые цветы, возможно, подсолнухи. Потом он ушёл вглубь квартиры.

Вскоре я уехала в отпуск на месяц. Вернувшись, я первым делом заложила стирку в машину. На верёвках у соседа ничего не было. Потом ещё несколько дней я его не видела. Не могу сказать, что волновалась по этому поводу. Во-первых, я была занята своими делами, а во-вторых, подумала,

что мы могли выходить на балкон в разное время. Через неделю я обратила внимание, что жалюзи у соседа впервые были задвинуты. По спине пробежал холодок. Тут как раз позвонила подруга. Я пригласила её к себе на завтра, приманив тем, что потушила рыбу с острой морковкой и испекла яблочный пирог.

– А как там, кстати, твой Аполлон? Всё позирует?

Почему-то мне был неприятен её насмешливый тон.

– Да вот, как раз не вижу его уже неделю.

– Умер?

Опять по моей спине пробежал мороз.

– Не хочу спешить с выводами. Понаблюдаю.

На следующий день, когда после обеда мы с ней вышли покурить на балкон, жалюзи были раздвинуты. У стены стоял стол, но либо другой, либо тот же, только разложенный. Время от времени то со стороны плиты появлялась из-за жалюзи домработница, то со стороны входа сновала туда-сюда девочка, и, наконец, вышел и сам сосед с ребёнком поменьше на руках. Я улыбнулась, как говорят, во все тридцать два.

– Это он? – спросила подруга.

– Да.

– Ну вот, живой, одетый и не одинокий.

– Слава Богу!

С этого дня я стала часто видеть его со старшей девочкой. Они сидели за столом и чем-то занимались. Может, рисовали, может, вырезали. Было приятно наблюдать за ними. На бельевых верёвках теперь появлялись новые вещи: постельный комплект, пёстрая рубаша, свободные льняные брюки, детское платье...

«Ривка! Бог милостив! Он не даст мне умереть в одиночестве. Во мне живут два противоположных чувства. С одной стороны, меня мучает совесть и кажется, что я изменяю нашей любви, памяти о тебе и о Марики. С другой – я очень надеюсь, что ты порадуешься за меня. Это не роман и навряд ли станет им. Оля и её девочки стали почти что моей семьёй. Началось с того, что Оля отдала мне одежду её погибшего зятя. Представляешь? Это же не просто «альте захен», которые можно повесить на забор, это одежда дорогого человека. А я, дурак, надел его рубашу и пошёл в ней на день рождения к Олиной дочке Лане. Она мне дверь открыла, отшатнулась, а потом обняла меня – незнакомого ей, чужого дядьку, и горько-горько расплакалась. Ну и я... Потом мы ели, выпивали, разговаривали, я играл с девочками. У них пианино есть. Представляешь, я даже кое-что

вспомнил и сыграл! Надо будет раздобыть ноты детских песен. Девочки называют меня «саба». Господи, я уж и не надеялся! Простите меня, родные!

Однажды утром я пила кофе, облокотившись на подоконник. Воздух был прохладен и чист. Первый зимний дождь моросил с низкого стального неба. Сосед вышел на балкон, чтобы закрыть жалюзи, посмотрел в мою сторону и впервые помахал мне рукой. Я помахала ему в ответ.

Шотландия

Турбины «Боинга» гудели ровно и надёжно. Близкое солнце заливало салон. В нём было много жёлтого пластика и не было 13-го ряда. Мы летели домой. Недельное путешествие в Шотландию закончилось.

Все семь дней мне что-то мешало. Что-то было не так.

С женой летали праздновать моё шестидесятилетие. Друзья купили квартиру на острове Bute и пригласили нас с Таней в гости. А я искал место, куда убежать от празднования. Это мой комплекс. Придумал ему объяснение: смолоду стал начальником.

Однажды, лет в тридцать с небольшим, получил очередную высокую должность, и в день рождения меня поздравляли новые подчинённые. За год до того было по-простому, как у всех. Теперь те же люди – и вдруг розы большими букетами и очередь, пусть небольшая, желающих засвидетельствовать глубокое и искреннее уважение. Розы залил водкой – вышло два стакана розового ликёра. Лжи было больше. С тех пор в день рождения я стараюсь удрать подальше. В простом варианте уезжал на рыбалку, пятидесятилетие встретили с Таней на Родосе. Вдвоём.

Нынешняя поездка была интересной. Шотландия – не первая моя заграница, но каждому возрасту и настроению соответствует новый взгляд. В этот раз я заметил внимание. Не к себе, но ко всем прохожим и проезжим. Дорога от аэропорта до вокзала – под крышей. Крышей закрыты и перрон пересадки, и большой конечный вокзал, и проход к морскому парому. И только когда мы вышли из автобуса перед домом друзей, увидел, что в Шотландии есть небо, из которого льёт дождь. Чувство, что кто-то о нас заботился, не покидало всю поездку.

Лариса с Майклом ждали, и вся неделя прошла в тёплых спокойных тонах. Приятно болтали, вкусно ели и пили. Пили «Гиннесс» и виски. «Гиннесс» там лучше, чем в Англии – сказывается близость родины, Ирландии. Вышла неувязка. Таня в пабе попросила сахар, потому что «Гиннесс» горький. Паб был большой, народу полно. Но все услышали – и умолкли. Молча смотрели на Таню, как бы я смотрел на живого марсианина. С виски тоже наступил момент истины. Лучшим считается вискарь, который пахнет торфом и сивушным маслом. Когда на третий день дегустации я разговелся родной белой, понял, что дымные тонкости не для меня. Я русский, и моё – водка. С солёненькой закуской или, на худой конец, с любым овощем. Правда, и колбаска неплохо, а бутербродик с красной икоркой – полная классика, но не это тема рассказа.

Оба окна квартиры выходят на море. До него не больше сотни шагов.

Море не безбрежное, как у нас, а растекается в стороны. И прямо, километрах в трёх-четырёх на другом берегу то зеленеют, то туманятся холмы соседней земли. Дом не новый, викторианский. Я думал, это тип. Оказалось – возраст. Больше ста лет. Окна в одно стекло. Открываются вверх-вниз. Шарм есть. Удобства нет. Хорош дверной звонок. Дёргаешь ручку. Она толстым проводом соединена с футового размера пружины типа часовой, на которой висит неслабый колокольчик. Прямо над головой.

Перед окнами яхты. Штук сорок. Пришвартованы к круглым буйам. Чтобы добраться до яхты, надо воспользоваться маленькой лодочкой. Этими лодочками, резиновыми и пластиковыми, уставлена вся набережная. Яхты смотрят строго в одну сторону и со сменой прилива на отлив и обратно дружно выполняют поворот кругом.

Берег неровный, дорога извивается вместе с ним. Между дорогой и берегом тротуар. Вроде бы ничего необычного. Но – друзья живут на окраине городка, вытянувшегося полоской вдоль побережья, дом стоит с краю, последним, а тротуар виляет вдоль берега ещё четыре километра. И не просто виляет, а несёт на себе через каждые две сотни метров уютную скамейку и урну для собачьих отходов. На каждой скамейке латунная табличка с именем и фамилией. Так оставляют память о близких.

Остров невелик – тридцать миль на десять. Живёт 3000 шотландского народа. Концентрированно, на узкой прибрежной полосе. Остров из камня, дома и заборы тоже. Каменные пляжи не располагают к купанию, а вода чистая, влекущая. Малочисленные рыболовы упорно машут спиннингами, изредка вытаскивая рыбу размером с селёдку. Дома невелики, построены давно. Окнами смотрит на море почти каждый дом. Маленькие палисадники – в газонах и цветах. Ни теплиц, ни грядок. Газоны абсолютно ровные и стрижены под ноль. Все и всюду. Окна в домах часто без занавесок, и с улицы видны небольшие комнаты. В них за столами сидят люди.

Природа создала остров удивительно. С любого места видно море. Вокруг зелёные холмы и небо. Вроде бы вариантов немного. Но погода делает эту картину живой и неповторимой. Потому что меняется всё время. Безветрия не бывает, солнце пропадает вдруг, за минуты; тяжёлые тучи из ниоткуда опускаются на холмы, и дождь полосами хлещет море. Недолго. Клочки синего неба прорываются сквозь свинец, и неожиданно всё вокруг заполняется то ли густым туманом опустившегося облака, то ли морсящим дождиком. Час-другой постоянной погоды – редкость. А ветер – морской, скорее океанский, в разгар лета не холодный, плотный и густой от запахов йода, солёной воды, обнажённого в отлив дна. Ветер толкает и заставляет чувствовать жизнь.

Барашки на волнах местные романтики называют белыми цветами в саду рыбака.

Холмы зеленые, рощи и луга делят их примерно поровну. На изумрудных коврах белые точки – овцы, источники шотландской шерсти. Необычны коровы, лохматые и похожие на бизонов. Луга перегорожены заборами, чтобы соблюдался порядок использования пастбищ. Между участками хитроумные калитки, преодолеть которые глупым животным не по силам. Я тоже проходил с трудом.

Среди туристов нынче остров не особенно популярен, и потому народу мало. Говорят, это сейчас, в кризис. А в 50-е годы здесь был популярный курорт, народ валил парходами. На острове даже ходил трамвай из порта на пляжи. Сегодня редкие встречные – в основном прогуливающиеся пожилые люди. Для удобства прогулок сделано всё: дорожки и тротуары, указатели и предупреждения, скамейки и укрытия от дождя. И подчеркнутая чистота.

Прохожих нет, а дворники есть.

Очень впечатляет морское дно в отлив. Есть редкие следы человека – проржавевший кусок толстенной якорной цепи, которому сотни лет, скелет затонувшей шлюпки, оставленный, скорее всего, для живости пейзажа, но привычной пластиковой грязи из бутылок и пакетов нет вовсе. Один раз в пещере, во время пешего похода, я увидел пару сплюснутых банок от колы. И обрадовался – и здесь есть нормальные люди.

Утром, пока Лариса готовила завтрак, мы шли прогуливать фалена Лакки. Рядом собачья площадка, посередине выгорожен квадратик для человечьих детей. Площадка для игры в шары. Видел однажды: пять старушек, пришедших из последних жизненных сил, на площадке преобразились. Из ридикулей эпохи королевы Виктории в специальных чехлах извлекались тяжеленные шары размером с апельсин. Правила просты. Кто ближе свой шар подкатит к заданной точке, тот и выиграл. Шотландский диалект силён, поэтому моего словарного запаса из семи английских слов не хватило понять, на деньги игра или так, на интерес. А азарт был не детский, но пропорциональный возрасту.

Лариса втянулась в оздоровительный процесс. Понятно – большая операция на сердце. Инсульт, хоть и небольшой, у Майкла. Соль исключила из меню напрочь. Даже на сахар руку подняла. А самая главная задача этого жизненного периода – пешеходство. *Педестрейн*, по-английски, – пешеход. И звучит даже как-то не очень. А уж суть – шляться без толку – ещё хуже. Хорошо хоть начинали ежедневные прогулки с автомобильного подскока к старту. Удачно, когда начинали от паба. Там видели джентльмена лет восьмидесяти, гордо признавшегося, что ходит в одну и ту же пивнуху сорок два года. Постоянно. Думает, это хорошо.

Спокойно живут. Равномерно и планомерно. Так себе *педестрейнствуют*. Два часа выглядывал в бинокль девчонок на набережной. Прошли два дворника и дед со старой собакой, трусившей сзади. Девчонок не

было.

Я понял, что не так. Остров стариков. Станция пересадки на тот свет. Чтобы постепенно. Плавный переход в иной мир. Уехать туда от суеты мирской жизни, вроде как в монастырь. Доживать спокойно в европейской цивилизации. Гулять по дорожкам, восторгаться сдержанными красотами, считать овец на холмах. Быть уверенным, что за стенкой стоит медсестра, готовая помочь или покатать твою инвалидную коляску.

Не по мне. Хорошая земля, а чужая. Плохо дома, но всё своё. И грязь, и невнимание, и вообще чёрт-те что. У нас больная старость не бывает длинной. И всё у нас неожиданно – и снег зимой, и смерть всегда вдруг. Это по-нашему, по-русски.

И всё уложилось в голове, и стало спокойно. Я возвращался домой.

Собачье

Первой была Диана. Русский спаниель, кудрявая – чистый каракуль. Это отклонение от нормы, но красиво. Приобщал ее к охоте. Самая красивая и литературно воспитанная охота – на вальдшнепа. По ранней весне, перед заходом солнца, он летит вдоль опушки леса и высвистывает самочку. Охотник слышит его по характерному свисту – хорр-хорр-цвик! – и на подлете стреляет.

Охота недолгая, тяга длится каких-то полчаса. Сбитый вальдшнеп падает в кусты, которые красиво зовутся крепями, и снег только растаял, кругом вода поблескивает. Я тащу Диану в эти мокрые крепи, ползаю и нахожу подбитую птицу, слегка подпорченную зарядом мелкой дробы. Как объяснить домашней интеллигентной собаке, пусть даже с документами об охотничьей родословной, что она должна взять этот окровавленный комок перьев в рот и обрадованно принести хозяину? Никак. Только личным примером. Делай как я.

Когда наконец собака поняла, что я от нее хочу, она категорически отказалась от участия в охоте. Надо было видеть ее оскорбленное достоинство на коричневой морде. Где-то я ее понимал и больше к этому грязному делу не звал.

Второй собакой была йоркширский терьер Мелисса. Порода своеобразная, даже не собачья. Очень самостоятельная. Мы уходили на работу, она одна коротала свою жизнь в пустой квартире. Нет, не вредничала и ничего не портила, но нам было совестно за ее одиночество. И мы купили папию-она Сонечку. По документам она звалась Кассандрой с какой-то иностранной звучной фамилией, шведские корни. Но была она Сонечкой, милой, ласковой. Подошло бы еще Ангелочек, но «Сонечка» появилось раньше.

Дружбы у собак не случилось. Мелисса, царица в доме, оказалось, в

друзьях не нуждалась. Не царское это дело – с дворнягами лопоухими общаться. Ну не объяснишь же этой зазнайке, что Сонечка очень аристократического рода, и это не лопоухость, а гордость породы – летящие уши, от которых и название породы – папийон, что с французского значит бабочка. Жили они так, как в коммуналке. Не ссорились.

Сонечка в преклонном возрасте, она прожила 18,5 лет

В те времена хозяева искали своим собакам пару, большой круг общения, подбирали по родословным, по симпатии к хозяевам, все по-серьезному. И Сонечка стала мамой. Пять щенков. Рожала сама, справилась, она во всем была умницей. Мелисса к тому времени уже обзаводилась потомством дважды. Сама маленькая и крепкая, щенков четверо, и все тоже здоровенькие, и потому оба раза делали кесарево. А это как? Сделали укольчик, пришла в себя, а тут уже четверо присосались. И Сонечкиных щеночков она сразу приняла за своих. Цвет другой, да какие-то несуразные, но ведь детей не выбирают. Да и какая Сонька мать?

Мелисса кормит детей Сонечки

В доме скандал. Сонечка плачет, к нам бежит жалуется – к родным детям царица не пускает. Решение нашлось. В одной комнате Мелисса с двумя щенками, в другой Сонечка с тремя. Кормит всех Сонечка.

Прошел месяц, Сонечка свой материнский долг по кормлению честно выполнила. И тут появилось молоко у Мелиссы. Оказывается, такое бывает. А щенки-то уже почти с нее ростом, и сосут уже из всех своих неслабых сил. Целый месяц Мелисса выполняла свой придуманный материнский долг. Так что у тех щенков было две мамы. На даче гуляли колонной. Впереди Мелисса. Она всегда шла впереди и вела семью за собой. И ни разу не позволила ни одной чужой собаке приблизиться, даже овчарке. Сонечка строй замыкала, чтобы никто не потерялся, а маленькие бабочки-папийоны порхали меж двух матерей.

Броши серии АЛКО

Алла работала продавщицей в магазине мужской одежды. В прошлом были лихие 90-е: бизнес, деньги, банкротство, двое сыновей. Хорошо, что цела осталась. Теперь бесквартирье, безденежье, ожидание редкого покупателя. Только по вечерам Алла оживала. Она делала брошки. Вернее, не делала, а создавала. И не брошки, а Броши, яркие, с многими камнями, как та жизнь, которая не случилась.

Жизнь Кости шла в этом же городе, неподалеку. Одаренный мальчик из еврейской семьи получил хорошее техническое образование, защитился. Не было у него жены и детей, и даже подруги не было, зато была больная мама и ответственность за нее. Перед кем? Наверное, перед Богом, в которого он, понятно, не верил, но жил по его законам. Еще была интересная работа в области прочности металлических конструкций. В этой работе Костя много узнал и понял – и стал профессором как по знаниям, так и по должности.

В обычный неприметный день Костя шел по улице и остановился у витрины магазина. Вспомнил, что нужна какая-то мелочь из одежды. Зашел и стал оглядываться вокруг. Алла с напарницей уныло смотрели мимо, видя, что не покупатель, а просто так, для разнообразия жизни зашел. Костя не уходил. Чтобы совсем не скучать, Алла спросила:

- Помочь, мужчина?
- Помогите, – робко ответил Костя.

От своей скуки и робости покупателя у Аллы проснулось озорство. А давайте-ка вот пиджачок примерим. И вот брючки. Вот только эта рубашка сюда подойдет. До фрака дело не дошло, но смокинг смотрелся прекрасно. Костя послушно стоял наряженным манекеном и робел. Алла отошла и полюбовалась на сделанное: «Ну будто профессор!» На что Костя тихо, но слышно сказал:

- Я и есть профессор.
- Настоящий?
- Да. С документами.
- И что, профессор, за мои старания и кофе не угостите?

Через несколько дней с кафе и прогулками Костя сказал:

- Вот здесь я живу. Давайте зайдем ко мне в гости.
- Вот еще чего! Знаю я вас, сначала в гости, а потом с детьми на улицу?

Технический профессор соображал четко и быстро. В голове у него все сложилось.

- Тогда давайте поженимся.

Алла остолбенела. Зайти в гости она отказалась из простого жеман-

ства, надо же поломаться, а зайти хотелось. А он – жениться? И не придумала ничего лучше, чем ляпнуть:

– А вдруг мы в постели друг другу не подходим?

Ответ тоже был неожиданным.

– Тогда я буду просто о вас заботиться.

В Костиной голове было уложено: человек рядом – это ответственность. Если к этому добавляются чувства радости от близости и душевное понимание, очень хорошо. Но не необходимо.

Они поженились. И любовь у них получилась зрелая – уважительная, заботливая, лучшая любовь.

Броши Алла продолжала создавать. Они изменились. Стали крупнее, с большим, полным энергии и чувств, камнем посередине. А маленьких во-круг стало меньше.

Фантазии в камне

Тему брошей из натуральных камней продолжает Татьяна Реднева.

От редактора А. Беленко:

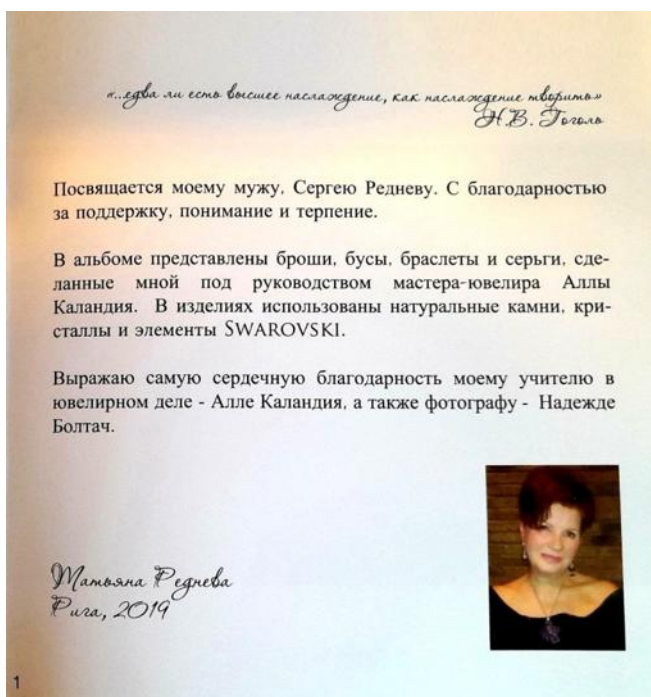
Камень сопровождает человека с самых истоков его истории – на всём протяжении развития человеческой цивилизации. Из камня создавали первые орудия и жилища, им украшали храмы и дворцы, ему приписывали особую силу и превращали в украшения. В его природной красоте человек с древнейших времён видел нечто неизменное, загадочное и вечное.

В этой небольшой фотовыставке работ Татьяны Редневой – особый мир авторских брошей, в котором природная неповторимость камня встречается с рукотворным искусством. Каждая брошь – это маленькое произведение, созданное из натуральных камней и кристаллов и жемчуга Swarovski. Игра света, глубина цвета, природный рисунок минералов и сияние кристаллов соединяются в неповторимые образы. Яшма, агат, аквамарин и другие камни, каждый со своим характером, цветом и уникальным природным рисунком, становятся основой этих украшений.

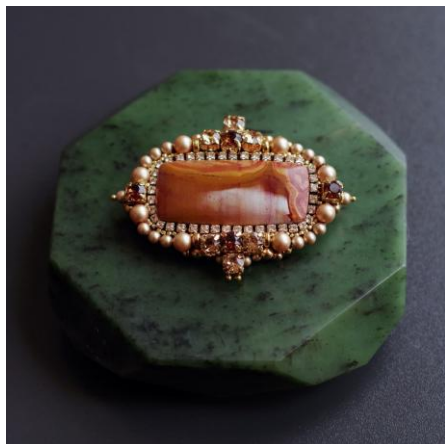
Это всего лишь небольшая часть того, что создали умелые руки Татьяны, формат нашего журнала не позволяет показать все её шедевры. В 2019 году увидел свет фотоальбом её работ «Наслаждение творить», перед вами обложка, первая страница этого уникального издания и несколько фотографий из её альбома.

Обложка фотоальбома

Первая страница фотоальбома

Яшма.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом.

Гранат альмандин.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом.

Аметист, жемчуг натуральный.
Кристаллы Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
родием.

Агат.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
родием.

Янтарь.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом.

Янтарь.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом.

Малахит.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом

Аквамарин.
Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
родием

Яшма.

Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
родием.

Барочный жемчуг.

Кристаллы и жемчуг Swarovski.
Фурнитура премиум-класса покрыта
золотом.

В тени Рауля Валленберга

Часть 4

Осознание масштаба Катастрофы и степень героизма отдельных людей встали передо мною в полный рост, когда в 2010 году я оказалась в Варшаве на старом Еврейском кладбище. Туда мы с мужем, Ефимом Зайдманом, поехали после очередной эсперанто-встречи, хотели побывать на могиле создателя международного языка эсперанто, д-ра Людвиг-Лазаря Заменгофа.

На аллее, недалеко от входа, я увидела памятник. Я узнала его сразу – того, кто шёл во главе небольшой группы детей, держа самого маленького на руках.

Фото: Шауль Кидрон

На памятнике-кенотафе⁹ на Еврейском кладбище в Варшаве высечена надпись: *«Януш Корчак (Хенрик Гольдшмидт), 1878–1942. Воспитатель, писатель, общественный деятель. Погиб вместе со своими детьми в Трешлинке, отказавшись оставить их до конца».*

Я долго стояла перед этой условной могилой Януша Корчака и тех

⁹Кенотаф (от греч. «пустая могила») – памятник или надгробие, устанавливаемые в память об умершем, чьи останки отсутствуют, утеряны, кремированы (прах развеян) или погребены в другом месте.

двухсот детей-сирот, которых он и ещё несколько воспитателей не покинули до последней черты. Я сжимала в руке камешки, привезённые из Крыма, которые несла, чтобы положить на могилы Заменгофа и его жены. Один положила к ногам великого педагога и писателя.

Вскоре после переезда в Израиль я решила сделать что-то в память о муже, начала собирать материалы для книги о нём. Книга понемногу писалась-версталась по опубликованным ранее материалам, по моим и Ефима собственным воспоминаниям, по рассказам его друзей.

Естественно, одна из глав была посвящена изысканиям, которыми он занимался последние полтора десятка лет своей жизни. Глава называется «Как я стал эсперанто-историком», в ней Ефим рассказывает о пионерах эсперанто, которые постоянно или временно жили в его родном городе, в Ялте. Удивительным образом переплетены судьбы этих людей – д-ра Ильи Островского, Николая Боровко, его супруги Антонины Чайковской, их дочери Нины Боровко-Ланглет и Вальдемара Ланглета, друга семьи и мужа Нины.

Книга «Просто Ефим» готова, её электронный вариант рассылается друзьям и единомышленникам. Кажется, я сделала всё, что могла, но что-то не даёт удовлетвориться результатом и жить спокойно. А тут ещё эта история с книгой М. Голенищева-Кутузова-Толстого (см. «Сонар», №20).

Неожиданно для самой себя продолжила искать в интернете материалы о Вальдемаре и Нине Ланглет, зацепило звание, которое они получили в 1966 году – «Праведники Народов Мира».

И я поехала в музей Яд ва-Шем.

Музей Холокоста, архив библиотеки. Я оформила заявку, и мне указали на свободный компьютер в читальном зале.

Дело № 101, Вальдемар и Нина Ланглет.

Я просматривала оцифрованные документы на 160 листах: вырезки из газет, рукописи, машинописные тексты на официальных бланках; язык шведский, венгерский, английский, иврит, одно письмо на русском. Документы в середине прошлого века копировались с помощью светокопировальной техники, некоторые едва можно прочесть, особенно те, где текст напечатан или написан от руки с обеих сторон.

По моей просьбе мне прислали на почту материалы, и когда уже у себя дома я вторично открыла файл «Праведники мира. Дело № 101», то поняла, что буду продолжать работу мужа, что нужно публиковать эти материалы и...

...И мне внезапно очень сильно захотелось побывать в Будапеште.

Я написала несколько писем венгерским эсперантистам по адресам, опубликованным в «Pasporta servo». Это т. н. Паспортная служба, которая была создана в начале прошлого века для того, чтобы эсперантисты всего мира могли общаться между собой и путешествовать.

В своих письмах я просила Анну и Тибора – эсперантистов, проживающих в Будапеште и ответивших мне, – чтобы они сделали для меня снимок памятной доски во дворе школы имени Вальдемара Ланглета, но во мне продолжало назревать желание поехать в Будапешт и самой всё увидеть.

Спустя полгода появилась такая возможность, Анна встретила меня на железнодорожном вокзале, и потом все три дня, что я была в Будапеште, она и Тибор сопровождали меня в прогулках по городу.

Возле памятника Л. Заменгофу с новыми друзьями.
Будапешт, 2023 г.

Адрес первый. Старый дом №3 на улице Лоньяи, 3 (Lónya utca), где жили Нина и Вальдемар Ланглет, и где впервые супруги начали прятать людей у себя в квартире, не сохранился. В своей книге «Хаос в Будапеште» Нина пишет, как сосед по дому начал угрожать, обещая заявить, что у них живут какие-то посторонние люди, пришлось срочно покинуть квартиру. В этот дом позже попала авиабомба, разрушив его до основания. Теперь на его месте стоит дом послевоенной постройки, поджаты с двух сторон старинными домами.

Улица и школа им В. Ланглета. Фото из интернета

Адрес второй. Улица имени Вальдемара Ланглета (Langlet Waldemár utca) и школа его имени находятся в IV районе Будапешта (Уйпешт). Памятную доску на стене школы, фото которой мне прислали венгерские друзья, я не увидела – она во дворе школы, школа закрыта, каникулы (фото см. в №19 «Сонар», стр 156).

На стене дома напротив школы – еще одна памятная доска:

Тут была столовая, в которой кормили детей-сирот во время фашистской оккупации. Перевод надписи: *«Ланлет Вальдемар, 1872–1960, Дипломат. Преподаватель университета Пазмани Петера, главный комиссар Шведского Красного Креста, спасатель. В Уйпеште на его бесплатной кухне кормили 460 детей».*

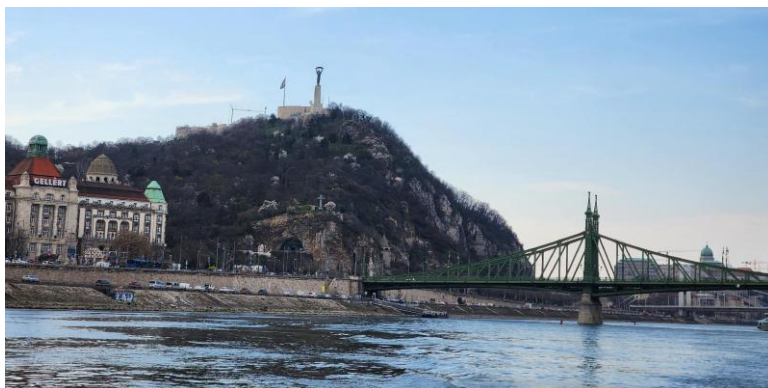
Набережная Вальдемара и Нины Ланглет

Адрес третий. Набережная Дуная. Участок на правом (буданском) берегу Дуная от моста Свободы до моста Петёфи был официально назван набережной Вальдемара и Нины Ланглет (Valdemar és Nina Langlet rakpart) решением городского собрания Будапешта 3 июня 2010 года.

Переименование было частью большого проекта, в рамках которого участки нижних набережных Будапешта получили имена людей, спасавших евреев и других преследуемых во время Второй мировой войны. Среди них были Рауль Валленберг, Карл Лутц, Анджело Ротта, Сара Салкахази и другие.

– Тут на стене была когда-то официальная городская табличка, обозначающая название этого участка набережной, но она исчезла, – рассказали мои новые друзья, немного смущённо, как-будто извиняясь.

На снимке ниже – гора Геллерт, со статуей Свободы на вершине, одноимённый мост и набережная имени Вальдемара и Нины Ланглет.

Адрес четвёртый. Мы перешли зелёный мост Свободы, потом доехали трамваем до здания Парламента, где чуть ниже на самой кромке набережной – бронзовые туфли: детские, женские, мужские, ортопедический ботинок... Это памятник погибшим евреям. Щемит сердце... Немного отпустило, когда прокатились речным трамвайчиком под мостами, любовались величественными зданиями по обеим берегам реки. Прекрасный Дунай, сколько же ты повидал!

– Ты приехала только для того, чтобы походить по улицам и увидеть эти памятные места? – удивлённо спросил меня Тибор, прощаясь.

Да, именно так, хотя не каждый может в это поверить, понимаю.

Я уезжала из Будапешта наполненная впечатлениями этих трёх дней. Я успела увидеть всё, что хотела, вдобавок побывала в местном эсперанто-клубе и приняла участие в марафоне: нужно было подняться на гору Геллерт, пройти весь заданный маршрут, получая отметки на каждом пункте. Но я больше любовалась видами города со смотровых площадок и скульптурными композициями в Философском саду на склоне горы, чем торопилась двигаться по маршруту. Сад раскинулся в парковой зоне и назван Философским благодаря восьми бронзовым фигурам – каждая изображает какого-нибудь известного пророка и просветителя, оказавшего влияние на духовную историю человечества.

Я помню, как там, на горе Геллерт, я подумала, что Вальдемар и Нина поднимались на эту живописную гору и так же, как я, смотрели на город в закатных лучах солнца. Я пыталась представить город их глазами: Дунай, мосты, набережная, улицы, площади – с высоты всё прекрасно видно. И я понимаю, почему они любили этот город, прожили тут десять лет и уехали не по своей воле.

Нужно будет поискать что-то об этом в книге Нины Ланглет. Биографические, документальные повести часто несут некоторые отступления от основной темы, показывают окружающее пространство, людей, обычаи того времени, уклад жизни.

Да, решила я, вернусь домой, ещё раз внимательно прочитаю книгу «Хаос в Будапеште», которую когда-то просто пробежала, не вникая особо в детали. Сейчас я совершенно по-другому буду её читать.

Перед тем, как завершить свою публикацию, вероятно, уместно напомнить нашим читателям, что материалы документальной повести «В тени Рауля Валленберга», проливающие свет на жизнь и спасательную деятельность супругов Ланглет, были опубликованы в трёх номерах журнала «Сонар» (№№ 18, 19, 20). Прошёл год, и всё это время я продолжала

искать информацию. Мне открывались новые документы и свидетельства, и все они упорно указывали на то, что эта пара, Вальдемар Ланглет и его жена, были настоящими героями, необыкновенными людьми.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что название, которое вместе с темой досталось мне по наследству, не соответствует действительности – Ланглеты известны и почитаемы, хотя у них нет скандальной и драматической известности Валленберга.

Да, у них не громкие имена, они не были политизированы. А то, что о них не каждый знает, – в этом ли суть? Их знают в Швеции, их знают в Венгрии и в Израиле.

Почему Ефим Зайдман, материалы которого легли в основу этого исследования, так назвал свою статью? Возможно, когда он начинал свои поиски в 2001 году, информации ещё было недостаточно, вернее, она ещё не появилась в открытом доступе. Всё, что мог он сделать, – это перелистывать старые подшивки газет и журналов в венском Музее эсперанто, переписываться с эсперантистами и читать книгу Нины Ланглет, переведённую и изданную на языке эсперанто в том же 2001 году.

Особенности мемуаров Вальдемара и Нины Ланглет в том, что хотя они и написаны в одно и то же время, сразу после войны, его записки больше сосредоточены на официальной стороне, контактах со шведской миссией, Красным Крестом, переговорах и административных усилиях по спасению людей в условиях нацистской оккупации и террора партии «Скрещенные стрелы». А её воспоминания передают повседневную атмосферу страха, бытовые детали выживания в осажденном Будапеште, заботу о людях и эмоциональное напряжение ежедневной подпольной работы.

Ниже я привожу текст из книги «Хаос в Будапеште», с которым Нина обращается к читателям:

«По просьбе нескольких моих друзей я рассказываю здесь небольшую часть того, что мне довелось пережить в Будапеште во время хаотического завершения Второй мировой войны, в 1944 и 1945 годах. Свои записки я сделала зимой 1945 года.

В своем труде «Verk och dagar i Budapest» («Труды и дни в Будапеште») мой муж, тогдашний делегат Венгерского Красного Креста Вальдемар Ланглет, подробно описал историческую и политическую обстановку в Венгрии, а также рассказал о помощи и деятельности шведского Красного Креста в Будапеште. Моя книга задумана как дополнение к нему.

Посредством живых драматических эпизодов я показываю то, что происходило, как мужчины и женщины различных слоев общества и различных религиозных убеждений, несмотря на опасность для собствен-

ной жизни, несмотря на неблагоприятные материальные и политические условия, руководствуясь чисто христианскими чувствами, противостояли своим преследователям, спасая евреев так же, как и христиан».

У Ефима Зайдмана в начале его поиска не было того, что есть сейчас у меня: 160 листов Дела № 101 из израильского Музея Холокоста, возможности читать оцифрованные книги и огромного количества статей из поисковой системы Google и.

Именно из таких статей я смогла узнать, как жили супруги Ланглет после того, как в мае 1945 г., так же как все остальные сотрудники Шведского Красного Креста, были вынуждены покинуть Будапешт. Вернувшись в Швецию, Ланглеты организовали комитет по оказанию помощи Венгрии, а годом позже Вальдемар написал и издал на шведском языке книгу о пережитых событиях «Труды и дни в Будапеште».

Заголовок в газете (шведск.):
«Нина Ланглет – 70 лет – женщина с необыкновенной судьбой»

60 лет назад, в мае 1966 года Нина Ланглет была приглашена в Израиль для получения почётного звания Праведника Народов Мира. Нина произнесла речь на иврите, который выучила специально перед визитом в Израиль, ей вручили серебряную медаль, и она посадила дерево. Вальдемар Ланглет ушёл из жизни в 1960 году – раньше, чем был удостоен заслуженной награды. Звание Праведника Народов Мира было присуждено ему посмертно. Но улица в Будапеште, а также одна из школ этого города были названы его именем ещё при жизни Вальдемара, в 1955 г.

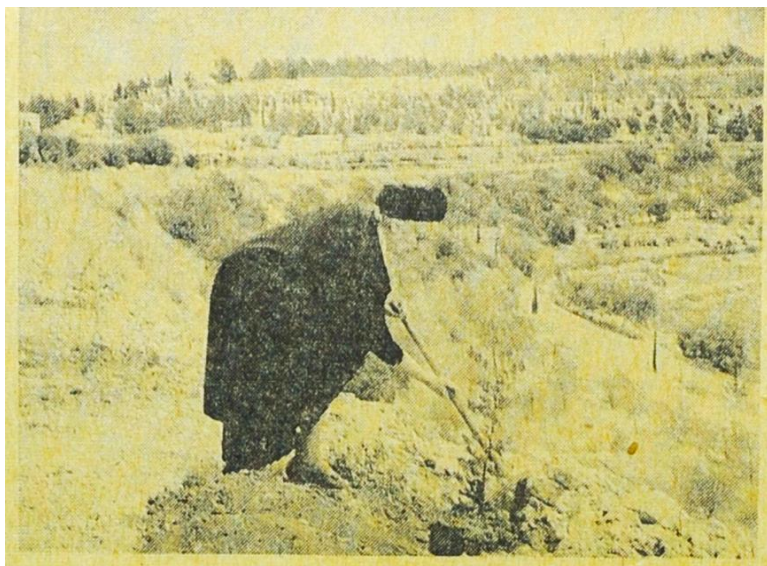
Нина пережила мужа на 28 лет. Она вела активную жизнь, продолжала преподавать музыку и языки, написала учебник иврита с хрестоматией и словарём, поддерживала связь с людьми, которых спасли во время войны. Свою книгу «Kaoso i Budapest» (Хаос в Будапеште) она издала на шведском языке только в 1982 году. В 2001 году книга под тем же названием вышла в переводе на эсперанто.

Нина умерла в сентябре 1988 года, супруги похоронены рядом на кладбище Лербу в Швеции.

Удостоверение: Нина Ланглет, рискующая жизнью для спасения евреев во время Холокоста, посадила дерево в Аллее Праведников народов мира.

23 мая 1966 года. Яд ва-Шем

60 лет спустя. Яд ва-Шем, сектор В4.
Фото Марина Ожегова

Из одного корня – два ствола, символично. Запомним эти имена – Вальдемар и Нина Ланглет.

Сведения об авторах

Вениамин Арцис. Родился в Москве в 1930 г. После окончания химического института в 1953 г. работал в оборонной промышленности. В 1972 защитил кандидатскую диссертацию. Более 40 лет был членом общества «Знания» и прочитал около 1000 лекций на различные темы. В 1995 г., уже будучи пенсионером, приехал «как турист» в Израиль к детям, репатриировавшимся ранее, и остался на ПМЖ. В Израиле продолжал лекционную работу в рамках Дома ученых Хайфы. Является руководителем Дискуссионного Клуба. Выпустил два сборника стихов.

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. По профессии – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров». Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публиковалась в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участвовала в литературных конкурсах. Автор нескольких книг. Член редколлегии журнала СОНАР.

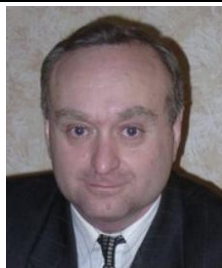

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992 года в Израиле: работала пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле. Стихосложением занимается всю жизнь.

Рахель Блувштейн. Рахель Блувштейн (1890-1931) - выдающаяся израильская поэтесса, ставшая классиком национальной литературы. Она родилась в Саратове в еврейской семье, училась в гимназии, прекрасно знала русский язык и русских поэтов. В 1909-м году Рахель приехала в Османскую Палестину (Эрец Исраэль), направляясь в Италию, но влюбилась в эту землю и осталась здесь навсегда. Работала в

сельском хозяйстве, учила детей в кибуце. Рахель начала писать стихи на иврите ещё в юности, но расцвет её творчества пришёлся на годы жизни в Эрец Исраэль. Её поэзия отличается исключительной искренностью, простотой формы и глубокой любовью к земле Израиля. Поэтесса умерла от туберкулёза 16 апреля 1931 года в возрасте 40 лет и была похоронена на кладбище на берегу озера Кинерет, как она и завещала.

Леонид Гамбург. Родился в 1961 г. в Запорожье, Украина. В 1987-м году с отличием окончил исторический факультет Запорожского государственного университета по специальности «преподаватель общественных дисциплин и права». Преподавал в различных средних и высших учебных заведениях Запорожья. Доктор юридических наук. Автор более 130 научных и научно-методических статей по вопросам права. Репатриировался в Израиль в 2022-м году.

Инна Гендель. Врач-педиатр. Родилась во Львове. В Израиле с тринадцати лет. Мама замечательных двойняшек. Пишет короткую прозу. В 2020 году выпустила первую книгу «Башня Артура».

[Борис Годин]. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 г. доброволец в Яд ва-Шем.

Михаил Гольдис (1926–2020). Родился в 1926 году в местечке Ялтушков Винницкой области. Детство на сахарном заводе; голодная, тяжёлая юность в эвакуации в Саратовской области; участие – связистом – в Великой Отечественной войне, ранение. Завершил войну в звании младшего лейтенанта, награжден медалью «За отвагу». Окон-

чил юридический факультет Киевского госуниверситета, в течение срока лет работал следователем и прокурором в Украине в городах Красиллов и Каменец-Подольский, Старая Ушица и Хмельницкий. В 1993 г. эмигрировал в США, где начал писать мемуары – записки следователя. Мемуары публиковались в журнале «Зеркало» (Миннеаполис), а позже были изданы отдельной книгой – «Пути-дороги: воспоминания следователя». Позже в бостонском издательстве «Academic Studies Press», был опубликован английский вариант книги в серии, посвящённой эмигрантской литературе: «Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine» (Воспоминания прокурора-еврея из Советской Украины).

Ольга Кардаш-Горелик родилась в Таджикистане, в городе Ленинабаде, (ныне Ходжент). Выросла в помосковном Калининграде (ныне Королёв). С 9-го по 11-й класс училась в 7-й физмат-школе Москвы. Была солисткой. в знаменитом хоре А. Н. Чмырёва.

Дед, Михаил Соломонович Горенштейн, был математиком и музыкантом. Отец – крупным физиком. Мама, Н. М. Кардаш, – математик.

В доме часто устраивались музыкальные вечера. Мама читала детям стихи. Ольга писала стихи с 15-ти лет, рисовала, мечтала стать художником. Одно из первых её стихотворений называется «Художник».

Окончила мехмат МГУ. В Москве работала программистом, потом преподавала в 57-й московской физмат-школе вместе с известной правозащитницей Т. М. Великановой. Затем в центре лечебной педагогики занималась математикой с больными детьми.

В 1992-м году эмигрировала с мужем и детьми в Израиль.

Участвовала в создании физматшколы Шевах-Мофет под руководством Якова Мозганова и проработала в этой школе 24 года.

Имеет награды с нескольких литературных фестивалей и конкурсов. Живет в Тель Авиве.

Александр Крамер. Родился в Харькове. Окончил харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Получить филологическое образование не удалось, о чем и сегодня жалею. Впрочем, инженерная жизнь позволила поехать по бывшему Советскому Союзу, увидеть множество городов, пообщаться со множеством разных людей... Пишет

давно. Ещё со школьных времен. Начинал со стихов, но приходилось писать «в стол». Возможность печататься появилась только за несколько лет до переезда с семьёй в Германию в 1998 году. Уже в Германии стал писать прозу и публиковаться в детских и взрослых периодических изданиях России, Украины, Канады, Германии, США, Болгарии и других стран. В 2009 году несколько рассказов вошли в «Антологию российских писателей Европы» (Москва), в 2013 – в сборник рассказов «Десять домиков» (Израиль), в 2020 – в «Антологию русской литературы XXI века» (Волгоград), а в 2024 – в сборник фантастики «Формула XXI» (Волгоград).

Иосиф Келейников. Уроженец Новосибирска. В 1981 г. репатриировался в Израиль. Психиатр с сорокалетним стажем, в Израиле заведовал отделением психической реабилитации. Был членом Союза писателей Израиля. Публиковался в журналах Израиля, США, России, Англии, в Интернете. В 1998 г. издал книгу на двух языках – русском и иврите – «Клубки дорог». После неё ещё 13 книг: сборники стихов и прозы, их можно увидеть на сайте Иосифа. Живёт в Ашкелоне.

Ирина Лир-Лави. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа «Тетраэдр» и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Публиковалась (в том числе под именами Ирина Лир и Ирина Л. Лир) в сборниках «Мое открытие Израиля», «Эффект песочных часов» из серии «Израильская современная ли-

тература – XXI век», «Книга судеб», «Когда бы страной управляла наука», «7 октября», на литературном сайте dimus.me, в газетах Мост,

Новости недели (Израиль), Kstati (США), на сайте «Хроники Иерусалима» и в журнале Сонар (Израиль). Химик-технолог. Доктор технических наук. Из Москвы. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, работала в Институте медицинской техники. В Израиле с 1991 года. Работала в Технионе, в хайтеке и химической промышленности Израиля. Хобби – художественная керамика. Член редколлегии журнала СОНАР и выпускающий редактор.

Светлана Морозова. Родилась во Львове, Украина. Училась в университете, на филологическом факультете (русский язык и литература). Писать прозу начала в студенческие годы. Любимая тема – историческая фантастика. В 1996-м году репатрировалась в Израиль, где продолжила заниматься творчеством. Публиковалась в коллективных сборниках Украины, а также в израильских альманахах «Хронометр» и «Тивериада». Готовит к публикации свой новый роман «Заклание царского быка».

Илья Невязский. Родился в городе на Неве. Закончил Петербургский государственный университет путей сообщения. Работает в сфере организации мероприятий техническим директором. С 2010-го года достаточно много путешествовал по миру. Любит как походы, где есть возможность воссоединиться с природой и насладиться ее красотой, так и огромные урбанистические города с их технологичностью, продуманностью и инфраструктурой. Во время путешествий и поездок записывает свои мысли и наблюдения в виде заметок и мини-историй.

Анна Лея Портнова. Родилась в 1959 г. во Львове. Закончила техникум легкой промышленности. В 1997 г репатрировалась в Израиль. Писать начала в 2017 г. и затем издала книги «Слепая наивность» (2017) и «Солнышко» (2020), издательство «Книга-Сефер». Рассказ «Голос крови» опубликован в сборнике «Книга судеб» института «Am ha Zikaron». Печаталась в альманахах «Понедельник», «Литературный престиж», «Ашдодская гавань». Член СРПИ, удостоена нескольких грамот за участие в литературных конкурсах СРПИ.

Татьяна Реднева. Родилась в 1947 году в Риге. Отец, родом из Оренбуржья, воевал на Курской дуге, освобождал Ригу. После войны перевез семью в Латвию. Работал учителем, потом инженером. Мама была портнихой. От нее научилась шить. Училась в очень хорошей школе, потом в университете (экономический факультет, редкая специальность – организация механизиро-

ванной обработки экономической информации). В университете 4 раза ездила со студенческим строительным отрядом в Казахстан, на Алтай. Там встретила своего будущего мужа. После окончания учебы работала в НИИ по созданию автоматизированных систем управления. В 90-е все это закрылось – стала директором частной аптеки. Там познакомилась и подружилась с очень интересными людьми, с гомеопатией и нетрадиционной медициной.

На пенсии – увлечения музыкой, театром, рисованием, изготовлением брошек и других ювелирных изделий. Обожает собак. Собаки в доме с конца восьмидесятых; сейчас только одна собачка-папийон и кошка. Было больше. Везло всюду – встречала много хороших людей. Сын и взрослая внучка в Канаде.

Сергей Реднев. Родился в 1949 году. Отец – военный, поэтому за десятилетку учился в 11 школах. Последняя – интернат в Москве. Потом Латвийский университет, экономический факультет, общежитие. Первое место работы – Рижский автобусный завод. Там родился всем известный микроавтобус Рафик. Два года армии – командиром взвода. Когда служил в армии, родился сын. Потом недолгая работа на гражданке и служба в МВД, Управление исправительно-трудовых учреждений. Экономические вопросы, производ-

ство, начальник колонии строгого режима. Через 15 лет уволился в звании полковника внутренней службы. 90-е годы. Первое предприятие, которое создал, зарабатывало деньги для государственного пансионата престарелых. Потом – совсем частный бизнес, но с социальным уклоном. Аптека для пенсионеров, похоронное бюро. Наконец пенсия, теплица с помидорами, лодка на озере. И литература.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей. Член редколлегии журнала СОНАР, выпускающий редактор.

Гелена Степура. Родилась в Кишиневе в 1980 г. Репатриировалась в Израиль в 1990 г. Доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авионавтики. Работает по профессии. В свободное время пишет прозу и играет в театральной студии.

Юрий Фарбер. Родился в Киеве, до переезда в Израиль в начале 90-х работал инженером, благодаря чему побывал в самых разных уголках страны, общался со многими людьми, что впоследствии нашло отражение в творчестве. В настоящее время живет в Акко.

В авторском багаже соседствуют и стихи, и проза. Их объединяет момент, когда привычное в человеке вдруг перестаёт быть привычным, когда за обычной ситуацией обнаруживается вопрос, на который не так просто ответить.

В прозе любит мысленные эксперименты, неожиданные повороты и ситуации, в которых человек оказывается перед необходимостью увидеть себя со стороны. Автору интересен не столько сам эксперимент, сколько то, что он способен обнаружить в человеке – иногда совершенно не там, где ожидаешь.

Выпущены две книги в бумажном варианте – «Черный кот» и «По другую сторону войны», и две книги в электронном – «Две войны» и «Пока ещё есть время не успеть».

Мария Фердман. Техник-технолог. В Израиле с 1991 года. Автор книг «А звезды нам светят одни и те же», 1998 (стихи) и «Я пою колыбельную маме», 2018 (стихи и рассказы). Публикации в периодических изданиях Израиля, России, Германии, США. Член СРПИ и АРПА – международного союза литераторов и журналистов.

Эдуард Хейфец. Независимый исследователь. Выпускник биологического факультета Одесского Государственного Университета им. И. И. Мечникова по специальностям гидробиология и ботаника. Занимался философскими основаниями физики. За лекции в этой области в 2020 г. получил удостоверение лектора Всероссийского Общества «Знание». В журналах «Наука и жизнь» опубликованы статьи «Сикомор» (№ 6, 2011 г.), «Гиганты луж»

(№ 9, 2011 г.) и «Между аммонитом и каракатицей» (№ 6, 2016 г., статья посвящена теоретической находке непосредственного потомка аммонитов).

С 2022 г., обнаружив ботаническую загадку, оставленную Р. Спрусом в 1860 г., несколько раз навещал Эквадор с научными целями. Читал лекции в Ульяновском Государственном Педагогическом Университете им. И. Н. Ульянова, в Институте Геологии и Сейсмологии и в Институте Зоологии АН Молдовы, в Тираспольском Государственном Университете (г. Кишинев), а также в ВУЗах Эквадора – Государственном Университете Полуострова Санта-Элена, Техническом Университете г. Мачала и Национальном Университете г. Лоха, где в 2024 г. опубликована научно-популярная монография «Реконструкция прототипа покрытосеменных, или цветковых, растений» на испанском языке. Работа основана на ключевых признаках растений, оказавшихся незамеченными из-за того, что они достаточно обычны. В настоящее время живет в Израиле.

Паулина Чечельницкая. Родилась в 1946-м году в Молдавии. По профессии – преподаватель французского и немецкого языков. В настоящее время живёт в Израиле, в Тверии. Автор 11-ти книг поэзии и прозы, руководитель ЛитО «Волны Кинерета».

Леонид Штернберг. Родился в Харькове. Закончил 27-ю физ-мат. школу. Выпускник факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Кандидат физ-мат. наук, математик и программист. Доцент Куйбышевского авиационного института. Автор ряда книг и учебных пособий. В 1992 году репатриировался в Израиль. Работал в крупных компаниях, включая «Рафаэль», преподавал на факультете «Компьютерные науки» Техниона и в ряде колледжей.

В настоящее время активно выступает как аналитик политической и экономической жизни Израиля. Его статьи и выступления отличаются новаторским подходом, использующим математику и физику в публицистике. Член редколлегии СОНАР.

Иосиф Гринберг

Иосиф Гринберг родился в 1946 г. в Белоруссии (СССР). Изучал живопись в Пензенском художественном училище (1961–66 гг.) и в Минском театрально-художественном институте (1966–72 гг.).

До 1991 г. жил и работал в Минске, возглавлял там детскую художественную студию, много писал и выставлялся.

В 1991 г. вместе с семьей репатриировался в Израиль. Несмотря на все трудности и невзгоды жизни нового репатрианта, переезд в Израиль вдохновил художника на создание сотен ярких и пронизанных любовью к этой стране работ, включая серию городских пейзажей «Тель-Авив – Яффо». В 2011-м Иосиф Гринберг уехал в теперь уже независимую Беларусь, но через шесть лет вновь вернулся в Израиль.

В настоящее время Иосиф живет в Хайфе, Хайфе посвящена большая часть его работ. Член Израильского Союза художников и скульпторов, постоянный участник всех крупных художественных выставок. Работы Иосифа Гринберга находятся в музеях и частных коллекциях в России, в Беларуси, в Израиле и в США.

С творчеством Иосифа Гринберга можно познакомиться на сайте:

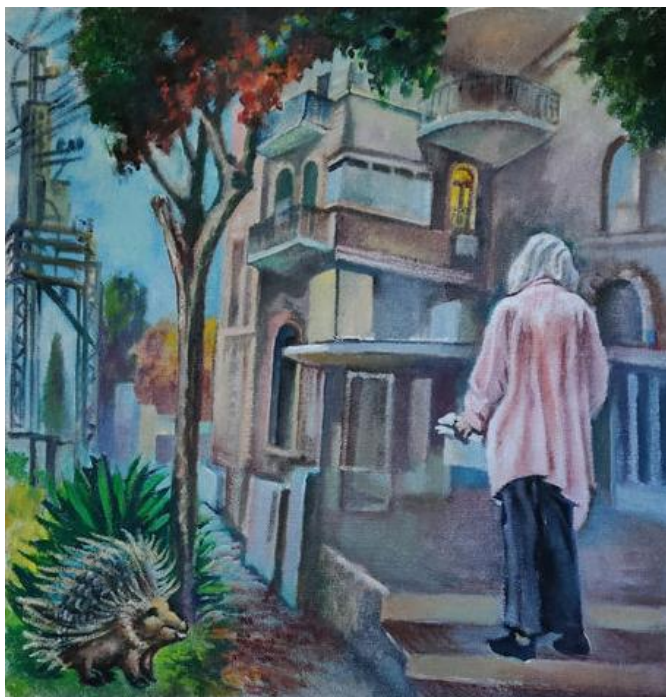
<https://www.joseph-grinberg.com/>

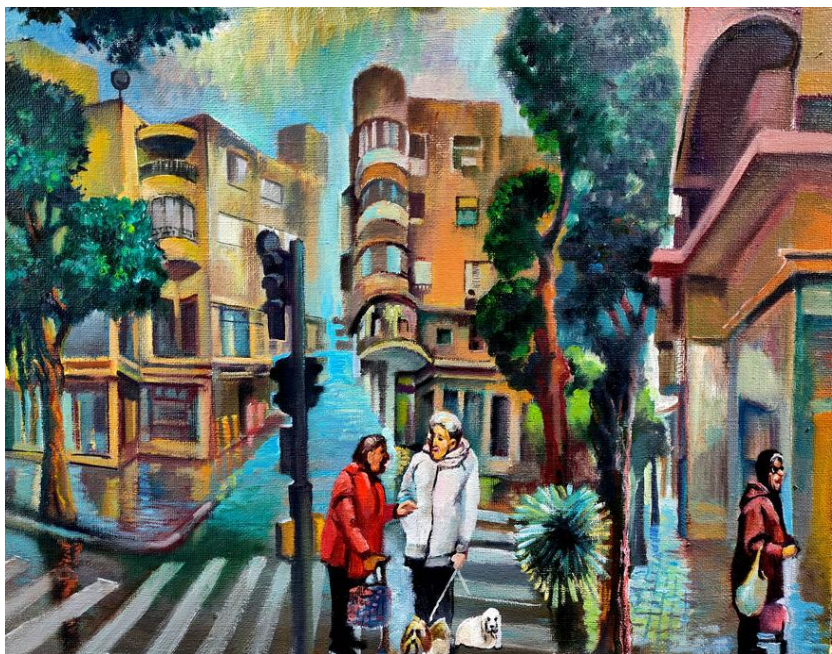
Вечер Йом Кипур. Коль Нидрей
2022, 100x80 см. Холст, масло

Синагога на ул. Келлер, 16.11.2024
2024, 160x90 см. Холст, масло

Савта
2023, 95х90 см. Холст, масло

После дождя на углу Герцель
2023, 100х80 см. Холст, масло

Шук Тальпиот
2022, 160x165 см. Холст, масло

Дом у шука Тальпиот
2022, 95x90 см. Холст, масло

На Ул. Герцль
2020, 95х90 см. Холст, масло

Полдень на остановке Герцель
2022, 120х95 см. Холст, масло

Остановка, угол Герцель и Арлозоров
2024, 120x90 см. Холст, масло

Метаморфозы
2020, 130x160 см. Холст, масло

Ветреный вечер. Хайфа
2018, 100x69 см. Холст, масло

Декабрь на ул. Бикурим
2019, 95x90 см. Холст, масло

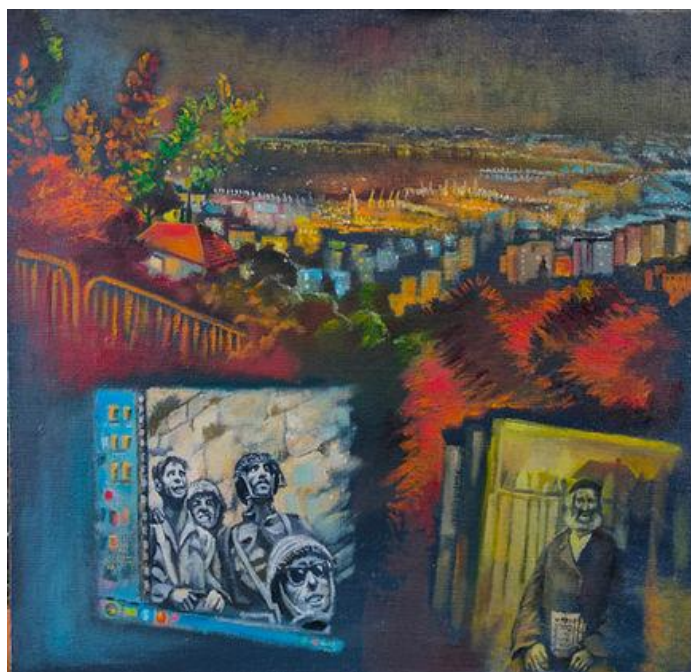
Закат
2019, 109x90 см. Холст, масло

Жизнь – театр
2020, 160x130 см. Холст, масло

Мальчики
2019, 93х83 см. Холст, масло

Мой прадед мечтал и молился
2021, 95х90 см. Холст, масло

Хайфский баухаус
2020, 100x80 см. Холст, масло

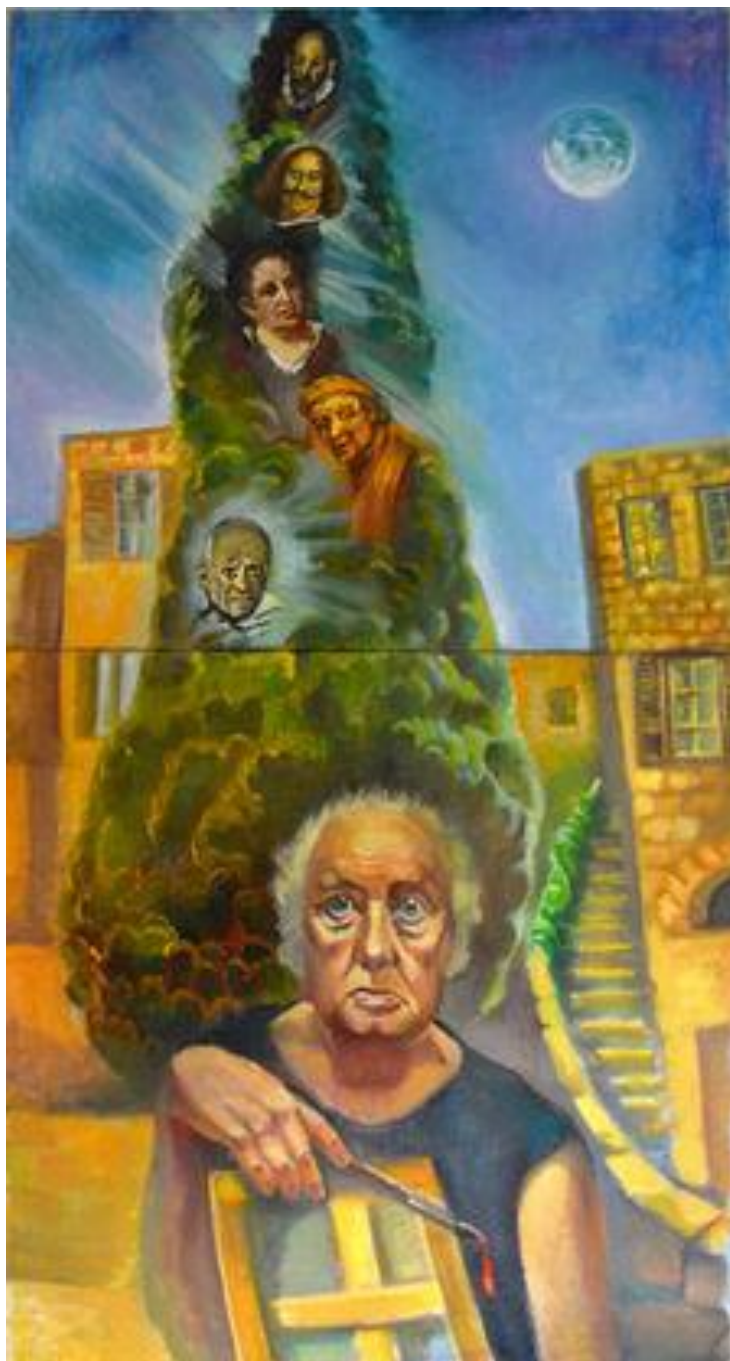
Последний дождь февраля
2021, 90x100 см. Холст, масло

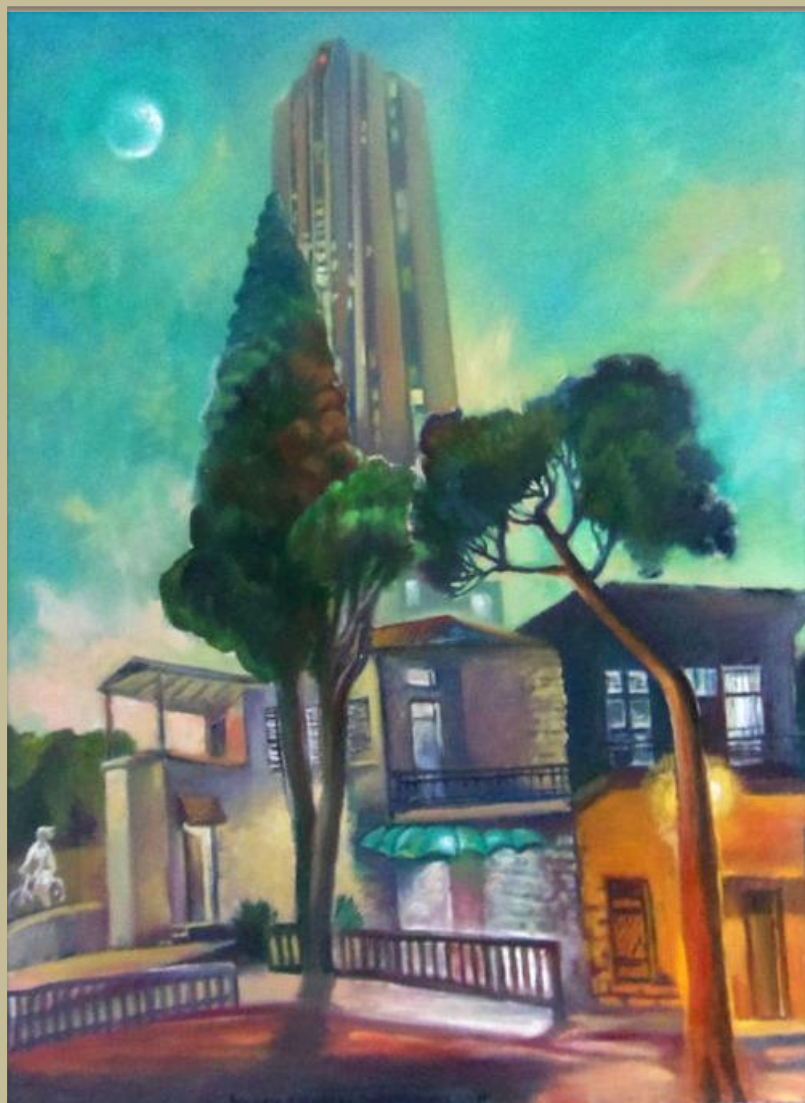
С Божьей помощью
2024, 170x120 см. Холст, масло

Октябрь 2023
2023, 150x95 см. Холст, масло

Автопортрет. Истоки.
2019, 176х93 см. Холст, масло

**Литературно-публицистический
журнал (((СОНАР))) № 22, 2026 г.
Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль**